

Марсель Лобе

Трагедия ордена тамплиеров

Предисловие к русскому изданию

Феномен военно-монашеских орденов давно является одним из приоритетных и изученных тем в историографии крестовых походов. Тем не менее он по-прежнему притягивает к себе внимание историков. И нельзя сказать, что это внимание незаслуженно – ведь ордены на протяжении Средневековья сыграли немаловажную роль в политической истории как Ближнего Востока, так и Западной Европы; некоторые из них существуют и поныне.

Зарождение военно-монашеских орденов неразрывно связано с достигшей своего расцвета на заре XI в. идеей борьбы с неверными и возвращения христианскому миру Святого Града – Иерусалима и, как следствие, с крестовыми походами на Ближний Восток. Крестonosному движению, увлекшему к Иерусалиму тысячи добровольцев, были свойственны необычайно высокий религиозный пыл и рвение, которые позволили западноевропейским воинам справиться со значительными трудностями, вставшими на их пути, и создать свои собственные государства на Востоке. Этот энтузиазм нашел свое отражение и в основании военно-монашеских орденов, которые были призваны выполнять двойственные функции – бороться с мусульманами и соблюдать свойственную монахам аскезу.

Сама идея создания военно-монашеских орденов была необычайно близка духу Средневековья, можно даже сказать, что для многих представителей Церкви она была мечтой. В эпоху Средневековья Церковь всячески поддерживала представление о христианском обществе, которое по мере своих сил борется с дьяволом и его приспешниками: монахи – молитвами, воины – оружием. Военно-монашеские ордены позволяли слить воедино эти два воинства – духовное и светское – для реализации благочестивых целей. Недаром св. Бернар Клервоский, автор «Похвалы новому воинству», противопоставлял светское рыцарство рыцарям-монахам. Безусловно, военно-монашеские ордены стали одним из этапов в длительной и иногда противоречивой эволюции средневекового монашества: отшельничество, столь популярное на заре христианской эры,

сменилось киношной жизнью, но периодически возрождалось – в VIII в. в лице ирландских монахов, прибывших на континент, чтобы проповедовать, в XI в. – клунийских монахов, в XII в. – монахов цистерцианцев. Сам смысл и задачи монашеской жизни неоднократно претерпевали серьезные изменения. Идеал отчуждения от общества не испытывал напора новых веяний в социальной и экономической жизни Западной Европы. Развитие городов, с их новыми ценностями и мировосприятием, породило монахов-францисканцев, доминиканцев, кармелитов, которые были более, нежели их предшественники, связаны с миром. Иные формы монашества (францисканцы) были признаны официальной Церковью, другие (альбигойские совершенные) пошли иной, своей дорогой. Военно-монашеские ордены также балансировали на грани: многие из первых членов орденов сомневались в законности своего дела.

Сначала основной функцией орденов, возникших в Святой Земле в начале XII в., была охрана паломников, которые спешили посетить Гроб Господень, от нападений мусульманских разбойничьих банд. Позднее они полностью переключились на военные операции против неверных, так что Римским Папам приходилось неоднократно напоминать орденам, что они позабыли о своей первоначальной цели, для которой и были созданы. Орденны выгодно отличались от существующих в XII – XIII в. войск крестоносных и западноевропейских государств. Их отличала строгая дисциплина, беспрекословное повиновение великому магистру в бою и в мирное время. Как отмечает автор представленной читателю книги Марсель Лобе, ордены были своего рода «жандармерией» христианского Леванта, почти регулярным войском. Помимо гарнизонного войска, размещенного по орденским замкам, рыцари-монахи составляли настоящую «мобильную армию», готовую в любой момент выступить в поход. Тамплиеры и госпитальеры в меньшей степени, чем правители Святой Земли, испытывали нехватку в людях. Орденны сначала были очень популярны в Западной Европе, и в них постоянно прибывали добровольцы. Именно поэтому охрану крепостей в Святой Земле часто доверяли именно тамплиерам и госпитальерам, особенно в княжестве Антиохийском и графстве Триполи. И, в отличие от христианских государей Ближнего Востока, которые постоянно испытывали нехватку в денежных средствах для оплаты военных действий, госпитальеры, и, прежде всего, тамплиеры, располагали колоссальными средствами, приобретенными в результате потока дарений и пожалований, просто обрушившиеся на ордены после их основания, затем стали практиковать банковские сделки, приносящие им солидный доход. Благодаря постоянным денежным поступлениям с Запада тамплиеры и госпитальеры сумели выстроить ряд надежных замков, на которых зиждилась безопасность Святой Земли. Многие и поныне поражают воображение своими размерами и мощью.

Однако со временем положение военно-монашеских орденов менялось, как менялось и отношение к ним. Разлагающее влияние на военно-монашеские ордены оказала и политическая ситуация в Святой Земле, где фактическое отсутствие королевской власти привело к настоящей анархии; в борьбе за деньги и власть там сталкивались местные сеньоры (пулены) и приехавшие из Западной Европы крестоносцы, итальянские купцы. Посреди этого политического хаоса ордены были единственно надежной и постоянной опорой, готовые без конца сражаться с неверными. Но сами ордены приняли активное участие в этом хаосе, не желая утратить собственную автономию. Они старались пропихнуть вверх своих ставленников: так, при энергичном содействии тамплиеров в 1277 г. Иерусалимским королем был объявлен Карл Анжуйский, король обеих Сицилии. Постепенно тамплиеры и госпитальеры, опираясь на свои замки и резиденции, стали проводить собственную политику, которая зачастую шла вразрез с официальной политикой королевства. Прибывавшие из Западной Европы рыцари далеко не всегда разбирались в хитросплетениях ближневосточной политики и неоднократно отказывались повиноваться иерусалимским государям. Частенько ордены заключали с мусульманами свои отдельные

перемирия и договоры, невзирая на то, что это противоречило интересам крестоносцев: французский король Людовик Святой строго наказал великого магистра тамплиеров, посмеявшегося заключить с султаном Дамаска перемирие, в то время как король воевал с мусульманами. По мере того как росла независимость орденов, усиливалась и их гордость и строптивость, нежелание считаться с официальными властями. Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи и король Иерусалимский, попытался сломить независимость тамплиеров, но потерпел неудачу. Чтобы потеснить ненавистный орден, ему пришлось создать новую военно-монашескую организацию, получившее название Тевтонского ордена.

Наиболее известным из военно-монашеских орденов является орден тамплиеров (храмовников): он был, пожалуй, самым удачливым и богатым из существующих военных орденов до 1307 г., когда по инициативе французского короля Филиппа IV Красивого против тамплиеров начали обвинительный процесс, приведший к роспуску ордена. Едва ли не самым притягательным и волнующим исследователей и широкую аудиторию является сам процесс против тамплиеров, изначально обросший всевозможными легендами и домыслами. Сама закрытость внутренней жизни ордена лишь способствовала распространению невероятных слухов, которые были подхвачены и раздуты королевскими чиновниками и инквизиторами, допрашивавшими тамплиеров. Трагическая гибель ордена на долгое время превратила тамплиеров в своего рода «мучеников», невинно пострадавших от преследования деспотической государственной машины, а перед историками поставила до сих пор неразрешимый вопрос о степени виновности рыцарей-монахов в преступлениях против Бога, в которых их обвиняли судьи.

Уничтожение ордена нельзя объяснить, если не учитывать эволюцию крестоносного движения. Сама идея крестовых походов начиная с XIII в. все меньше и меньше волновала умы западноевропейцев. Регулярные неудачи, которые терпели крестоносные воинства, охладили пыл воинов из Западной Европы. Героический ореол, окружавший военно-монашеские ордены, постепенно исчезал, особенно после того, как христиан окончательно изгнали с Ближнего Востока мамлюки. Некоторые ордены нашли себе иное занятие – госпитальеры захватили Родос и сделали его базой в борьбе против мусульман в Средиземном море. Тевтонские рыцари переселились в Восточную Пруссию, где создали свое собственное орденское государство. Испанские ордены Калатрава и Алькантара по-прежнему боролись с испанскими маврами. Лишь одному ордену – тамплиеров – не нашлось места, точнее сказать, он его не успел найти.

Мы уже упоминали, что орден тамплиеров вызывал недовольство и даже ненависть у представителей высшей власти. Но тамплиеров ненавидели и в иных кругах. Монахи-францисканцы и доминиканцы видели в них своих естественных соперников. Еще на Востоке тамплиеры навлекли на себя неприязнь купцов и судовладельцев, чьими конкурентами были в сфере банковского дела и морских перевозках. Ненавидело орден и духовенство, поскольку те, пользуясь привилегиями, дарованными папством, всячески ущемляли епископов, аббатов и приходских священников, отказывались выполнять их требования, укрывали у себя отлученных от церкви и т. д. Наконец, в народе орденские рыцари, особенно тамплиеры, пользовались неприязнью из-за своей скупости и гордыни. Естественно, когда в 1291 г. Акра, последний христианский город на Ближнем Востоке, пал под ударами мусульман, ответственность за поражение стали все громче и громче возлагать на тамплиеров и госпитальеров, которые были удобной мишенью для нападков.

Таким образом, к началу XIV в. все слои общества были настроены против военно-монашеских орденов, поэтому в 1307 г.; когда рыцарей-тамплиеров арестовали по обвинению в идолопоклонничестве и ереси по приказу французского короля Филиппа IV Красивого (1285–1314 гг.), общественное мнение во многом было подготовлено к такому развитию событий, хотя, конечно, первое известие повергло христианский мир в ступор,

столь тяжелы были обвинения, выдвинутые против тамплиеров. Можно только догадываться об истинных намерениях Филиппа Красивого: французский король, чья молчаливость вошла в поговорку уже при его жизни, как никто умел хранить в тайне свои мысли. Исследователи выдвигали самые разные предположения. Одни считали, что Филиппу IV нужны были деньги на оплаты дорогостоящих войн, которые он вел в Аквитании и Фландрии, поэтому он и позарился на казну тамплиеров; другие утверждали, что короля, который прославился своими деспотическими замашками, не могло радовать то, что тамплиеры создали своего рода государство в государстве и, будучи причастны к Церкви, были неподвластны короне и т. д. Французский ученый Ж. Фавье, автор биографии Филиппа Красивого вообще полагает, что Филипп действовал исключительно из религиозного рвения, считая своим долгом как короля и христианина искоренить ересь из своего государства.

В 1307 г. по приказу французского короля Филиппа IV тамплиеры во главе с великим магистром, находившиеся во Франции, были арестованы. Их арест вызвал шок в обществе: да, тамплиеров многие не любили, но признавали их особые заслуги в борьбе с сарацинами. По инициативе французского короля против тамплиеров был начат грандиозный процесс. Этот процесс интересен уже не только тем, что на нем судили рыцарей-монахов – казалось бы, признанных защитников веры Христовой; на самом деле речь шла о еще более драматическом противостоянии, оказавшем огромное влияние на судьбы Западной Европы – борьбе папства и королевской власти за господство на христианском Западе. Процесс тамплиеров представляет собой один из этапов этой борьбы. В действительности сам король Филипп Красивый не имел никакого права арестовывать тамплиеров и начинать против них расследование: приказ об этом мог отдать только папа Римский Климент V, которому орден и подчинялся непосредственно. Однако Филипп сумел узаконить свое вмешательство в дела церкви, так как формально распоряжение о начале расследования деятельности тамплиеров поступило от инквизитора Франции, обладавшего всеми прерогативами отдавать такой приказ. К тому времени, как папа высказал свое недовольство и потребовал от короля отчета, были подготовлены признательные показания большинства тамплиеров. В ходе допросов даже высшие сановники ордена, включая великого магистра Жак де Моле, признались в вероотступничестве. Тем не менее следствие и процесс растянулись на долгие годы и ставкой в игре стал уже не пресловутый орден, а влияние на христианский мир. Лишь в 1312 г. Папа Климент своей властью на Вьеннском церковном соборе распустил орден.

И у современников процесса, так и у исследователей возникали и возникают сомнения в справедливости приговора. Одни справедливо указывали, что признания вырывались у тамплиеров под пытками; что следствие начал французский король, явно заинтересованный в уничтожении ордена; что самые шокирующие признания давали низшие чины ордена, часто личности сомнительные или легко поддающиеся давлению. Другие ссылались, что орден уже в Святой Земле забыл о своем предназначении, втянувшись в борьбу за мирскую власть и стяжая богатство; что Филипп IV действовал не из-за корыстных побуждений, но лишь по благочестивому намерению очистить Церковь от скверны.

Неослабевающий интерес к ордену тамплиеров связан со слухами, которые начали стремительно распространяться в обществе уже во время процесса: в резиденциях тамплиеров так и не удалось отыскать несметных богатств, которые, как считалось, скопили рыцари-монахи за долгие годы сражений на Святой Земле. И поныне многие уверены, что сокровища ордена покоятся в каком-то потаенном месте. Тайны и мистика всегда притягивали широкую публику. В наше время спрятанные богатства ордена стали увлекательным сюжетом для ряда публикаций, фильмов, неизменно пользующихся широким спросом. Повышенный интерес до сих пор вызывает и дальнейшая судьба членов ордена. Многие до сих пор не хотят верить, что блистательный и таинственный орден тамплиеров был распущен, а рыцари кто погиб на костре, кто умер в заточении, искупая свои – придуманные или настоящие – прегрешения. Неоднократно вспоминали, что несколько

тамплиеров заявили папе Клименту во время заседаний Вьеннского собора, будто в округе города скрывается около полутора тысяч вооруженных до зубов воинов, готовых доказать свою правоту силой оружия. Эти мифические полторы тысячи так и не были найдены. Эти и другие рассказы дали основания предполагать, что орден продолжил свое существование тайно или лег в основу других орденов – масонов, розенкрейцеров и т. д. Многочисленные публикации делали из тамплиеров едва ли не «хранителей тайны Иисуса Христа». В силу этого обстоятельства история тамплиеров обросла самыми разными и подчас невероятными легендами и рассказами, в которых невероятно сложно разобраться современным исследователям. Издательство «Евразия» предлагает читателю взглянуть на проблему с разных позиций. Два французских историка – Марсель Лобе и Ги Фо – изложили свою точку зрения на драматические события, связанные с возникновением и гибелью знаменитого ордена. Марселю Лобе больше было интересно само существование ордена, Ги Фо – процесс, легенды и предполагаемое последующая тайная жизнь ордена.

А. Ю. Карачинский

Введение

На протяжении всей своей истории дело тамплиеров породило столько пламенных комментариев, столько пристрастных трудов и столько бессмысленных толкований, что теперь стало весьма затруднительно говорить о нем объективно и по существу.

Чтобы написать серьезную книгу на эту спорную тему, следовало быть одновременно историком Средневековья, юристом, надлежащим образом разбирающимся в инквизиторском судопроизводстве начала XIV в., и востоковедом, знающим нравы, обычаи и секты Леванта.

Разумеется, довольно сложно обнаружить все вышеназванные качества у одного человека. Поэтому ни одна из многочисленных книг, посвященных тамплиерам, не смогла до настоящего момента полностью удовлетворить любопытство тех, кто желает во что бы то ни стало добраться до сути этого дела.

Мы, выступая как простые эссеисты, не обладающие ни одной из перечисленных способностей, отнюдь не стремимся возобновить дело о тамплиерах или развеять окружающую их тайну. Темой нашей работы стало краткое изложение истории ордена Храма, чтобы современный читатель мог кое-что прояснить для себя в этом вопросе. После того как многие историки признались в своей неспособности достоверно доказать вину или невиновность тамплиеров, мы не можем быть настолько самоуверенными, чтобы намереваться разрешить эту проблему.

Однако нам показалось полезным разобраться в «этом крупном деле, быть может, самом значительном во всем Средневековье» (Мишле). Действительно, дело тамплиеров тесно связано с несколькими наиболее важными вопросами, возникавшими в середине Средневековья: вопросом о роли крестовых походов, влиянии Востока на Запад, жестокости инквизиции, о конфликте между церковной властью Папы Римского и королевским абсолютизмом, воплощением которого стал Филипп Красивый.^[1] Для специалистов добавим, что тамплиеры были инициаторами крупных финансовых операций и предвосхищали современную систему денежного учета.

Прежде чем перейти к этапам знаменитого судебного процесса, мы решили изучить роль, которую тамплиеры сыграли во время Священной войны. Поскольку большинство работ, посвященных ордену Храма, рассматривали только судебное дело, порожденное жадностью Филиппа Красивого, все привыкли как-то забывать об услугах, которые тамплиеры оказывали в течение первых ста лет существования ордена, когда их черно-белое знамя, «босеан», развевалось на всех полях сражений во время крестовых походов.

Наше эссе не пытается ни реабилитировать, ни обличить тамплиеров. Мы не стали ограничиваться перечислением и оценкой фактов и процитировали и сопоставили множество свидетельств, а затем попытались отстоять наиболее убедительные доводы.

* * *

Первый крестовый поход оставил Палестину изнемогающей и буквально корчащейся в судорогах. Латинское королевство, основанное Готфридом Бульонским,^[2] было весьма недолговечным. Ранее^[3] мы уже рассказали, насколько непрочным было франкское завоевание, «в то время как со всех сторон подстерегал враг, готовый воспользоваться малейшей слабостью, чтобы вновь занять эти по-прежнему являвшиеся предметом спора земли, перекресток трех континентов, духовный центр трех религий». Наибольшая часть Палестины оставалась в руках мусульман. Поэтому латинянам следовало думать не только об «оккупации», но и о завоевании.

Вместо того чтобы заниматься по своему усмотрению политическим и социальным обустройством молодого государства, Готфрид Бульонский был вынужден вести войну с бандами местных повстанцев и усмирять непокорные города. Сражение при Аскалоне 12 августа 1099 г.^[4] на некоторое время предотвратило опасность, грозящую со стороны Фатимидов,^[5] но требовалось сделать еще больше: поддержать сухопутное сообщение с побережьем, захватить очаги сопротивления и отбить арабские контратаки.

В начале XII в. в Святую Землю много раз прибывало подкрепление, но процесс восстановления мира был трудным и долгим. Власть Готфрида Бульонского была шаткой, и его наследник, его брат Балдуин также был вынужден вести упорную борьбу, чтобы поддержать латинское и христианское господство на этих землях Ислама. Внезапные нападения и грабежи еще долго будут продолжаться в долине Иордана. Чтобы противостоять угрозе, которую неверные будут продолжать представлять для Святой Земли, потребуется поддерживать постоянное продолжение крестового похода. Короли Иерусалима напрасно будут обращаться с настойчивыми призывами о помощи к Западу, все равно число палестинских воинов будет недостаточным.

Именно этот недостаток людей и необходимость укрепить защиту христианства в Леванте станут причиной зарождения военных орденов: тевтонские рыцари, госпитальеры и тамплиеры будут играть роль королевской «жандармерии», бдительной конной стражи на больших перекрестках дорог паломников. Этим монахам-воинам, всегда готовым вступить в бой, чтобы поддержать орден, прекрасно подошло бы название «летучие отряды».

Поэтому следует напрямую связывать основание военных орденов с идеей крестовых походов. Казалось, все благоприятствовало благочестивым замыслам этих организаций. Их знание географии местности и стратегии противника окажет неоценимые услуги делу крестовых походов. Военные ордена будут сохранять героическую традицию первого крестового похода вплоть до полного поражения, которое будет означать провал двухсотлетней Священной Войны.

Когда в 1291 г. Акра, последняя латинская цитадель в Азии, падет под натиском мусульман, военные ордена будут единственными, кто сражался до самого конца ради торжества креста над полумесяцем. Измученные двухсотлетней борьбой, крестоносцы спешили вернуться на Запад, но военные ордена с сожалением покидали землю, которая действительно стала их духовной вотчиной.

Этим монахам, давшим обет защищать Святые Места и паломников, Земля Обетованная была дороже, чем та, откуда они родом. Вынужденный отъезд из Святой Земли стал для них началом скитальческой жизни, которая для тамплиеров трагически закончится на кострах, зажженных из зависти Филиппом Красивым.

Часть первая

Глава I

Истоки

Когда встает вопрос о военных и религиозных орденах Средневековья, часто бывает так, что между тамплиерами, госпитальерами, тевтонскими рыцарями, рыцарями Гроба Господня, Родоса и Мальты не проводят никакого существенного различия. А появление в истории некоторых военных орденов, чье существование было очень недолгим (мы имеем в виду, главным образом, рыцарей-меченосцев),^[6] лишь увеличивает путаницу, с которой сталкивается читатель, стремящийся разобраться в этом вопросе.

Возникновение организации госпитальеров на Святой Земле произошло задолго до крестовых походов. В период с IV по XI век, время, во многих отношениях не изученное, совершалось множество паломничеств в Левант, и Св. Престол, поддерживавший связи с греческими патриархами Иерусалима, стремился устранить препятствия, возникавшие перед пилигримами. Следовало охранять их, помогать им и лечить, если они заболели.

Мы не будем рассказывать о перипетиях запутанной и полной событий истории госпитальеров. Как и тамплиеры, они будут оказывать вооруженную поддержку крестоносцам всякий раз, как им будет предоставляться такая возможность, и внесут свой вклад в защиту франкского королевства Иерусалима.

После падения в 1291 г. Акра госпитальеры вместе с тамплиерами отступят на остров Кипр. В 1309 г. они завладеют Родосом, где будут оставаться на протяжении двух веков: поэтому их назовут «рыцарями Родоса». В 1522 г. на них нападут турки Сулеймана Великолепного. Шесть тысяч рыцарей под командованием великого магистра Филиппа Виллье де л'Иль Адана в течение некоторого времени будут оказывать сопротивление войску из 20 000 турок. Изгнанные с острова, они будут переходить из Кандии в Мессину и из Витербо в Ниццу. В конце концов, в 1530 г. Карл V отдаст им остров Мальту. Там они кроют себя славой, сражаясь с наследником Сулеймана Селимом.

Орден рыцарей Мальты был упразднен в 1789 г. Бонапарт занял остров во время похода в Египет. Он пообещал выплачивать ордену пенсию, но обещания не сдержал.

Мальтийский орден сохранился до наших дней и продолжает выполнять медицинские функции, поскольку имеет в своем распоряжении медицинские центры и больницы, пользующиеся теми же привилегиями, что и больницы Красного Креста. В войну 1914–1918 гг. различные ассоциации Мальтийского ордена излечили за собственный счет около 500 000 раненых. И сегодня орден ведет обширную врачебную деятельность и интересуется множеством благотворительных мероприятий, которым оказывает значительную материальную помощь.

В Бельгии «Ассоциация рыцарей Мальтийского ордена» насчитывает около шестидесяти членов дворянского происхождения.^[7] Она шефствует над больницей и имеет собственную бригаду медицинских сестер, которой руководят врачи, примкнувшие к ордену.

* * *

Орден тевтонских рыцарей был основан только 5 марта 1198 г. в резиденции тамплиеров в Тире. Так немецкие крестоносцы хотели пресечь или хотя бы умерить слишком сильное влияние орденов тамплиеров и госпитальеров.

Позднее великий магистр Тевтонского ордена обосновался в Венеции, а затем в Марбурге. Те, кого называли тогда «тевтонскими рыцарями» приобрели много земель в Пруссии и с помощью рыцарей-меченосцев^[8] принялись завоевывать прибалтийские страны (Курляндию и Ливонию). Орден достиг расцвета в начале XV в., но вскоре начал приходить в упадок под влиянием роскоши и внутренних раздоров. Орден тевтонских рыцарей, разбитых поляками, сохранился до начала XIX в.: Наполеон упразднил его 24 апреля 1809 г., но он был

восстановлен тридцать лет спустя и продолжает существовать до наших дней в таком же качестве, что и Мальтийский орден, то есть как почетная каста высшей знати.^[9]

* * *

Обратимся теперь к происхождению ордена Храма.

В отличие от госпитальеров и тевтонских рыцарей тамплиеры, за историей которых мы решили проследить, просуществовали недолго. Появившись в начале XII в., орден Храма был расформирован в начале XIV после трагических гонений, превратности которых нам предстоит изучить.

Около 1120 г. девять французских сеньоров под предводительством шампанского дворянина Гуго де Пейна или Пейена (Hugo de Paganis) решают посвятить себя защите паломников Святой Земли. Этими рыцарями были: Готфрид де Сент-Омер, Андре де Монбар, Гундомар, Годфрон, Рораль, Жоффруа Битоль, Нивар де Мондезир и Аршамбо де Сен-Эньян.

По примеру других религиозных орденов они принесли три монашеских обета в присутствии патриарха Иерусалимского. Вдобавок они взяли на себя обязанность охранять дороги Святой Земли. Они также обещали присутствовать на церковной службе в часовне, принадлежащей каноникам-августинцам. Тамплиеры не были клириками, хотя они и вели подобный им образ жизни. Они были «братьями», как мы до сих пор называем монахов, которые не были посвящены в духовный сан.

На первый взгляд, ничто не отличало тамплиеров от госпитальеров, и становится непонятно, зачем создавать новый военный орден, если Гуго де Пейен и его соратники могли просто присоединиться к госпитальерам, даже если последние и были итальянского происхождения. Следует ли предположить, что Гуго де Пейен желал создать *французский* орден в противовес итальянской организации госпитальеров? Мы так не считаем: принцип национального определения не был для *латинян* Святой Земли настолько важным, чтобы вызывать явно выраженное противостояние. Внутренние разногласия будут возникать, скорее, на почве торговых интересов между купцами одной национальности, как, например, между пизанцами, венецианцами и генуэзцами.^[10]

Возникновение французской организации, появившейся благодаря инициативе Гуго де Пейена, объясняется, скорее, тем фактом, что орден госпитальеров в 1118 г. еще не выполнял военные обязанности; тамплиеры искренне считали, что совершают нечто новое, посвящая свою жизнь исключительно защите паломников.

Однако, по-видимому, рыцари Храма и госпитальеры будут руководствоваться одним монашеским уставом и действия их будут направлены на одну цель: обеспечить безопасность паломников Святой Земли. Преобразование их в единый орден, возможно, помогло бы избежать бесчисленных распрей, вставших на путях, которыми в течение двухсот лет параллельно шли госпитальеры и тамплиеры. Слияние произойдет много позднее, поскольку избежать ни деморализующих расколов, ни постыдного соперничества не удалось.

Примечательно то, что и власть, и общественное мнение в основном будут отдавать предпочтение тамплиерам, несмотря на нарекания, накопившиеся задолго до знаменитого процесса, который приведет к уничтожению гонимого ордена.

Какой же была обстановка на христианском Леванте в момент создания ордена тамплиеров?

Святая Земля включала в себя графство Эдесское, княжество Антиохийское, графство Триполи и королевство Иерусалимское. В королевстве тогда правил Балдуин II, известный во время первого крестового похода под именем Балдуина дю Бурга и избранный королем Иерусалима на Пасху 1118 г.^[11]

Балдуин стал покровителем тамплиеров и отдал им часть королевского дворца, возведенного на месте древнего храма Соломона. Отсюда происходят имя, данное

братству, – «Воинство Храма», и название «temples» (храмы), обозначавшее различные дома ордена.

Тамплиеры были очень бедны, и ничто пока не предвещало их богатства в будущем. Они были настолько нищи, что на двух человек у них была всего одна лошадь; в память об этом их печать долго представляла собой изображение коня, на котором сидят два всадника. Король, патриарх и другие сановники королевства предоставили им некий доход, дабы тамплиеры могли купить самое необходимое. Поэтому их называли «бедными рыцарями Храма».

Как представляется, тамплиеры, прежде всего, поставили перед собой конкретную задачу: наблюдать за прохождением паломников и охранять их по дороге, идущей от Иерусалима до ворот Яффы. Эта дорога была наводнена разбойниками-бедуинами. Было необходимо сопровождать путешественников, проходивших через ущелья и поставить стражу возле водоемов, которые могли быть отравлены или загрязнены неприятелем. К тому же на тамплиеров Иерусалима возлагалась задача защищать паломников, направлявшихся к Иордану, чтобы совершить ритуальное омовение и вознести молитвы на берегах священной реки. Командор должен был брать с собой палатки и мясо для паломников. Все это перевозилось на вьючных лошадях и оплачивалось с помощью подаяний.

В течение девяти лет девять рыцарей соблюдали устав св. Августина. По-видимому, они вели скромную жизнь, не принимая новых членов в братство и не нося никакой особой одежды до того дня, когда король Иерусалима, Балдуин II не решил воззвать о помощи к Западной Европе. Тогда он приказал великому магистру тамплиеров Гуго де Пейену отправиться к Папе Гонорию, дабы просить его начать новый крестовый поход. Также король Иерусалима передал Гуго письмо к св. Бернару Клервосскому. Балдуин просил аббата Клерво ходатайствовать за тамплиеров перед Святым Престолом и дать последним такие статуты, какие сохранили бы их на службе у христианских владык. Великий магистр воспользовался этим поручением, чтобы представить Папе своих соратников и попросить его утвердить новый орден.

Затем Гуго де Пейен и его братья совершили то, что можно было бы назвать «агитационной поездкой» по Европе. В Англии и Франции они призывали западноевропейских государей собирать подкрепление для отправки на Святую Землю. Потом, последовав совету Римского Папы, тамплиеры явились на церковный Собор, который проходил тогда в Труа, в Шампани.

Глава II

Устав тамплиеров

Собор в Труа открылся 13 января 1128 г. Помимо Папского легата там присутствовали архиепископы Реймский и Санский, аббаты Сито, Клерво (св. Бернар) и Понтины.

Орден Храма остро нуждался в одобрении церкви, чтобы пополнить свои ряды множеством братьев во Франции. Поначалу к ордену, сочетавшему военное ремесло и монашеский аскетизм, относились с недоверием. Даже для этого времени крестовых походов было удивительно, что монахи собирались проливать кровь, чтобы исполнить свое предназначение. Не отрицая исконного отвращения к сражениям, Церковь снова приспособлялась к обстоятельствам времени и места.

Выслушав речь великого магистра, просившего узаконить существование ордена, отцы Собора не замедлили дать свое согласие и поручили св. Бернару, секретарю собрания, сочинить устав для нового ордена.

В это время Бернар, несмотря на свою любовь к отшельничеству, принимал весьма активное участие в решении крупных политических и церковных проблем, возникавших не только во Франции, но и во всем мире. Неудивительно, что святые отцы доверили ему деликатное дело подвести под новый орден солидное основание. Св. Бернар знал

тамплиеров со времен создания их ордена, доказательством тому является письмо, которое он впоследствии отправил графу Гуго Шампанскому, когда последний покинул свои земли, чтобы присоединиться к ордену тамплиеров. В этом послании аббат Клервоский сожалел, что новый тамплиер не предпочел орден Сито, однако далее будет видно, как высоко святой аббат ценил воинство Храма.

Долго обсуждался вопрос о том, каков был вклад Бернара в составление устава. Если верить «Литературной истории Франции», св. Бернар не может быть автором устава храмовников, поскольку и стиль, и сам дух устава во многом отличаются от тех, что были присущи сочинениям святого аббата. Но можно заметить сходство между уставами тамплиеров и цистерцианцев, а в тексте клятвы великие магистры называют цистерцианцев словом «братья».^[12] В данном случае это предполагало близкое духовное родство. Устав создан человеком действия, который ставит акцент, прежде всего, на воинской активности тамплиеров: *corona pop datur sine certamine (Нельзя достичь тонзуры без борьбы)*. А многочисленные библейские тексты, которыми изобилует устав, доказывают, что св. Бернар, досконально знавший Писание, приложил к нему свою руку.

* * *

Впоследствии, чтобы помочь Гуго Шампанскому найти сторонников в время его проживания во Франции (1128–1130 гг.), св. Бернар написал некое подобие апологии тамплиерам: *De laude novae militiae ad milites Templi (Похвала новому воинству Храма)*. Эта похвальное слово является всего лишь сравнением Божьего воинства и рыцарства той эпохи. Святой аббат находит удовольствие в том, чтобы превозносить первое и чернить второе. В своем чрезмерном усердии похвалить новое воинство он доходит до того, что приветствует вступление в ряды тамплиеров злодеев, безбожников, похитителей людей, святотатцев, убийц, клятвopеступников, прелюбодеев. (Итак, пред нами предстает нечто вроде «инострannого легиона». На самом деле мы увидим, что тамплиеры будут вести себя в Палестине как простые солдаты, и если им и случалось проявлять слабости с точки зрения морали, то их, без сомнения, следует относить к той легкости, с которой в орден принимались отлученные от церкви, «горячие головы», воры-карманники и авантюристы всех мастей.)

Возникал вопрос, не взял ли св. Бернар, сочиняя свое увещание, за образец Коран: и там и там звучит один и тот же призыв к священной войне и к изгнанию врага. Сторонники этой идеи опираются на тот факт, что Петр Достопочтенный, аббат Клуни, отправил в 1143 г. св. Бернару латинский перевод Корана вместе с историей Магомета и его учения. Но сегодня известно, что перевод Корана, сделанный по просьбе Петра Достопочтенного, датируется серединой 1143 г. Поэтому он не мог быть известен св. Бернару в 1128 г.

* * *

Орден состоял из рыцарей благородного происхождения, сержантов – выходцев из сословия горожан и капелланов. Помимо трех монашеских обетов тамплиеры должны были соблюдать многочисленные обязанности как церковного, так и военного характера. Они не имели права сдаваться в сражении, даже если один бился против трех. Они никогда не должны были просить пощады или платить выкуп: *ни одного куска стены, ни одного клочка земли*. Они должны были соблюдать дисциплину в бою; им следовало воздерживаться от дерзких поступков. Им не позволялось ни при каких условиях начинать атаку или же действовать, прежде чем их военачальники отдадут им приказ. Они были обязаны проявлять сдержанность и осмотрительность. Однако им следовало покидать поле боя последними.

Рыцари носили белые плащи,^[13] а сержанты – коричневые или черные. Капелланы имели черное платье; когда они получали епископский сан, то тоже могли носить белый плащ. Позднее, в 1146 г., Папа Евгений III, покровитель тамплиеров, приказал им нашить на левую сторону плаща красный крест.

Среди одежды тамплиера помимо прочего должны были быть две рубашки, две пары штанов, или две пары исподнего белья, туника, наряд, подбитый мехом, меховая накидка для зимы, мантия и котта с кожаным поясом, одна шапка из хлопка и одна из войлока.

Во время военных действий тамплиер облачался в кольчужный доспех. Для сражения на голову одевался шлем, а на марше – железный шишак. В его снаряжение входили, в частности, оплечье, железные башмаки, кольчуга. Он владел мечом, копьем, кинжалом и турецкой палицей с торчащими шипами.

Это вооружение должно было быть хорошо сработано, но без позолоты или других украшений. Такова была реакция на обычную тогда пышность одеяний рыцарей того времени, украшавших себя и своих коней золотом, серебром и шелками: «Эмаль, чернь и золото украшали ленчики седел, чепраки, покрывала или попоны были из пайля, то есть самого дорогого шелка; стремяна из чистого золота, поводья с золотой отделкой, золотые удила, украшенные драгоценными камнями, – таков образ, который вместе рисуют нам героические поэмы и аббат Клерво» (*Вакандар*).

Тамплиеры должны были носить небольшую бороду и коротко стричь волосы, в то время как у рыцарей той эпохи волосы были длинные.

Большинство рыцарей тамплиеров не состояли в браке. Иногда в орден принимались женатые мужчины, но тогда они должны были отдать часть своего состояния в казну ордена.

У каждого рыцаря должны были быть три лошади и один слуга или оруженосец. У него были две палатки: одна для него самого, другая – для его снаряжения. Куда же ушло прежнее время, когда совсем еще недавно первые братья имели лишь одного коня на двоих?

Тамплиеры проявляли особую заботу по отношению к лошадям: убийство лошади имело столь же большое значение, что и убийство раба. Для сражений выбирались лошади самой ценной в то время породы – туркменские.

Рыцарям запрещалось охотиться, разрешена была только охота на львов. Они не могли путешествовать как сокольничие с птицей на руке.

Знамя у них было черно-белым: его называли Босеан, якобы от «*vaucent*» – то есть один тамплиер стоит сотни солдат... По мнению некоторых авторов, «Босеан» означало «белый и черный»: белый символизировал душевную чистоту и верность христианам, черный – гордость и ненависть к неверным. На знамени был один из самых смиренных девизов: *Non nobis, Domine, pop nobis, sed nomini tuo da gloriam*. (*Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу*).

На их печати были изображены двое рыцарей на одном боевом коне: намек на первоначальную бедность ордена, которому не хватало лошадей или же, по мнению Мас-Латри, знак единения и самопожертвования. Этими двумя рыцарями, изображенными таким образом, были якобы Гуго де Пейен и Годфрид де Сент-Омер.

Герб тамплиеров был из серебра с главой черного цвета. Позднее к нему будет добавлен крест с расширяющимися концами, идущий от одного края к другому.

Их боевой клич был таков: «За мной, добрый сир! Босеан идет на помощь!»

* * *

Религиозные обязанности тамплиеров были сокращены до минимума. Поскольку эти воины в своем большинстве не знали латинского языка, их молитва заключалась в

произнесении определенного количества раз «Отче наш».^[14] Они должны были также присутствовать на богослужениях, которые велись капелланами.

Тамплиеры были обязаны питаться подобающим образом и избегать продолжительных постов, чтобы находиться в форме: трижды в неделю им было запрещено есть мясо, но в эти дни воздержания им подавали три других блюда.

Трапеза проходила совместно, во время ее читалось Священное Писание. Братья ели по двое из одной миски, чтобы один мог помешать другому украдкой воздерживаться от еды или соблюдать чересчур строгий пост. Для сержантов, конюших и опоздавших накрывали второй стол. Послеобеденные молитвы читались в часовне. Ночью при желании можно было легко перекусить.

Однако братьям приходилось соблюдать пост гораздо чаще, чем того требовал общий порядок Церкви.

По уставу им следовало причащаться минимум три раза в год и присутствовать на мессе три раза в неделю. Милостыню также следовало подавать трижды в неделю всей общиной.

Наконец братья, нарушавшие устав, должны были подвергнуться трем ударам бича в присутствии всей общины, собравшейся на капитул. Бичевали с помощью кнута или кожаного ремня, называемого *эскорже*.^[15]

(Отметим настойчивость, с которой число три повторяется в правилах св. Бернара. Это число, выбранное, очевидно, в честь св. Троицы, будет играть таинственную роль у тамплиеров, так же как и его квадрат – число девять.)

В том, что касалось денег, были приняты жесткие меры. Братья не имели никакой собственности; они должны были вести строгий учет денег, которые были им доверены. Если в одежде почившего брата находили деньги, над его телом не читалось отходных молитв, и его хоронили на неосвященной земле, как какого-нибудь раба.

* * *

Устав ордена стал почвой для множества ученых споров. В итоге можно утверждать, что этот устав был создан в основных чертах на Соборе в Труа, получил устное одобрение Папы и в дальнейшем был дополнен великими магистрами, которым помогал их капитул. Изначально написанный на латинском языке, позднее он был переведен на французский. Устав состоял из семидесяти двух статей.

Первоначальный устав должен был быть преобразован в соответствии с обстоятельствами времени и места. Французская версия смягчает строгость латинского текста до такой степени, что порой искажает его. Помимо этого, добавления значительно изменили форму устава, и, как и в большинстве религиозных орденов, там появились некоторые допущения, которые можно отнести на счет человеческой слабости.

То же самое произошло и с предписаниями, касающимися срока послушничества. В последние годы ордена в него принимали любого давшего обет безо всяких приготовлений и без разбора. Между тем в первоначальном уставе при принятии нового брата предполагался испытательный срок. Готовящийся к вступлению в религиозный орден должен был выполнять тяжелую работу: ему нужно было топить печь, крутить мельничный жернов, работать на кухне, ухаживать за свиньями. В определенный срок ночью собирался капитул и его глава задавал ряд вопросов новому члену общины; он зачитывал ему основные предписания устава, затем советовался с присутствующими «членами комиссии», спрашивал, нет ли у них возражений против принятия готовящегося к вступлению в орден. Вся церемония, определенная уставом, носила дух набожности и сдержанности, которые, как кажется, малопомалу ослабли, дойдя до полной вседозволенности.

В уставе, как утверждали некоторые, не было секретных пунктов, но полный текст устава могли иметь только великие командоры ордена (командоры провинций). Если бы

тайный устав существовал, то его следы были бы обнаружены во время внезапных и тщательных обысков, прошедших 13 октября 1307 г. во Франции во всех орденских домах, в день, когда произошли массовые аресты всех тамплиеров. Между тем были найдены лишь копии устава, приписываемого св. Бернару, переводы священных трудов и бухгалтерские книги.

* * *

Ошибочно утверждать, как это делали некоторые, что в клятве тамплиеров содержалось признание права великих магистров осуждать членов ордена на смертную казнь. Помимо трех монашеских обетов эта клятва включала в себя обязательство сражаться против неверных: «Я клянусь посвятить свои слова, свое оружие, свою силу и свою жизнь защите таинств веры и защите Господа Вседержителя (...). Я обещаю также подчиняться и во всем слушаться великого магистра ордена. Всякий раз, когда в том будет нужда, я буду отправляться за море, чтобы сражаться, я буду оказывать помощь в борьбе с королями и князьями неверных, и перед лицом трех врагов я не обращусь в бегство, но, пусть и один, я буду сражаться с ними, если это неверные».

Орден упрекали в том, что он включил в устав дополнительные предписания. Но в большинстве случаев подлинные монастырские обычаи были перепутаны с неправильными их толкованиями, сделанными, мягко сказать, недалекими братьями. Например, именно так признание вины (такое же, какое практикуется большинством религиозных орденов) в ограниченных умах смешалось с таинством покаяния. Однако это признание в нарушении дисциплины не имеет ничего общего со священной исповедью: отступления от монастырского порядка не могут быть приравнены к грехам.

Орден Храма управлялся великим магистром, которому помогал сенешаль. В военное время командование рыцарями и сержантами находилось в руках маршала. Затем шли прецепторы, за ними приоры, досмотрщики и, наконец, командоры. Избрание великого магистра проходило путем своеобразной кооптации.

Мы не будем вдаваться в детали иерархической лестницы тамплиеров. Отметим только, что *хранитель одежд (drapier)* заведовал платьем братьев, у *знаменосца (gonfalonier)* были в подчинении все оруженосцы, а *туркополье (turcoplier)* руководил легковооруженными вспомогательными войсками (туркополами). *Смотрители домов (casaliers)* следили за сельскими владениями или поместьями, которые имелись у братьев на Святой Земле.

Что касается капелланов, они должны были читать требник перед всеми братьями. Они носили перчатки в знак почтения перед освящением святых даров. Среди капелланов были священники и клирики, нанятые на определенный срок, но они не имели никакой духовной власти над братьями.

Существовали генеральные капитулы, то есть верховные советы, возглавляемые великим магистром. Присутствовать на них могли только сановники ордена. Сначала эти генеральные капитулы проводились в Иерусалиме, затем в других городах Палестины, а под конец и на Кипре.

Что же до еженедельно проводимых капитулов, в каждом доме Храма существовало нечто вроде дисциплинарного совета. После краткой вступительной речи командора или капеллана виновные, нарушившие устав, публично признавались в совершении проступка. Иногда на капитуле виновных обвиняли их же братья. Затем обсуждалась форма наказания. После нового поучения председателя совета виновные подвергались бичеванию. И, наконец, капеллан даровал им окончательное прощение.

Было предусмотрено наказание: начиная от бичевания вплоть до изгнания из ордена (последнее за симонию, содомию, убийство, предательство или расхищение ценностей). Убийство христианина могло повлечь за собой пожизненное заключение в одной из

крепостей ордена Храма. При самых тяжких преступлениях следовала *отсрочка*, то есть виновный должен был предстать перед верховным судом или великим магистром. Более легкое наказание включало в себя пост, труд и бичевание.

За нанесенные удары и раны и за нарушение закона об охоте следовала потеря одеяния. То же наказание назначалось, когда рыцарь на поле битвы нападал на неприятеля, не получив на то приказа. Речь шла о бесчестящем наказании, поскольку плащ считался самым почетным атрибутом тамплиера. Кающийся облачался только в одно платье без креста. Он должен был находиться в госпитале под присмотром духовника. Он постился три дня в неделю, ел на земле и трудился вместе с рабами. Его оружие и лошадей передавали в арсенал.

Все это, и в особенности крайние меры, должно было быть чрезвычайно тягостно для гордых рыцарей, большинство из которых были сеньорами.

Действительно, у будущих рыцарей спрашивали, являлись ли они «сыновьями рыцаря и дамы», а у будущих сержантов – были ли они свободными людьми.

Как и все сеньоры той эпохи, тамплиеры содержали большое количество сервов и свободных людей, чей труд использовали для распахивания целины, осушения и обработки земель, переданных им капитулами и монастырями, крупными землевладельцами того времени.

* * *

Как же было организовано ведение хозяйства в различных провинциях ордена?

Даже в начале существования ордена множество французских тамплиеров не покинули Францию, где те из них, кто не проявил особых способностей в военном деле, были определены для работ на земле. Рыцари освобождались от этой обязанности, она относилась только к *братьям-ремесленникам* (называемыми так в отличие от *братьев-капелланов*), то есть к сержантам, занимающимся внутренним хозяйством Дома и обработкой владений. В число этих слуг, работающих в домах и земледельческих хозяйствах командорств и гранжей, ^[16] входили наемные работники, не имевшие отношения к ордену.

Ведение земледельческого хозяйства поначалу было для тамплиеров насущной необходимостью. Доходы с обработки земли должны были пополнять казну ордена, ведущего Священную войну. В Шампани, например, тамплиеры прибегнут даже к добыче железной руды.

У тамплиеров в подчинении было много людей: рабы, свободные земледельцы, вассалы и все те, кто «предал себя» под покровительство ордена. Эти миряне, называемые «донатами» или «облатами» должны были принести оммаж ^[17] командору и платить ордену ежегодный оброк в несколько денье в знак подчинения. Это «покровительство» стало почвой для злоупотреблений, ибо множество должников или злоумышленников таким образом избегали преследования со стороны бальи ^[18] их сеньоров.

Итак, можно сказать, что тамплиеры во Франции использовали феодальную систему. Их организация легко внедрилась в политический и социальный механизм общества, существовавший в XII в. То же самое произошло во всех их провинциях.

Как мы видим, это был рыцарский орден, сохраняющий вкусы, нравы и привилегии феодализма.

В своих владениях тамплиеры пользовались полной свободой: они могли быть похоронены в собственной церкви или монастыре.

В Западной Европе командорства тамплиеров располагались всегда поблизости от дорог, которые они в некотором роде охраняли, так же как и в Святой Земле. Иногда у них были сельские дома или городские резиденции.

Круглые купола их часовен напоминали крыши мечетей, а в жизнь ордена Храма вошло множество восточных обычаев. Орден внесет большой вклад в «знакомство с Востоком», которое в наших краях восходит к временам крестоносных походов.

Глава III

Тамплиеры и Священная война

За время своего «агитационного турне» по Европе тамплиеры нашли множество последователей. Новые члены ордена, большинство из которых происходили из семей высшей знати, передали ему свое имущество, благодаря чему последний значительно приумножил свои богатства.

К тому же те, кто не имел возможности принять непосредственное участие в Священной войне, брали на себя обязательство помогать тамплиерам с помощью пожертвований и даров. В большинстве завещаний того времени можно найти пункты в пользу тамплиеров или госпитальеров; множество князей даже выразили желание быть погребенными в одежде того или другого ордена. Некоторые из них в своей набожности, которая в то время ставилась превыше всего, доходили до того, что отрекались от своего положения и звания и примыкали к воинству тамплиеров. Именно так поступил Раймунд Беренгарий, граф Барселоны и Прованса, который в старости стал храмовником и умер в резиденции тамплиеров в Барселоне.

Наконец, правители просто вверяли свои королевства тамплиерам или госпитальерам.

Вскоре храмовники стали крупными землевладельцами в Испании, где в 1144 г. им пришлось сражаться с маврами, чтобы защитить свои территории. В этой стране, над которой постоянно нависала угроза из-за близости исламского мира, некоторое время спустя ордена тамплиеров и госпитальеров объединили свои усилия с усилиями местных орденов Калатравы, Алькантары и св. Иакова Компостельского (Сантьяго), чтобы поддержать завоевание земель христианами.

Во Франции в 1222 г. Филипп Август завещал ордену Храма 2000 марок и пообещал еще 50000 при условии, что в течение трех лет тамплиеры будут содержать в Палестине триста рыцарей.

С самого начала своего существования во Франции орден был освобожден от уплаты десятины или других налогов. Он был свободен от всех феодальных повинностей. Он имел права на рыбную ловлю, охоту, на пользование пастбищами, на рубку леса, торговлю и пр.

Мы еще расскажем о богатстве ордена Храма и о беспорядках, возникших из-за этого изобилия. Однако следует отметить, что поначалу рыцарям был необходим некий капитал, чтобы оплатить боевое снаряжение. Именно этим и объясняется существование пожертвований и завещаний, о которых мы говорили выше. Уже в это время деньги были главным двигателем войны, пусть даже священной... Однако вскоре одних только доходов от имущества, находящегося на Востоке, будет хватать на покрытие военных расходов.

Успех тамплиеров объясняется просто: в XII в., когда возникло так много религиозных орденов, вера была сильной, и тем, кто сражался против неверных, сулили многочисленные духовные блага. Помимо этого, военные цели ордена давали возможность сеньорам проявить воинственный дух.

Таким образом, орден Храма быстро разросся, и с самого начала потребовалось разделить его на провинции: Германию, Англию, Аквитанию, Арагон, Овернь, Чехию, Бранденбург, Кастилию, Кипр, Францию, Венгрию, Италию, Майорку, Португалию, Апулию, Сицилию, Словению.

С 1131 г. у тамплиеров была резиденция в Ипре, возможно, ее основал Готфрид де Сент-Омер. За три года до этого, на следующий день после Собора в Труа, граф Фландрский сделал крупные пожертвования тамплиерам.

У каждой провинции был великий приор, которому подчинялись прецепторы.

Вскоре, следуя примеру богатых городов, таких как Венеция, Генуя, Пиза или Марсель, орден построил свой флот для перевозки паломников и торговцев, которые боялись пиратов, кишевших у берегов Средиземного моря. Корабли уходили из Марселя два раза в год, в апреле и августе. На судах разрешалось перевозить не более полутора тысяч пассажиров; но для товаров ограничений по весу не было, безусловно, оттого, что жители Марселя располагали пожалованными им многочисленными торговыми кварталами в разных городах Леванта. Это был новый источник доходов для ордена. При каждой отправке судов марсельские власти производили осмотр на борту, чтобы проверить, достаточно ли там места для паломников и хорошо ли они устроены. Тамплиеры должны были встретить неимущих паломников после путешествия и позаботиться об их нуждах.

Именно к тамплиерам в 1248 г. обратился Людовик Святой, чтобы зафрахтовать суда, с помощью которых он смог бы добраться до Палестины.

* * *

По мере того как возрастало его влияние, орден Храма не желал более признавать иной власти, кроме власти Папы. Осудить тамплиеров мог только римский суд. Мало-помалу орден начнет считать себя если не государством в государстве, то, по меньшей мере, церковью в церкви. То же самое произойдет и с орденом госпитальеров. Как мы увидим далее, эти два ордена, созданные для защиты королевства Иерусалимского, своими междоусобицами и неповиновением будут способствовать его ослаблению.

Высшую власть в ордене Храма воплощал великий магистр, который считался независимым правителем. На ассамблеях великие магистры занимали положение сразу после епископов. В их личном распоряжении находились нечто вроде «военного дома» и крепости. В соответствии с дипломатическим протоколом послы ордена Храма везде имели особые привилегии.

Орден имел право завоевания на Востоке. Он мог свободно распоряжаться городами, землями и замками, которые захватывал у неверных. Это также было богатым источником доходов.

Престиж тамплиеров на Востоке был столь велик, что арабы неоднократно обращались к ним за поручительством при договорах, которые они подписывали с латинянами.

Орден Храма был не столько государством в государстве, сколько неким сверхгосударством, принадлежать к которому желали самые значимые люди; почетное место в ордене было предоставлено Иннокентию III. Но королю Франции Филиппу Красивому в 1304 г. в звании члена ордена было отказано: это стало первым поводом для враждебности со стороны того, кто в дальнейшем поклянется уничтожить орден Храма.

Орден не только не подчинялся светским властям, но мало-помалу сумел выйти из-под контроля власти церковной. 11 июня 1163 г. булла, *Отне datum optimum*, даровала ордену привилегированное положение в церкви. С этого момента тамплиеры имели своих собственных капелланов, что ставило их вне юрисдикции патриархов Иерусалима. В 1216 г. они выйдут из-под власти епископов. К счастью, таким образом они обезопасили себя от отлучений от церкви со стороны епископов, ибо последние, как, впрочем, и все белое духовенство, относились к ним враждебно.

В течение долгого времени казна тамплиеров пополнялась благодаря лепте, вносимой братствами и пожертвованиям братьев миноритов и проповедников. Первое, на что шли эти пожертвования – это снаряжение рыцарей, защищавших Святую Землю.

В течение многих лет история тамплиеров будет тесно переплетаться с развитием Латино-Иерусалимского королевства. Если бы нам нужно было шаг за шагом проследить все дела и поступки ордена, нам пришлось бы пересказать всю историю крестовых походов, а такую цель мы перед собой не ставим. Помимо прочего в 1171 г. тамплиеры участвовали в обороне Газы, в 1187 г. – в битве при Тивериаде, в 1219 г. – в завоевании Дамьетты и в 1250 г. – в походе на Египет.

* * *

Тамплиеры были более фанатичны, чем простые крестоносцы. В них в полной мере воплощались дух приключения и рвение, направленное против ислама. Тогда как короли Иерусалима порой склонялись к заключению сделок с неверными, тамплиеры никогда не шли на уступки, по меньшей мере, в первое время.

Мы убедимся в этом, если обратим внимание на правление короля Амори, который заключил перемирие с ассасинами, то есть с сектой исмаилитов, живших в Ливане и сделавших убийство основой государственной политики. Повелитель ассасинов, которого крестоносцы называли Старцем Горы, деспотически правил всей сектой благодаря хранимому в секрете употреблению гашиша.

Он держал всех в грозном повиновении. Его агенты были уверены, что если, выполняя приказания своего хозяина, погибнут, то сразу же обретут райское блаженство. Старец Горы использовал фанатичную преданность подданных каждый раз, когда хотел избавиться от какого-нибудь врага.^[19]

Все, что касается ассасинов, окутано легендами. Однажды Хасан, один из самых знаменитых предводителей секты, принял посланника от султана Дамаска, угрожавшего разрушить замки и города ассасинов, если они не заплатят ему дань. Прежде чем ответить, Хасан приказал одному из своих людей броситься вниз с высокой башни, другому он приказал пронзить сердце кинжалом. Оба они исполнили приказание (об этом стоит сказать) без малейших колебаний. Посланнику, онемевшему от ужаса, Хасан сказал просто: «Иди и скажи своему хозяину, что у меня есть 60 000 человек таких же покорных и готовых действовать, как и эти двое». Султан Дамаска не стал настаивать.

Множество авторов, даже среди современников, посчитали тамплиеров подражателями «гашишинов». Повиновение великому магистру напоминало абсолютную покорность ассасинов их повелителю.

Короли Иерусалима, с удивлением убедившиеся, что учение ассасинов во многом противоречило мусульманской религии, лелеяли надежду если не обратить исмаилитов в свою веру, то хотя бы сделать их союзниками. Поэтому они вели себя с ними осторожно. Со своей стороны, ассасины считали франков своими возможными союзниками в борьбе с мусульманскими врагами (суннитами).^[20]

Только тамплиеры не боялись нападать на замки ассасинов, и последние были вынуждены капитулировать. Было заключено перемирие, и исмаилитам пришлось выплачивать тамплиерам годовую дань в размере 2000 экю или золотых безантов.

В 1173 г. Хасан отправил посланника к королю Иерусалима, чтобы сообщить ему о намерении перейти в другую веру вместе со всеми своими подданными при условии, что дань будет отменена. Король Амори, радуясь тому, что сумел заполучить столь могущественную секту, взял на себя обязательство самому выплачивать тамплиерам 2000 золотых монет, и, оказав посланнику почести, отправил его обратно с добрыми напутствиями. Он снабдил его эскортом, чтобы пройти через опасные ущелья.

Рыцари Храма немедленно высказались категорически против данного соглашения. На обратном пути тамплиеры напали на посланника Хасана и убили его. Король Амори был

возмущен известием об этом гнусном нападении на человека, за жизнь которого он поручился. Вся его новая политика была поставлена под удар, если вообще не перечеркнута.

Был созван совет, чтобы судить это преступление об оскорблении величества. Двум сеньорам было поручено разыскать великого магистра тамплиеров, Эда де Сент-Амана, чтобы потребовать загладить обиду и наказать убийцу. Великий магистр отказался выдать виновного, некоего Готье дю Мениля, поскольку орден Храма подчинялся только суду Папы. Он ответил, что Готье дю Мениль будет отправлен в Рим, где его и будут судить.

Приехав в Сидон, где находился пленник, король осадил резиденцию ордена Храма и захватил Готье, которого отправил в Тир. С другой стороны, он дал знать великому магистру ассасинов, что собирается покарать преступника. Но предать его суду он не успел. Он умер некоторое время спустя, когда собирался оказать давление на Папу, чтобы заставить его расформировать орден.

* * *

Всякий раз, когда между христианами и мусульманами заключалось перемирие, тамплиеры безжалостно расторгали соглашение.

Вся история тамплиеров отмечена приводящими в замешательство фактами, которые, как кажется, подтверждают самые противоречивые толкования. Монахов-рыцарей упрекают то в постоянной импульсивности, полном отсутствии политического здравомыслия, то их считают слишком хитрыми, слишком расположенными к заключению соглашений с врагами, слишком мало заботящимися об интересах крестовых походов. Последнее мнение преобладало, по крайней мере, во время существования ордена: сама церковь с недоверием относилась к своим верным слугам.

20 апреля 1236 г. Папа Григорий IX обвинит тамплиеров и госпитальеров в том, что они желают заключить союз с сектой ассасинов против князя Антиохии. Он упрекнет их в том, что за ежегодную дань они взяли под свою защиту неверных.

Были ли данные обвинения обоснованы? Вполне возможно. Для этих монахов-воинов Священная война становилась порой чем-то вроде игры, где использовались интриги тайной дипломатии и политика равновесия, которая во все времена одерживала верх, когда сталкивались более или менее равные силы.

Стоит ли говорить о скандале, о противоестественном союзе, о политической нечистоплотности? Эти грубые люди, руководясь лучшими намерениями, забывали в пылу действий первоначальную цель, ради которой и был создан орден. Временами они снова становились сеньорами с Запада, ведущими бесконечные войны, в которых союзы заключались и распадались с одинаковой быстротой. В восточном климате из-под религиозного глянца вновь начинал проступать обыкновенный феодал.

* * *

Между тамплиерами и госпитальерами, посвятившими себя одним целям, как казалось, должны были бы существовать братские отношения. К тому же устав Храма предполагал частые контакты между двумя орденами. Тамплиерам разрешалось посещать лагерь госпитальеров. И тот же устав уточнял, что в случае поражения при отсутствии сигнала сбора тамплиеры могли присоединиться к госпитальерам.

Кроме того, во избежание трений между двумя «религиями», как их называли в ту эпоху, запрещалось братьям, изгнанным из одного ордена, вступать в другой.

Но, несмотря на эти примиряющие меры, между тамплиерами и госпитальерами существовало постоянное соперничество. Когда какие-либо две партии сталкивались в Палестине, тамплиеры и госпитальеры никогда не принимали одну сторону. Они были, как

говорилось, «естественными соперниками», и между этими братьями-врагами возникли серьезные разногласия.

Христианский мир, как мы можем себе представить, был шокирован, узнав, что ордены тамплиеров и госпитальеров вели междоусобную борьбу вместо того, чтобы объединить силы против неверных. Между тем эти раздоры были неизбежным следствием их образа жизни, который потворствовал возрастанию честолюбия и гордыни. Эти разногласия должны нас удивлять не больше, чем распри между вождями крестоносцев. Во время первого крестового похода и затем в течение нескольких лет после взятия Иерусалима мы видим, как, например, между Раймундом Сен-Жильским^[21] и другими предводителями похода неоднократно вспыхивают яростные ссоры.

Из года в год оба ордена становятся все менее религиозными и все более военными организациями, приобретая всю грубость, высокомерие и гордость, что предполагает подобное превращение. Однако несмотря ни на что, они имели преобладающее влияние в проведении постоянного крестового похода, который они начали в Палестине. Ни одна масштабная операция не проходила без их помощи.

Идеалисты будут сожалеть, что эти два религиозных ордена не сыграли в рамках своих политических и военных полномочий духовную роль, которую, как казалось, предполагал их церковный характер. Но тамплиеры и госпитальеры с лихвой докажут, что они были сначала солдатами, а уж потом монахами, и что дома Храма были скорее казармами, нежели монастырями.

* * *

В чем никак нельзя упрекнуть тамплиеров – это в нехватке доблести. Эти воины умели сражаться: они наносили ужасные удары своим врагам и заставляли их дорого расплачиваться за свои жизни. В частности, можно рассказать об отваге Жаклена де Майе, маршала Храма, который в бою проявил такую стойкость, а при поражении такую неустранимость, что мусульмане, принимая его за святого, предложили сохранить ему жизнь. Изнемогая от ран, тамплиер продолжал наносить удары тем, кто надвигался на него, но, в конце концов, пал, пронзенный множеством стрел. Мусульмане кричали от радости, ибо полагали, что убили св. Георгия.^[22]

Тамплиеров и госпитальеров мусульмане боялись особенно сильно. После знаменитого сражения при Тивериаде, где Саладин одержал блестящую победу над королем Ги де Лузиньяном,^[23] победу, положившую конец франкской монархии в Палестине, султан был безжалостен к рыцарям-тамплиерам и госпитальерам. По этому поводу он якобы сказал следующее: «Я хочу очистить землю от этого грязного отродья». Он предложил рыцарям обоим орденов отречься от веры, чтобы избежать смерти. Все они отказались и им тут же перерезали горло. Король Ги де Лузиньян молил пощадить великого магистра, и Саладин уступил его просьбе. Правом казнить тамплиеров обладали служители Ислама.

Казнь Рено де Шатийона была особенно жестокой. Этот необычный человек, князь Антиохии и сеньор Заиордании (совр. Трансиордания) очень часто был товарищем тамплиеров по оружию. Саладин пожелал перерезать ему горло собственным кинжалом, а поэты исламского мира с удовольствием воспевали султана-победителя.

В истории ордена можно найти множество примеров отваги рыцарей.

В 1266 г. во время осады Сафеда Бейбарсом^[24] приор ордена Храма, комендант крепости, был вынужден капитулировать. Тамплиеры стояли перед выбором: умереть или отступить от христианской веры. Приор призвал братьев сохранить стойкость и верность, так

что все предпочли казнь измене. Султан, пришедший в ярость от этой неустрашимости, приказал содрать живьем кожу с приора ордена Храма, а затем отрубить ему голову.

Благодаря этой храбрости тамплиерам часто доверяли сложные дела (защиту женщин или детей в случае опасности) или задачи, выполнение которых было сопряжено с особой опасностью. Именно им следовало прикрывать христианскую армию при отступлении, составлять арьергард или чаще – авангард войск при марше. Например, во время Второго крестового похода король Франции Людовик VII, окруженный сарацинами возле Латтакия, просил великого магистра Храма взять на себя командование его арьергардом.

К тому же существует письмо того же Людовика VII аббату Сугерию,^[25] в котором содержится ценное свидетельство в пользу тамплиеров: «Мы не желаем, – пишет король, – скрывать от тебя те многочисленные почести, те знаки уважения и ту помощь, которые братья ордена Храма оказали нам и нашим соратникам после нашего приезда на Восток. Мы не представляем и даже не можем представить, как без их помощи и поддержки, в которых мы никогда не испытывали недостатка, мы сумели бы существовать в этой стране, каким бы кратким ни было наше пребывание в ней. (...) Мы не можем передать, какое рвение, какую любовь рыцари Храма проявляют по отношению к нам на Востоке. Поэтому те оскорбления и вред, которые им были бы нанесены, мы должны считать своими или даже еще более тяжкими, и направить все наши силы на то, чтобы отомстить за них».

Вот свидетельство храбрости и преданности, о котором следовало бы вспомнить Филиппу Красивому, когда он прислушался к наговорам, целью которых было подорвать репутацию ордена Храма.

Глава IV

Конец эпопеи крестовых походов

Мы могли бы шаг за шагом проследить историю участия тамплиеров в палестинских войнах. Но, повторим еще раз, мы не ставим перед собой такую задачу, ибо орден храмовников не играет достаточно важной роли в этих однообразных операциях, которые только слегка расцвечены нападениями Саладина и Бейбарса.

Мы знаем, как Саладин захватил Святой Город в 1187 г., меньше чем через век после начала первого крестового похода. Все попытки христиан отвоевать Иерусалим окончатся неудачей, первой такой попыткой будет поход Ричарда Львиное Сердце в 1192 г.

Сто лет спустя после неудачного маневра короля Англии крестоносцы потеряли одну за другой все свои крепости в Палестине; у них остались только города Акра, Сидон, Тир и Бейрут. Акра стала сосредоточением сил христианского сопротивления. Чтобы укрепить западный гарнизон, туда перешли тамплиеры, госпитальеры и рыцари Тевтонского ордена.

Весной 1291 г. мусульмане окружили город, но главный штурм начался только 16 мая. Он окончился провалом, в частности, благодаря вмешательству тамплиеров. Новая атака началась 18 мая и обернулась долгой рукопашной схваткой. Крестоносцы понимали, что им нужно было защитить последний оплот Святой Земли. Тамплиеры и госпитальеры действовали необыкновенно слаженно. Перед лицом смертельной опасности враждующие братья полностью примирились. Великий магистр ордена Храма, Гильом де Боже, пал в сражении. Неприятель шаг за шагом овладевал городом. Акра, последний бастион христианства в Леванте, доставалась мусульманам, систематически разрушавшим, все, что попадалось на их пути.

Большому числу осажденных удалось сесть на корабли, чтобы отплыть на Кипр, в Грецию или Армению. Тамплиеры, госпитальеры и тевтонцы еще некоторое время продолжали оказывать сопротивление. В конце концов, в разрушенном городе остались только полностью окруженные тамплиеры. Они укрылись в башне собственной резиденции, служившей убежищем женщинам и детям. Основательно забаррикадившись, они сумели продержаться в течение многих дней. Несмотря на смятение и страх, царившие в этом

последнем оплоте, там произошло избрание великого магистра: голосующие единодушно остановили свой выбор на монахе Тибо Годене, который был заместителем Гильома де Боже. Вскоре мусульмане бросили все свои силы на башню ордена Храма. Султан предложил тамплиерам сдаться, и последние согласились, попросив пощадить женщин, которых они охраняли, и позволить всем взойти на корабль. Это было им обещано. Тем не менее женщины были изнасилованы победителями; увидев это, тамплиеры вновь взялись за оружие, убили три сотни мусульман и возвратились в башню, которая незадолго до этого была подкопана. Когда на стены со всех сторон начали взбираться враги, башня рухнула, похоронив под собой и осаждавших, и осажденных. Тогда мусульмане обратили свой садистский пыл на Клариский монастырь.

Акра, Тир, Сидон и другие прибрежные города были разорены победителями.

То был конец великой авантюры крестовых походов.

В то время как тевтонские рыцари возвращались в Европу, около десяти тамплиеров, спасшихся после падения Акры, укрылись в Лимассоле, на Кипре, где уже находились несколько госпитальеров. Ранее Кипр принадлежал им, когда они купили его у Ричарда Львиное Сердце. Но некоторое время спустя они перепродали его Лузиньянам. Тамплиеры, вынужденные бездействовать, оказались «в положении регулярной армии, получившей известие о заключении всеобщего мира» (*Молла*).

Оба великих магистра в течение нескольких лет были заняты тем, что восстанавливали силы своих орденов.

В 1298 г. монах Годен умер, и место главы ордена занял Жак де Моле, бургундец из диоцеза Безансона.

В следующем году Жак де Моле вместе с госпитальерами принял участие в недолгом походе против мусульман, подготовленном татарским ханом Газаном. Жак де Моле возглавил один фланг татарской армии. Новые союзники недалеко от Хомса одержали победу над султаном Египта Малик-Назиром. Но они нашли города Палестины разграбленными, опустошенными, разрушенными. Татарский хан призвал на помощь христианских князей Европы, однако вскоре должен был вернуться в свои земли.

Предоставленные сами себе тамплиеры и госпитальеры были не в состоянии оказать сопротивление неизбежному наступлению султана Египта. Они были вынуждены вернуться на Кипр, где им очень скоро стало тесно.

Король Кипра Генрих II не проявлял особой благосклонности и радушия по отношению к военным орденам. Тамплиеры и госпитальеры, размещавшиеся в одном небольшом городе, стали подумывать о том, чтобы покинуть эту негостеприимную землю. Госпитальеры вторглись на остров Родос.

Что касается тамплиеров, то они укрылись на Сицилии, откуда начали поход на Грецию. Они взяли Фессалоники и Афины, но ограничились лишь тем, что ограбили побежденных, оставив покорившиеся города сицилийцам.

Именно тогда тамплиеры, оставшиеся в живых после событий в Леванте и в Средиземноморье, отправились во Францию, чтобы присоединиться к тем братьям, которые с момента основания ордена никогда не покидали Западной Европы. Армия возвращалась в свои гарнизоны, то есть в основанные за последние двести лет практически повсюду в этих краях командорства.

Мишле заявляет, что пятнадцать тысяч тамплиеров привезли «несметные сокровища: сто пятьдесят тысяч флоринов золота, а серебра на десяти упряжках мулов». Сто пятьдесят тысяч золотых флоринов на пятнадцать тысяч рыцарей составляют десять флоринов на человека. Можно ли говорить о «несметных сокровищах»? Впрочем, цифра в пятнадцать тысяч рыцарей, очевидно, включает в себя помимо тамплиеров Святой Земли еще и тех братьев ордена, что жили во всех странах Запада.

С уверенностью можно сказать о том, что приезд войска тамплиеров в мирные западные командорства будет способствовать распространению в ордене Храма гарнизонного образа жизни, который вели во Франции все члены ордена, никогда не принимавшие участия в Священной войне. Между тем всем известно, насколько расслабляет и разлагает солдата жизнь в гарнизоне.

Уехав с Востока, тамплиеры покинули свое истинное отечество. Как Антей, они погибнут, оторванные от родной земли, источника их силы.

Часть вторая

Глава I

Монахи-банкиры

Падение Акры вновь пробудило на Западе стремление освободить Святые Места. Возникали планы и замыслы, но воодушевление первых крестоносцев уступило место сдержанной осмотрительности, если не холодности. Куда пропали пылкие проповедники, которые в течение двух предыдущих веков поднимали народ на Священную войну? Куда делись Петр Отшельник,^[26] св. Бернар и Фульк из Нейи?^[27] Казалось, Запад был истощен борьбой с Исламом. Оказавшиеся не у дел, тамплиеры, потеряв цель, ради которой и было основано их братство, активнее, чем когда-либо посвятили себя банковскому делу.

За два века своего существования орден весьма поднатерел в искусстве управлять деньгами. Тогда речь шла о финансировании тамплиеров, участвовавших в борьбе против Ислама.

Когда эта роль казначеев и распорядителей ценностями была сопряжена с военными действиями, то сочетание крестового похода и банковской деятельности еще допускалось: в общем устройстве ордена финансовая деятельность представлялась вторичной. Но когда Священная война закончилась, в новом положении рыцарей Храма появилось нечто тягостное: трудно было смириться с тем, что люди Церкви превратились лишь в дельцов, преумножающих деньги.

Папа Бонифаций VIII уже был встревожен этой метаморфозой, но он был чересчур поглощен борьбой с галликанским абсолютизмом.

Его преемнику Бенедикту XI, который находился у власти всего лишь с 22 октября 1303 г. по 7 июля 1304 г., не хватило времени заняться тамплиерами.

Когда после конклава, который продлился около года, выбор кардиналов пал на архиепископа Бордо Бертрана де Го, можно было опасаться за судьбу тамплиеров. Ведь в окружении короля шептались, что новый Папа пообещал последнему уничтожить опасный орден.

* * *

Бертран де Го ранее был капелланом Целестина V, во время правления Бонифация VIII он играл важную роль в папской дипломатии. Когда 14 ноября 1305 г. в Лионе в присутствии Филиппа Красивого он был увенчан папской тиарой, можно было надеяться, что управление ладьей св. Петра попало в умелые руки. Однако суеверные люди придавали большое значение происшествию, случившемуся в связи с коронацией понтифика. Во время процессии в честь торжественного въезда в город нового Папы стена, на которую взобралось множество любопытных, обрушилась прямо у ног Климента V. Погибло двенадцать человек. Папа упал с лошади, но всего лишь легко поранился. Драгоценная тиара, что была у него на голове, едва не сломалась об землю: из нее вывалилась жемчужина ценой в шесть тысяч флоринов, она была найдена только много позднее. Этот инцидент казался очень плохим предзнаменованием правления, начавшегося столь неприятным образом.

Молла рисует нам Климента V как «впечатлительную бесхарактерную личность, слабого дипломата, человека полумер, неспособного противостоять Филиппу Красивому, который,

обладая твердой волей, привык действовать холодно и расчетливо. Папа будет прибегать к всевозможным уловкам, всевозможным проволочкам, чтобы в конце концов все же пойти на уступки. Именно так будет возобновлен скандальный процесс Бонифация VIII, прощено нападение на Папу в Ананьи^[28] и уничтожены тамплиеры».

Климент V был просвещенным человеком. Мы обязаны ему основанием кафедр древнееврейского, сирийского и арабского языков в различных университетах. Он не был лишен и прозорливости. Мы даже увидим, как в некоторых ситуациях он проявит решительность. Но в целом, столкнувшись с совершенно неприемлемыми требованиями Филиппа Красивого, он, в конце концов, сдаст свои позиции. Климент дойдет до того, что разрешит использовать пытки при инквизиторских процессах. С другой стороны, новый Папа проявит чрезмерную снисходительность, чрезмерную склонность к nepотизму;^[29] он сделает кардиналами трех членов своей семьи: Раймонда де Го, Бернара де Фаржа и Гайяра де Прессака. Наконец, он слишком легко поддастся шантажу со стороны короля.

Безусловно, можно добавить в его оправдание, что Папа мучился от боли, которая почти не отпускала его: он страдал от рака кишечника и желудка.

Контакты Климента V с орденом тамплиеров восходят к началу его правления. В конце 1305 г. или начале 1306 Папа специально призывал двух великих магистров тамплиеров и госпитальеров, чтобы обсудить с ними различные вопросы, касающиеся обоих орденов, и особенно их участия в новом крестовом походе.

По общему мнению, тамплиеры и госпитальеры должны были сыграть важную роль в восстановлении христианства в Палестине. Было совершенно необходимо, чтобы Папа обсудил эту тему с великими магистрами обоих орденов.

* * *

Получив приглашение Папы, великий магистр Храма Жак де Моле, находившийся на Кипре, решил обосноваться в Париже. Он пустился в путь с тем большей спешкой, что уже знал, что именно замышлялось против ордена во Франции.

Что касается великого магистра госпитальеров Фулька де Вилларе, он принес извинения за то, что не может приехать во Францию: он задержался на осажденном Родосе, где лично руководил военными операциями.

Жак де Моле прибыл во Францию в конце августа 1306 г. Сначала он отправился в Париж, чтобы остановиться в резиденции тамплиеров (Тампле). Там он немного замешкался, отправившись поприветствовать короля. При дворе ничто не смогло заставить его поверить, что он находился под подозрением и что против ордена зрел заговор. В честь него, высокопоставленного лица, равного по титулу князю, был устроен праздник, и король даже попросил его стать крестным отцом одного из своих детей.

Затем в сопровождении шестидесяти рыцарей Жак де Моле направился к Пуатье, где Папа разместил свой двор. Климент V благожелательно принял великого магистра и говорил с ним, в частности, о плане, который он вынашивал уже давно и который имел отношение к слиянию двух военных орденов тамплиеров и госпитальеров.

Отвечая ему, Жак де Моле сослался на то, что его монахи не получили благословения на служение иному уставу, кроме устава ордена Храма; к тому же, к великому возмущению христиан, между тамплиерами и госпитальерами множились ссоры; помимо этого слияние повредило бы беднякам, которым помогал бы теперь только один орден; и, наконец, когда нужно будет упразднить звания и обязанности, чтобы объединить их, предстояло разрешить слишком много вопросов, связанных со старшинством. Жак де Моле также сослался на то, что устав тамплиеров был более строгим, чем у госпитальеров: в случае слияния либо первые должны были пойти на уступки, либо вторым нужно было бы изменить устав.

Говоря об этом послании, Р. Фавтье пишет, что это «поступок умного и упрямого человека, добровольно отказывающегося следовать общим интересам, чтобы направить все свои помыслы только на орден, главой которого он является, и по корыстным материальным причинам выступающего против объединения его к другим подобным *организациям*». ^[30] Это суждение несправедливо. В речи великого магистра много здравого смысла.

Поскольку мы судим *«aposteriori»*, мы склонны считать, что слияние было в высшей степени желательным, учитывая что, быть может, оно помогло бы избежать катастрофического судебного процесса, о котором пойдет разговор далее. Но разве невозможно представить, что, например, вражда, вспыхнувшая между двумя орденами в Палестине, лишь слабые отголоски которой достигли Западной Европы, могла вновь разгореться и на Западе, в рядах нового единого ордена, который был богат и ничем не занят? Теперь уже два ордена вызвали подозрение: внутренние раздоры, кажется, чрезвычайно тяготили западное христианство.

Папа же видел в этом проекте средство положить конец обвинениям, которые король Филипп Красивый вот уже несколько месяцев собирал против тамплиеров.

Когда Римский Папа задал ему вопрос о своевременности возобновления Священной войны, Жак де Моле выступил, скорее, за тщательно подготовленное массированное наступление, чем за создание разобщенных войск. Для осуществления плана, по мнению Моле, потребовалось бы 15 000 рыцарей и 50 000 пехотинцев. Новые крестоносцы должны были бы располагать большими судами для перевозки войск. На разведку в восточное Средиземноморье была бы выслана эскадра, чтобы установить блокаду и производить осмотр торговых судов христиан, которые без зазрения совести снабжали продовольствием неверных. Наконец, была бы произведена высадка на Кипре, откуда крестоносцы вели бы подготовку к завершающему выступлению. На короля Кипра можно было рассчитывать, заключал Моле, но в отличие от того, что думал Папа, Моле считал союз с королем Армении маловероятным.

И снова это послание выдает человека весьма здравомыслящего, серьезного и талантливого. Если донесение Моле не смогли принять во внимание, то это потому, что обстоятельства для отправки нового похода на христианские земли Леванта складывались крайне неблагоприятно.

* * *

Каким в 1306 г. был социальный статус тамплиеров во Франции? Не были ли они всего лишь богатыми вельможами, бездельниками, озабоченными только проведением выгодных финансовых операций? Не были ли они всего лишь торговцами, держащими лавки на мостах, как это было в Нанте, где они оспаривали у епископа его право на торговлю вином?

Чтобы понять ту роль банкиров, которую сыграли рыцари-тамплиеры, нужно вспомнить, что в средние века церкви и монастыри считались самым надежным местом для помещения денег и хранения сокровищ. Церковные здания считались неприкосновенными. По этой причине они не только служили убежищем, но и своей надежностью привлекали всех тех, кто имел какие-то ценности, которые хотел уберечь от кражи или грабежа. Вероятно, эту финансовую роль, которую играли монастыри, военно-монашеские ордена исполняли более систематическим образом; но одни только тамплиеры превратили ее в профессиональное занятие.

Мы уже сказали, каким образом благодаря многочисленным дарам, огромным завещаниям и доходным операциям орден Храма стал обладателем несметного богатства. Однако их недвижимое имущество было гораздо меньше того, что принадлежало госпитальерам и цистерцианцам. Тамплиеры владели неисчислимыми богатствами и были превосходными управляющими. Безопасность их домов, ловкость проведения торговых

делок, практическая сметка их предводителей – все это способствовало развитию доверия тех, у кого были ценности, которые следовало пустить в оборот или охранять.

Королевские судьи и духовные лица обычно передавали церквям те богатства, владение которыми могло стать причиной тяжбы в их судах. Но они часто предпочитали доверить свое имущество ордену Храма, так как последний внушал им уважение своей военной силой. Значительные ценности хранились в командорствах тамплиеров, превращенных в настоящие крепости. В большинстве командорств деньги помещались на текущие счета. Они приносили доход посредством кредитов, переводов и т. д. Тамплиеры были умелыми комиссионерами, и для них не существовало более никаких секретов в сложностях бухгалтерии. Как говорили, у них было больше картуляриев и бухгалтерских книг, чем догматических трактатов. В Париже тамплиеры владели целым кварталом, окруженным болотами и долгое время находившемся за городской стеной.^[31] Их владения охватывали треть города. До Великой Французской революции в квартале Тамбль часто находили убежище преступники или несостоятельные должники.

Орден Храма в Париже был крупным центром управления финансами начиная с периода правления Филиппа Августа до царствования Филиппа Красивого; точно так же в резиденции ордена тамплиеров в Лондоне находились не только доходы Иоанна Безземельного и Генриха III, но и драгоценности английской короны.

Римские Папы прибегали к услугам храмовников для сбора и учета налогов, взимаемых Церковью. Все дома ордена в Европе имели счета, открытые на имя Папы. Тамплиеры обязаны были собирать и накапливать получаемые суммы.

Несмотря на запрет Филиппа Красивого, ведущего борьбу с папством, тамплиеры отправили в Рим в виде векселей деньги, собранные для Папы французским духовенством.

Тамплиеры занимались как переводом денег, так и самыми сложными финансовыми операциями. Например, они переводили в Левант общую сумму налогов, собранных для Палестины. Они вели торговлю ценными металлами.

Составляя конкуренцию евреям и ломбардцам, они еще до отъезда из Святой Земли соперничали с крупными итальянскими банками. Упреки, которые окончательно оформятся во время судебного процесса, уже прозвучали, правда, пока тихо, когда монахи-солдаты еще сражались в Палестине бок о бок с госпитальерами, которые подвергались той же критике, ибо все эти ордены в разной степени занимались финансовой деятельностью.

Однако тамплиеры верно служили французской королевской власти. Являясь в течение более ста лет хранителями королевской казны, они неким образом принимали участие в монархическом правлении. История королевской казны долгое время будет переплетаться с историей казны ордена (в Тампле).

Филипп-Август окажет наивысшее доверие тамплиерам, поскольку, отправляясь в крестовый поход, король назначит своим душеприказчиком брата Эмара, казначея Храма.

Еще в 1304 г., за несколько месяцев до начала процесса сам Филипп Красивый даст ордену Храма грамоту, гарантирующую ему поддержку и привилегии. Эти письма нужно понимать как награду за ту позицию, которую тамплиеры заняли в конфликте между Бонифацием VIII и Филиппом Красивым. В июне 1303 г. тамплиеры, в лице Гуго де Пейро, досмотрщика Франции, дали обещание защищать короля от Папы. И они потребовали созыва Собора.^[32] С другой стороны, кое-кто утверждает, что тамплиеры заключили соглашение с Папой к большому неудовольствию Филиппа. Как бы то ни было, похоже, что уже тогда король захотел избавиться от ордена тамплиеров.

Вероятно, упразднение ордена было навязано Клименту V как условие его избрания; произошло это во время долгих месяцев междуцарствия, протекших между смертью Бенедикта XI (7 июля 1304 г.) и избранием Климента (5 июня 1305 г.).

Попытки объяснить враждебность короля были тщетны: но следует постоянно помнить о том, что король с трудом переносил финансовое вмешательство тамплиеров в дела казны.

С 1295 по 1303 г. тамплиеры не будут управлять государственной казной. Но попытка короля взять дела в свои руки не принесла хороших результатов, и ключи от казначейства вернулись к брату – казначею ордена Храма. Филипп Красивый снова доказал свою полную некомпетентность в финансовых вопросах. Однако этот урок вскоре был забыт. Алчность заглушит голос разума, не в обиду будь сказано приверженцам тоталитарного тезиса, которые в соответствии с тем, что необходимо для их дела, то утверждают, что Филипп Красивый был беспристрастен, то говорят, что, сдерживая себя, он совершил бы ошибку. Но обратимся к фактам.

Глава II

Обвинение

Каковы были причины обвинений, выдвинутых против ордена тамплиеров?

Историки сходятся во мнениях, приписывая первые «разоблачения» жителю Безье^[33] по имени Эскен де Флойран или Эске де Флуаран и тамплиеру-отступнику, которым, как говорят, был приор Монфокона в провинции Тулузы.

Вот как якобы все произошло.

Это было в начале 1305 г. Заключенные в тюрьму за «огромные» преступления, они оказались в одной камере. Приор был осужден великим магистром на пожизненное заключение за ересь и недостойный образ жизни. Его товарища по камере якобы приговорил к строгому наказанию прево Парижа. Оба они хотели подготовиться к смерти, но поскольку в ту эпоху преступников не допускали к таинству исповеди, по распространенному в то время обычаю, как и в случае опасности, они исповедались друг другу.

Исповедь тамплиера якобы привела горожанина в такое негодование, что он известил об этом королевского чиновника и пообещал сделать сенсационное разоблачение, если ему даруют свободу. Как он утверждал, хранимый им секрет имел такое значение, что для короля он был важнее завоевания нового королевства. Однако только лишь король мог его услышать. Желание заключенного было удовлетворено, и по приказу Филиппа Красивого его отправили в Париж. Король пообещал этому человеку не только полную амнистию, но и крупное вознаграждение.

По другой версии, Эске де Флуаран или де Флойран будто бы явился в Лериду, чтобы встретиться с королем Хайме II Арагонским, который весьма скептически отнесся к заявлению доносчика, хотя и пообещал ему награду в 3000 ливров и годовой доход в 1000 ливров, если его обвинения подтвердятся. Тогда Эске де Флуаран отправился во Францию, где он объявил Филиппу Красивому, что тамплиеры были виновны не только в пьянстве и распутстве,^[34] но самое главное – в идолопоклонничестве. При принятии в орден они отрекались от Христа и плевали на распятие. К тому же многие из них тайно приняли мусульманскую веру. Наконец, их обвиняли в том, что они предали дело христиан на Святой Земле.

Поддавшись атмосфере недоверия, царившей при дворе, король охотно прислушивался ко всему, что могло бы подорвать доверие к тамплиерам. Он завидовал их влиянию и особенно их богатству. Войны с Фландрией истощили его казну, а урожаи вот уж несколько лет были плохими. Нужен был козел отпущения, чтобы отвести от себя гнев народа. Обвинения, выдвинутые против тамплиеров, пришлись очень кстати.

* * *

Отныне виновность тамплиеров станет навязчивой идеей короля. Даже в следующем 1306 г., когда он будет укрываться в резиденции Храма (Тампле), чтобы избежать гнева народа, недовольного обесцениванием денег, Филипп Красивый обвинит хозяев дома в том,

что это они разожгли мятеж. Только эти международные финансисты, по разумению настроенного против них короля были заинтересованы в том, чтобы денежный курс был стабильным, а налоги, ставшие причиной народного восстания, уменьшались. Впрочем, думал король, тамплиеры должны были бы его защитить: у них было оружие и военная дисциплина, которые помогли бы им противостоять мятежу.

Полный злости и зависти, Филипп Красивый покинул дом Храма. Ему пришлось молчаливо согласиться с тем, что орден тамплиеров был готов к обороне лучше трона, и мог предоставить надежное убежище. Он воочию увидел блеск и могущество тех, кого считал «внутренними врагами» с того самого дня, как ему было отказано во вступлении в орден. Какую цель преследовал тогда Филипп Красивый, выдвигая свою кандидатуру? Очевидно, он рассчитывал подчинить себе орден Храма и использовать его. Король без труда добился бы титула великого магистра, и эта духовная власть дала бы ему возможность скрытым образом вмешиваться в политику соседних стран. Отказ пробудил в нем глухую злобу, и он был готов прислушаться не только к сплетням недоброжелателей из народа, но и в особенности к измышлениям, сфабрикованным его собственными приближенными, фанатиками королевского абсолютизма.

По их словам, тамплиеры не приняли короля в свои ряды и не защитили его от народного гнева потому, что вынашивали подрывные идеи. Ногаре, Дюбуа^[35] и прочие советники легко сумели внушить королю мысль и заставить его поверить, что тамплиеры желали заменить монархическое правительство республиканским и что они с дерзостью говорили о короле и его министрах, особенно о Ангерране де Мариньи.^[36] Уж не собирались ли тамплиеры создать государство в государстве, как тевтонские рыцари в Германии? Они имели обыкновение вмешиваться в политические дела. В конфликте, возникшем между Анжуйским и Арагонским королевскими династиями,^[37] они приняли сторону последнего. Они могли стать судьями всей Европы, эти полные высокомерия рыцари, некогда сказавшие королю Англии: «Вы будете королем ровно столько, сколько будете справедливым!»

В глазах их клеветников тамплиеры проводили демагогическую политику, собирая вокруг себя слабых и недовольных. Между тем, как можно было совместить эту мнимую идею о демагогии с аристократическим и пренебрежительным поведением, в котором с другой стороны упрекали тамплиеров, обвиняемых в том, что они нарушили обычаи – если не законы – против роскоши и чрезмерных расходов, в то время как король был беден?... Ибо так называемая или истинная «бедность» короля Франции и лежит в основе сложного дела, которое нам предстоит здесь распутать.

Уже в 1305 г. королю пришлось испрашивать субсидию для укрепления монеты, пока он не приказал изгнать евреев, чтобы завладеть их имуществом. Король мог бы взяться за госпитальеров, которые были богаче, чем тамплиеры, но орден госпитальеров все еще продолжал вести активные боевые действия. Госпитальеры готовились осадить остров Родос. В глазах общественности лучше было бы обрушить упреки на очевидно бесполезный орден.

Представлялась прекрасная возможность нанести сильный удар и оставить на милость королевской власти этих создающих неудобства подданных. Теперь, чтобы подчинить себе орден, королю уже не нужно было просить принять его в свои ряды. Больше не было необходимости подкупать народных сочинителей^[38] или красноречивых ораторов, чтобы очернить ненавидимый орден. Клевета заполонит Францию. Она соединит воедино и коварные намеки, и насмешливые недоговоренности, и вот уже несколько лет распространяемые из злости и зависти сплетни, превратив их в конкретные обвинения. Несмотря на попытки восстановить репутацию, тамплиеры остались отмечены печатью бесчестья. Попытки, при которых большинство из них погибло, не смоят позора, которым их покрыли королевская алчность и народная хула. Преследуемые тамплиеры отнюдь не будут считаться мучениками. Народная молва была готова поддержать существовавшее уже долгое время несправедливое суждение о тамплиерах. Если среди последних и были храбрые

солдаты и отважные защитники Святой Земли, то на Западе их никогда не видели, а об их подвигах, которые были, впрочем, неоспоримы, слышали намного меньше, чем о ссорах с их собратьями по оружию – госпитальерами.

Все говорили: разве тамплиеры не предали дело крестовых походов, вступив в сговор с мусульманами? К тому же они обладали слишком большими привилегиями и, несмотря на их богатство, собирали налоги в ущерб нищенствующим орденам. Помимо этого их сборщики пожертвований вели порой недостойный образ жизни.

Здесь следует сделать упор на том, что принятие в орден тамплиеров слишком часто проходило с прискорбной неразборчивостью. В особенности служители зачастую были настоящими висельниками. Поэтому в 1207 г. Иннокентий III выступил против тенденции тамплиеров принимать в орден «первого попавшегося бродягу, согласного платить им два три денье в год». Помимо этого, по словам этого же Папы рыцари слишком легко давали разрешение на христианское погребение отлученных.

Спустя полвека, в 1265 г. Собор в Арле с прискорбием говорил об освобождении от налогов, которым гордились люди, заявляющие о своей принадлежности к ордену, даже не нося его одеяния.

Касательно служителей следует заметить, что поскольку они были низкого происхождения, рыцари обращались с ними высокомерно, и что это стало источником многочисленных проявлений враждебности. Слуги, покинувшие орден, не упускали возможности отомстить рыцарям, постоянно очерняя их.

Также тамплиеров упрекали в том, что они были зачинщиками раздоров и ловили рыбу в мутной воде; как поговаривали, они въезжали в города, находящиеся под интердиктом, чтобы вновь открыть там церкви. Этот рискованный шаг приносил им благодарность народа, который спешил выплатить им церковную десятину и прочие повинности. Папа был вынужден выступить против этих дерзких и вызывающих поступков.

* * *

Что сказать о ревниво оберегаемой тамплиерами тайне, которой они окружали принятие в орден новых братьев? Если двери охранялись, если вокруг дома Храма и даже на его крышах стояли часовые, значит, там происходило нечто отвратительное, что следовало скрывать, – думали люди. Так рождались легенды.

Некоторые авторы связывали секрет тамплиеров с молчанием, которое предписывала оккультная наука. Для сохранения магической силы в античные времена во всех школах посвященных и в последующие века во всех тайных обществах предписывалось строгое молчание.

Тайну, которая окружала орден Храма, сравнивали не только с секретом франкмасонов, но и приписывали магический характер запрету разглашать церемониал принятия в орден непосвященным. Гибель ордена Храма якобы произошла, по словам некоторых, из-за того, что были нарушены тайные законы ордена: например, говорили, что было разглашено египетское происхождение формул, произносимых при вступлении в орден, которые были в ходу в некоторых командорствах. Чистая гипотеза любителей тайн... Ничто не доказывает, что тамплиеры вынесли с Востока какое-то эзотерическое учение. На некоторых из них могли оказать влияние мистические братства Леванта или секты, вроде ассасинов, но, очевидно, речь шла о единичных случаях.

В конечном счете, легковверный народ считал тамплиеров хранителями каких-то секретов, для нас просто смехотворных. Говорили, что они прячут железный сундук, найденный в развалинах храма Соломона. Этот сундук якобы содержал в себе секрет философского камня. Таким образом, вкупе с алхимией магический круг был завершенным. Здесь были собраны все обвинения, которые породило наивное Средневековье.

* * *

По поводу устава, якобы неизвестного большинству братьев, шли таинственные и тревожные разговоры, как, например, слова, приписываемые одному тамплиеру: «У нас есть пункты, которые знают только Бог, дьявол и мы, братья ордена». Очевидно одно: то, что тамплиеры, как, впрочем, и госпитальеры, полагали, что устав их ордена не должен быть известен мирянам. Впрочем, когда мы видим, как именно миряне трактуют тот или иной монашеский обычай, становится понятным, почему и в наше время монахи не склонны описывать внутреннюю жизнь монастыря.

Перечисляя все эти упреки к тамплиерам, мы недалеко от составления некоего подобия обвинительного заключения, и тем не менее, как замечает Лизеран, следует признать, что в XIII в. на орден ни разу не обрушивались все нарекания сразу, что «все религиозные ордены – не исключая и госпитальеров – подвергались жестокой критике, и что даже после исчезновения ордена храмовники обретали последователей».

Однако зло было причинено. Яд клеветы распространялся медленно, но неумолимо. «Лгите, лгите, ото лжи всегда что-нибудь останется»: кажется, что этот коварный совет, приписываемый Вольтеру, был навеян теми, кто был заинтересован в исчезновении ордена тамплиеров.

Через пятьдесят лет после знаменитого процесса, который мы собираемся изучить подробнее, Боккаччо повторит, что тамплиеры были весьма развращены и что они исполняли долг крестоносцев, действуя через подставных лиц, предоставляя наемникам и слугам вести борьбу с неверными.

Обвинения, без зазрения совести выдвинутые преступником, будут из века в век бросать тень на память ордена Храма. То, что было названо «тайной несправедливости», просуществует до наших дней.

Мы постараемся понять, так ли непроницаема тайна и очевидна ли несправедливость.

Глава III

Упреки

Сейчас нам стоит изучить один за другим упреки против тамплиеров. Мы постараемся сделать это с максимальной объективностью, не претендуя на то, чтобы получить окончательные выводы. Повторим еще раз: все историки сходятся во мнении, утверждая, что нам никогда не станет известно, в какой именно мере тамплиеры были виновны в некоторых крайне неблагоприятных поступках. Бесспорным является лишь то, что их осыпали многочисленными необоснованными упреками, что некоторые личные слабости были преувеличены, а частные случаи злоупотреблений обобщены, для того чтобы обвинить весь орден.

Самым серьезным было обвинение в отречении от Христа и осквернении распятия. Во время церемонии, сопровождавшей принятие в орден, тамплиеры должны были дать клятву на молитвеннике, открытом на странице, где начиналась литургия. Вплоть до наших дней в этой части молитвенника на левой странице помещают изображение распятого Христа.

Таков был обычай, который якобы положил начало кощунственным действиям. В соответствии с большинством показаний вступавшего в орден, после того как он давал обет, принимал орденское одеяние и произносил клятву, отводили в сторону и тогда приказывали ему отречься от Христа и трижды плюнуть на крест.

Мы увидим, что большое число братьев признались в отречении, уточнив, что они сделали это на словах, но не в сердце (*ore sed non corde*).

Чего стоили эти признания? Во-первых, нужно исключить как неприемлемые те, что были вырваны под пыткой. Обвиняемые, которые впоследствии отказались от своих слов, заявили, что они признались бы в чем угодно, чтобы облегчить свои страдания.

Что касается признаний, которые были получены без применения пыток, в большинстве случаев они были сделаны во время допросов, проводившихся в присутствии королевских чиновников. Подсудимые не осмеливались отказаться от того, в чем они признались ранее под страхом пытки, потому что их немедленно признали бы «*нераскаявшимися еретиками*» и сожгли бы.

Таким образом, тамплиеры были перемолоты безжалостной машиной, которая неумолимо приводила их на костер.

Возможно, имели место единичные случаи вероотступничества. Безусловно, существовали дурные тамплиеры, как существуют дурные священники. Также, быть может, в каком-нибудь доме Храма, развращенном командором, тайно отошедшим от веры, могло происходить что-то связанное с магией. Для того смутного времени, когда колдовство было очень распространено, в этом не было ничего удивительного. Если даже в XX в. служились черные мессы, то уж, разумеется, в средние века имели место сеансы черной магии, где осквернялось распятие.

* * *

Несколько авторов с целью восстановить репутацию тамплиеров прибегли к довольно неожиданным комментариям, дабы объяснить отречение от Христа. Такова, например, точка зрения тех, кто приписывает отступничество тамплиеров их разочарованию после краха всех усилий, приложенных ими в Палестине, для защиты Гроба Господня: но подобное «самоубийство» от отчаяния – это что-то из области абсолютно невероятной исторической романтики.

Точно так же не следует принимать серьезно гипотезу, согласно которой тамплиеры являлись еретиками и, вдохновляясь Евангелием от Иоанна, поклонялись Христу с некоей эзотерической точки зрения. В соответствии с этой версией Гуго де Пейен, основатель ордена Храма, встретился в предводителем иоаннитов, который якобы посвятил его во все тайны секты.

Наеф, главный создатель этого учения, объяснял его тем, что слова пяти первых стихов Евангелия от Иоанна могут быть истолкованы как доказывающие гностическую систему происхождения мира. Однако это отнюдь не подразумевало, что доктрина иоаннитов, какой бы еретической она ни была, включала в себя отречение от Христа и надругательство над крестом.

Лавока утверждает, что тот факт, что при вступлении в орден в некоторых домах тамплиеров существовало небольшое число монахов, которые были вынуждены пройти испытание отречением от Иисуса Христа, доказан. Но автор оправдывает это приказание отречься от Христа, плюнуть на крест и принять или дать недостойный поцелуй, говоря, что речь шла только об *испытании*, подобном тому, которому подвергают новичка-матроса или новобранца.

Объяснение придумано весьма ловко. Действительно, орден Храма был скорее казармой, чем монастырем. И, должно быть, во времена расцвета фривольных фавлю, эти необразованные и грубые солдаты часто подшучивали над своими же товарищами. Но, в крайнем случае, это может послужить объяснением лишь отдельных непристойностей. Маловероятно, что эти духовные лица, принеся три монашеских обета, могли устроить подобное *развлечение* с распятием, которое являлось смыслом их существования, с тем самым распятием, к которому по пятницам во всех домах Храма они босиком приходили поклоняться, воздавая ему самые большие почести.

Если они верили в божественную сущность Иисуса Христа, в его смерть на кресте, как они могли требовать от принимаемых в орден новичков плюнуть на распятие, просить их

совершить неимоверно тягостный, неимоверно трудный поступок, даже ради того, чтобы увериться в их способности повиноваться? Мы не состоим в это поверить.

По словам Лавока, таким образом тамплиеры хотели удостовериться, согласится ли новый член ордена отречься от Господа, если попадет в руки к сарацинам.

Это толкование противоречит само себе: таким образом, если желающий быть принятым в орден отрекался от Христа, он считался *покорным*, но одновременно и *потенциальным вероотступником*. Или же он был тверд и непоколебим в вере, но непокорен. Тому, кто яростно отвергал отступничество, говорили: «Вы будете превосходным воином за морем» и отправляли его в Святую Землю. Именно это и толкнуло некоторых тамплиеров, которые были слабыми воинами, к тому, чтобы отречься от Христа, дабы иметь возможность остаться во Франции. Тамплиер Пьер Пикар заявил: «Если бы я отказался отречься, меня бы отправили на Святую Землю».

Когда другой тамплиер стал протестовать против отречения, которого от него потребовали, его совесть заставила замолчать, сказав ему: «Перестаньте, бестолковый, вы потом расскажете об этом на исповеди». Другому как будто сказали: «Не волнуйтесь, это всего лишь шутка, это не по-настоящему».

Один из высших сановников ордена, Жоффруа де Гонневиль, приор Пуату и Аквитании, когда ему задали вопрос о причинах отречения, сказал, что основание этой традиции приписывали одному великому магистру-вероотступнику, который, оказавшись в плену у султана, смог получить свободу, только поклявшись, что введет в ордене обычай отречься от Христа. Гонневиль добавил, что, по словам некоторых, ставшая предметом осуждения церемония была создана в память о св. Петре, который трижды отрекся от Христа.

Эти объяснения не могут быть приняты всерьез. Как можно предположить, что великий магистр, попав в плен, посчитал, что нужно сдержать клятву, данную против своей воли в заключении? И возможно ли вспоминать об отречении св. Петра путем нового отречения?

Все это абсурдно. Если отдельные отречения и имели место, то это были единичные случаи порочного святотатства. Орден, объединявший несколько тысяч монахов, не смог бы сохраниться в течение двух веков, если бы в основе его лежали кощунственные действия. Как можно представить себе, что тысячи честных и правдивых людей, какими были большинство принимаемых в орден, могли согласиться начать благочестивую жизнь, совершив крайнее деяние, направленное против веры?

Возможно, что роскошь и честолубие тамплиеров способствовали тому, что большинство из них потеряли веру. Но от безразличия к ереси не один шаг. Даже если вера рыцарей была уже не так крепка, не следует видеть в них предшественников деистов, что появятся в последующие века.

Одно дело – это исповедовать «католицизм головы» (во Франции это традиция, которая, как кажется, относится к Средневековью) и совсем другое – совершать кощунственные деяния. По здравому рассуждению, невозможно связать между собой церемонию принятия тамплиеров в орден и черные мессы, как это иногда делалось некоторыми.

Если детали, появившиеся по ходу допросов, и смущают, не следует забывать, в каких условиях велись эти допросы. Все было подтасовано в самом своем принципе. Ответы были буквально продиктованы палачами короля или инквизиции. Нам известно, что именно означают на протяжении всей истории и особенно после изобретения «сыворотки правды» некоторые якобы добровольные признания.

Впрочем, показания полны нелепостей и противоречий, которые дискредитируют даже самые правдоподобные высказывания. Например, тамплиер Жан де Пон-л'Эвек говорит, что в качестве наказания за отречение его исповедник-францисканец повелел ему поститься по пятницам и запретил ему целый год носить рубашку. Между тем устав уже предписывал пост

по пятницам и запрещал снимать рубашку. Как связать это между собой? Невозможно полагаться на такие противоречивые подробности.

Мы увидим, что даже показания, собранные внешне беспристрастными папскими комиссиями, все же не являлись добровольными, поскольку они были даны под влиянием присутствующих там королевских чиновников, пристрастных легистов,^[39] везде выискивающих ересь.

Сверх того, по признанию Мишле, который изучил протокол процесса, в рукописях есть исправления и подчистки: это доказывает, что показания старались привести в соответствие с требованиями короля.

В книге «История Франции» Мишле объясняет отречение от веры, говоря, что принятие в орден новых братьев было навеяно театральными и очень своеобразными ритуалами времен раннего христианства: принимаемый в орден был называем грешником и вероотступником по примеру св. Петра. Его вступление в орден означало переход в другую веру и раскаяние: отказ от ошибок, олицетворяемый отречением. Поэтому последнее являлось всего лишь пантомимой, разыгранным сакральным действием, символика которого была понятна лишь посвященным. Потом не без влияния гордыни начались злоупотребления. Понемногу под воздействием «дьявольского эгоизма» ордену захотелось стать самодостаточным.

Гипотеза красивая, но при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. Если утверждение, что «суровая самодостаточная религия» приводит к сатанизму, и справедливо, то невозможно представить, как целый религиозный орден с таким спокойствием утвердился в своем вероотступничестве и святотатстве. Сотни и тысячи монахов не могли добровольно перейти на сторону зла. Это потрясло бы столпы всего христианства.

Все, что мы только что сказали, в равной мере относится и к непристойным поцелуям, которые якобы имели место при принятии новых братьев. Мы говорили, что здесь речь могла идти об испытании и о бестактной шутке. Нужно мысленно перенестись в те грубые времена, когда бесстыдство переходило все границы. Устав предполагал, что тот, кто принимал нового брата в орден, должен был поцеловать его в губы *in signum bonae fidei et fraternae dilectionis* (в знак доброй веры и братского уважения). Теперь этот жест претит нашим западным нравам. Но он был естественен в феодальном церемониале, предполагавшем «поцелуй в уста», когда сюзерен принимал вассальную клятву. Этим поцелуем обменивались первые христиане. У русских, как и у большинства людей Востока, он в ходу и поныне.

В соответствии с текстом допроса тамплиеров в Эльне (Русильон), изученном Мишле, все тамплиеры утверждали, что они обменивались только поцелуями «in ore» (в уста). В этом сходятся все свидетельства, тогда как в тексте допроса, которому подверглись 140 тамплиеров из ордена Храма в Париже, часто фигурирует тройное обозначение «in ore, in umbilico et in fine Spinae dorsi» (в уста, в пупок и низ спинного хребта). Некоторые тамплиеры говорят о поцелуях в плечо и в грудь. Все это вполне приемлемо и типично для некоторых восточных традиций. Остается объяснить, как тамплиеры сумели сделать из этого ритуала повод для непристойностей, так что даже средневековая народная поговорка гласила: «Берегитесь поцелуев тамплиеров». Если мы мысленно перенесемся в тот грубый и жестокий XII в., когда развращенность проникала даже в монастыри, никто не станет отрицать тот факт, что среди тамплиеров царили сквернословие и разврат.

Поверить в то, что в некоторых развращенных домах ордена Храма при принятии новых тамплиеров иногда имели место какие-то бесчестные и странные церемонии, нас заставляет тот факт, что в близком им ордене госпитальеров в подобных обстоятельствах можно было наблюдать забавные развлечения. Делавиль ле Ру отмечал, что у госпитальеров переход послушника в чин брата ордена сопровождался «бурными и ироничными проявлениями радости. Существовал обычай наряжать нового члена ордена в шутовские одежды и

заставлять его пройти по городу под звуки труб и барабанов». Потребовалось издание строгих распоряжений, чтобы пресечь эти правонарушения.

Если так обстояли дела *«coram populo»* (в присутствии народа), что же должно было происходить внутри орденских резиденций, где не нужно было заботиться о «сохранении лица»? Маскарад мог перерасти в дурной фарс: от бурлеска недалеко до пошлости и похабщины. Впрочем, Святой Престол был вынужден упрекнуть госпитальеров в их ставшей общеизвестной безнравственности.

Если нарушения имели место во время принятия в орден госпитальеров, то же самое происходило, само собой разумеется, при принятии в орден тамплиеров. Переход от бурлеска к непристойности может объяснить эти *oscula inhonesta* (постыдные поцелуи), которые мы больше обсуждать не будем.

Что же до обвинения в содомии, опять-таки невозможно допустить, что к этому пороку со спокойной извращенностью склоняли всех новых членов ордена. Совет прибегнуть к «противоестественным» действиям мог быть дан неким развратным лицом, принимающим в орден, а обвинение сделало эту ошибку общей. *«Из-за одного говорят обо всех»*: такая формула часто применяется недоброжелателями, когда речь идет о проступках, совершенных духовными лицами. В данном случае подобный шаг было сделать тем легче, что он основывался на внешне стройной логике. В течение всей истории последователям тайных культов и приверженцам оккультных мистерий всегда приписывали распутный образ жизни. Признания, касающиеся содомии, царящей среди тамплиеров, были вырваны под пытками, дабы сблизить их орден с еретическими сектами, которым вменялся в вину такой же разврат. (В содомии обвинялись гностические секты, манихеи, катары, альбигойцы и богомилы.)

Чтение признаний, собранных в ходе различных допросов, которые проводились во время судебного процесса, непременно должно произвести впечатление на «порядочного человека», поскольку в них присутствует спокойная уверенность, очевидная логика и обманчивая правдоподобность объяснений, которые были предоставлены жертвами данного порока. Разрешение гомосексуализма представлено как уступка слишком сильным плотским желаниям. Также добавляется, что тамплиеры должны были избегать женщин, не столько из-за опасности, которой они могли подвергнуть добродетельность братьев, сколько из-за того, что они могли раскрыть секреты ордена...

Наконец, утверждается, что на Востоке этому противоестественному пороку предавались крестоносцы, приехавшие из Западной Европы, опасавшиеся заразиться проказой. Эти нравы распространялись на Западе с такой скоростью вследствие крестовых походов, что якобы Людовику Святому пришлось бороться с этими бесчинствами.

Поддерживая гипотезу о всеобщей виновности тамплиеров, можно было бы, следуя простой человеческой логике, признать все эти случаи, которым нет никакого оправдания, даже с точки зрения природной морали. Можно вспомнить о психоанализе, чтобы перечислить все сексуальные извращения, к которым приводит подавление желаний мужчинами, лишенными женщин и живущими в группе. Также можно добавить, что эти солдаты, скажем даже, эти солдафоны, не вели, как истинные монахи, аскетический образ жизни, который способствует сохранению целомудрия, поскольку им приходилось хорошо питаться, дабы поддерживать форму для участия в сражении. Но мы забываем, что они были обязаны часто поститься.

Оставим эти рассуждения, которые не могут нас полностью убедить. Однако следует выступить против неправомερных толкований, своим появлением обязанных тем, кто явно стремился очернить орден Храма. Именно так стиху, воспевающему монастырское братство, придали порочный смысл содомии: *«Похвально и радостно, что братья живут вместе»*. Что касается нравственности, как известно, всегда легко найти игривую двусмысленность в самых безобидных словах; таким образом, острый, быстрый и хитрый ум заставляет людей с самыми

лучшими намерениями говорить чудовищные вещи. И ученый не преминет пуститься в объяснения, если они показывают его эрудицию в выгодном свете.

Эти объяснения иногда внешне выглядят очень правдоподобно. К тому же чаще всего признания так ловко изложены, что практически убеждают нас в своей правоте. Однако не следует поддаваться ложному впечатлению, которое создается при чтении данных признаний. Нельзя забывать, что такие упорядоченные, такие спокойные ответы большинства тамплиеров – это всего лишь запись криков боли и вырванного против воли согласия. Переписчики и секретари суда должны были обладать большой ловкостью, чтобы «сверстать» все бессвязные речи, бормотание и стоны жертв.

Иногда, правда, мы сталкиваемся с конкретным подтверждением содомии, но большинство обвиняемых утверждают даже под пыткой, что никогда не воспользовались тем особым разрешением, которое как будто было им дано в момент принятия в орден. Вот что необыкновенно убедительно доказывает невиновность ордена, по крайней мере, в том, что касается содомии.

Впрочем, устав ордена храмовников, как и ордена госпитальеров, не только предполагал самое суровое наказание за противоестественный порок, но и предписывал особые меры, с помощью которых можно было избежать нарушения устава; например, в помещениях, где ночевали братья, всегда должен был гореть светильник.

* * *

Одно из самых абсурдных обвинений, выдвинутых против тамплиеров, касалось пресловутого поклонения идолу, называемому «*бафомет*».

По поводу происхождения этого слова единого мнения не существует. Кто-то видит в нем искаженное имя Магомета. Другие относят происхождение этого слова к арабскому «*bahoumed*», обозначающему теленка. Таким образом, идол тамплиеров якобы восходит к священному быку египтян Апису, к индийской корове, к ассирийскому быку, к золотому тельцу евреев и к священному камню в форме теленка, который друзы носили на груди в качестве амулета. Первобытные народы всегда почитали рогатый скот, считая его основным кормильцем человека.

Приверженцы первого толкования опираются на связи, которые, вне всякого сомнения, существовали между тамплиерами и мусульманами. Продолжатель Гкпьома Тирского сообщает, что тамплиеры поклонялись Магомету. Мы уже видели, что в Святой Земле при разных обстоятельствах тамплиеры проявляли по отношению к мусульманам расположение несколько подозрительное, но вполне объяснимое с точки зрения дипломатии. От этого далеко до вероотступничества, но только не для враждебных и резко настроенных против них умов.

По поводу происхождения слова «бафомет» приведем замечание еще одного – Мюнтера: по его убеждению, волшебные фигурки или головы, которыми пользовались колдуны для занятий своим ремеслом и которые, как считалось, были оживлены дьяволом, назывались «*головами Магомета*» и происходили частью с Востока, частью из Испании. В любом случае они не могли принадлежать мусульманам, ибо, как известно, последние питали отвращение к культуре изображений. Именно поэтому нелепо полагать, что тамплиеры произносили имя Аллаха, соответственно с арабской формулировкой, когда им показывали пресловутого идола.

Когда говорят о бафомете, речь не обязательно идет о простой голове, в чем признавались некоторые тамплиеры; иногда упоминается человеческая фигурка, объединяющая признаки обоих полов, которую некоторые путали с мандрагорой. (Известно, что в средние века все стремились найти корень мандрагоры, поскольку этому растению приписывались то благоприятные, то пагубные свойства. Считалось, что мандрагора

вырастает у подножия виселиц из семени повешенных. Так как корень в основных чертах напоминал человеческую фигуру, его не осмеливались вырывать, поскольку, как говорилось, он кричал от боли и навлекал смерть на того, кто это делал. Поэтому для извлечения из земли этих растущих фетишей использовали специально выдрессированных собак.)

Некоторые говорили о голове свиньи. Другие рассказывали о шлеме, напоминавшем тамплиерам, что они были солдатами. Третьи объясняли, что идол был небольшим египетским сфинксом, символом магического молчания, о котором мы говорили выше; помещенный на столе капитула, он должен был напоминать тамплиерам о необходимости хранить в тайне все происходящее в ордене.

Разница во взглядах и толкованиях проистекает, как мы скоро определим, из полутьмы, которая окутывала всех тех, кто присутствовал на капитуле. Например, Жак де Анизи заявляет, что он не мог разглядеть идола: тот находился чересчур далеко, а комната освещалась лишь слабым пламенем одной небольшой свечи.

Из-за бафомета было потрачено немало чернил. Действительно, он является превосходной темой для любителей страшилок и театра ужасов.

Чаще всего в описываемых сценах присутствует огромное количество жутких деталей. Вспоминаются сеансы спиритизма и черные мессы.

В темной комнате, освещенной лишь дрожащим пламенем свечи, тайно собрались тамплиеры. Из таинственного сундука достается человеческая голова. Из чего она сделана: из дерева, кости, золота, серебра или золоченого дерева? Никто не знает. Поистине можно сказать: «*tot capita, tot sensus*» (сколько голов, столько и мнений). Многие утверждают, что голова была покрыта человеческой кожей. У нее черные курчавые волосы. У нее есть борода: черная, как говорят одни, седая, как утверждают другие. У нее две или четыре ноги и два лица, как у римского Януса. Глаза ее необычайно ярко блестят, словно карбункулы. При виде ее тамплиеров охватывает страх, и они превозносят ее, как бога плодородия, произнося арабские слова. Это и есть бафомет.

Таков романтический образ, так нравящийся бесчисленному множеству писателей и даже ученых. Они видят в бафомете египетского сфинкса, символ тайны или огдоад манихеев. Также вспоминаются тайны Изиды. Якобы тамплиеры в Сирии изучили иероглифы и привезли эти знания в Европу. Некоторые оккультисты считают, что бафомет – это не что иное, как Вечный отец гностиков. Для Хаммер-Пургсталя тамплиеры являются скрытыми гностиками. «*Baphometidos*» (крещение мудростью) якобы относилось к гностической мифологии, так же как «*sophia*» офитов.

Как кажется, было бы легко связать культ бафомета (символизирующего плодородие) с фаллическим культом древних народов или гностицизмом. Гностические секты поклонялись идолам с черной курчавой бородой, олицетворяющим повелителя материи или бога вождения. Поэтому их обвиняли в гнусных пороках.

Также существовали гностические чаши, что дало возможность ученому Хаммеру предположить, что легенда о святом Граале – это символическая история, одновременно скрывающая и доказывающая гностическую основу учения тамплиеров. Мы могли бы перечислить здесь целый ряд гипотез, касающихся восточного происхождения того, что неверно было названо ересью тамплиеров.

* * *

До чего же может довести стремление приписать ордену Храма все интеллектуальные и плотские извращения, которые человеческая порочность породила за многие века! Как только религиозное или светское общество становилось подозрительным, ему сразу начинали приписывать всевозможные мерзости. Дело тамплиеров – это прекрасный повод для безумных комментариев: всякие Соломоны Райнахи дали себе в этом полную волю. Они

проявили недюжинную эрудицию, чтобы создать компрометирующие связи, тревожные совпадения. Ловко используя игру дедукции и индукции, рационалистическая школа приложила немало усилий, чтобы в запутанном и неясном деле тамплиеров появился ряд новых фактов и внешне убедительных объяснений. История оккультизма и эротизма давала ей богатую пищу. Потребовалось большое количество произведений, чтобы рассмотреть более или менее научно обоснованные фантазии, которые создают дурную ауру вокруг истории тамплиеров.

Похоже, что бафомет вскружил голову множеству людей. Рождались или пересказывались легенды, связанные с этой якобы магической головой. Вот что рассказывает Антуан Сикус де Верселлис, нотариус папского и королевского дворов.

Какой-то сеньор из Сидона страстно любил одну даму армянского происхождения. Он ни разу не обладал ею, пока она была жива. Он «познал» ее лишь в могиле, в ночь после ее погребения. Тогда ему был голос, который сказал: «Ты вернешься ко времени родов и найдешь голову, которую зачал».

Через определенное время рыцарь нашел между ног умершей человеческую голову. Эта голова как будто и стала бафометом.

Один тамплиер, Гуго де Форо, приводит иную версию этой легенды.

В графстве Триполи некий благородный дворянин любил некогда одну девушку. Пока она была жива, он не мог ею обладать, но после ее смерти он приказал выкопать ее тело и отрезать у него голову. Тогда ему был голос, который приказал тщательно хранить эту голову, потому что тот, кто ее увидит, погибнет. Он поместил ее в ларец. Во время путешествия от Кипра до Константинополя, которое совершал этот дворянин, какая-то женщина, завладев ключом от ларца, захотела из любопытства посмотреть, что в нем находилось. Она открыла его, и тотчас же на корабль, где находился обладатель ларца, обрушилась буря, и потопила его. При кораблекрушении смогли спастись лишь несколько матросов.

Как добавляли, с тех пор все рыбы, жившие в этой части моря, погибли...

Также говорилось о голове, которая время от времени появлялась в заливе Малой Азии, навлекая гибель на все суда, ходившие в те края.

К этим нелепостям следует добавить более современную легенду, действие которой разворачивается на грандиозном фоне гор Гаварни. Там в знаменитом цирке, известном большинству паломников Лурда, находится небольшая часовня, где некогда были погребены шесть тамплиеров. Поговаривают, что каждый год в годовщину смерти Жака де Моле, там как будто появляется призрак, на котором вместо савана надет белый плащ, украшенный красным крестом. В доспехах и с копьем он направляется к маленькой часовне. Он входит в нее медленным шагом и издает клич, который долго слышен в цирке: «Кто защитит святой Храм? Кто освободит гроб Христа?» При этом возгласе шесть голов погребенных тамплиеров оживают и приподнимаются, чтобы трижды ответить: «Никто! Никто! Храм разрушен!»

* * *

Истории, рассказанные о бафомете, давали возможность самым наивным людям провести пугающую связь между всеми этими головами. Было от чего ее потерять, мог бы сказать шутник, и именно это и произошло с некоторыми ограниченными тамплиерами, которые по простоте душевной считали идиолом то, что было всего лишь реликвией.

Если бы идолы и существовали в различных домах ордена, их бы нашли во время обысков, проведенных в один день и один час во всех командорствах Франции. Были составлены описи, наложены печати: «Нигде, даже на Кипре, – говорит Лавока, – не было найдено никаких следов идолов; были найдены деньги, ценности и архивы».

В большой часовне Храма в Париже был обнаружен реликварий в форме головы. 11 мая 1311 г. Гильом Пидуа, управляющий и хранитель имущества Храма принес папской комиссии, заседавшей в Париже, «большую, красивую голову из позолоченного серебра; она представляла собой изображение женщины, а внутри нее находились кости черепа, завернутые в белое вышитое полотно; сверху лежал, закрывая ее, саван (сшитый из тонкого полотна или сирийского газа) красноватого цвета. На вышитой надписи можно было прочесть слово и цифру: *Capud LVIII*, Похоже было, что это кости черепа небольшой женской головки, и поговаривали, что это была голова одной из *одиннадцати тысяч девственниц* (?). Гильом Пидуа подтвердил, что больше ничего не нашел в доме Храма» (*Лавока*).

Итак, пресловутый идол был всего-навсего реликварием из позолоченного серебра, обернутый драгоценной тканью: складки ткани, собранные под подбородком, образовывали нечто похожее на бороду. Благодаря драгоценным камням, оправленным в серебро, у робких создавалось впечатление, что на них бросают пронзительный взгляд сверкающие глаза. Реликварий стоял на скамейке с четырьмя ножками. Таков был магический идол о четырех ногах. А покрывало в полутьме издали напоминало старую человеческую кожу.

Некоторых братьев приглашали *почтить святыню*, а они подумали, что *поклоняться идолу*. Эти простые люди не понимали различия между культом единого бога и культом святых, между поклонением и почитанием. Однако, заметим, удивительно то, что такой высокий сановник, как досмотрщик Франции Гуго де Пейро, в своих показаниях не сделал различия между святыней и идолом. Нам неизвестно, в какой мере пытка могла притупить способности самых умных тамплиеров к критическому осмыслению. Но, если обвиняемые смогли отрицать некоторые факты, признавая при этом обоснованность других упреков, почему Гуго де Пейро не выступил против обвинения в идолопоклонничестве, как другие отвергали обвинение в том, что занимались содомией? Если простые братья могли ошибаться в том, что касается святыни, то высшее духовное лицо, каким был досмотрщик Франции, мог бы просто уточнить факты. На это следует возразить, что верховный сановник не обязательно был более умным или более ловким юристом, чем простой брат. Мы увидим, что сам великий магистр окажется не в силах защититься. Рыцари-тамплиеры были неграмотными, как большинство сеньоров того времени. Как же тогда эти *малосведущие люди* должны были неловко выглядеть перед лицом юристов и знатоков канонического права! В конечном итоге, даже если обвиняемый сумел удачно защититься, мы этого никогда не узнаем, поскольку секретари суда, так же как и палачи, заставили их сказать все, что желал услышать инквизитор, и это подкреплялось подчистками в тексте и добавлениями.

Нюансы и различия, которые можно выявить в показаниях, были вставлены в текст переписчиками только для того, чтобы придать вырванным показаниям некую правдоподобность. Признания, полностью совпадающие по всем пунктам, могли бы вызвать недоверие тех, кто должен был вынести окончательный приговор. Чтобы оправдать действия короля, следовало составить бумаги, которые оставляли бы впечатление подлинности, непредвзятости и правдивости. Но это отнюдь не облегчает работу тех, кто хочет внести какую-то ясность в это запутанное дело.

* * *

Легенда о бафомете закрепилась настолько прочно, что это дело множество раз возобновлялось в течение последующих веков. В 1789 г. в Эссенуа, что в нескольких километрах от бывшего командорства Вулен, был найден в земле ларец из резного камня с выгравированными на нем арабскими письменами. Археологи посчитали, что это был ларец, где хранился бафомет тамплиеров, или «гностический» ларец. Палеографы с большим трудом сумели расшифровать надпись на этом пресловутом объекте, так называемом ларце «герцога де Блака».

Перевод не оправдывает ничьих надежд, кроме тех, что питают любители всего таинственного: «Пусть восславится Мете (разум), что заставляет расти и расцветать, наш прародитель, это я с семерыми, отрицающий и восстающий против правоверности, все удовольствия окружают тебя».

Некоторые предположили, что этот ларец был всего лишь саркофагом египетской мумии. Остается объяснить, как он оказался закопанным в поле в нескольких километрах от командорства тамплиеров. Следует ли думать, что последние хотели скрыть некое вещественное доказательство, какое-то компрометирующее свидетельство? Предоставим ученым возможность спорить до потери дыхания о гностических тайнах и манихейских символах, изображенных на ларце. В ход снова идет черная магия и ритуалы, связанные с порочной сексуальностью. Некое двуполое существо, изображенное на одной из сторон ларца, якобы представляло собой бафомет, принимающий почести посвященных. Чистая гипотеза какого-то эрудита, умело играющего в захватывающую игру, которая состоит в том, чтобы сравнивать между собой религии или ереси, дабы связать их между собой таинственными и запутанными связями эзотерических доктрин, магии или эротизма.

В Лувре находится множество бронзовых статуэток, называемых бафометами. Это подделка: идола, которого можно было бы посчитать бафометом тамплиеров, не существует.

* * *

С бафометом связаны толкования, касающиеся пояса, который тамплиеры носили под одеждой, на рубашке. Ношение этого пояса предписывалось уставом. Его должны были одевать на ночь поверх рубашки «чтобы не касались свободно своей плоти». Он является символом целомудрия, а хулители тамплиеров сделали из него магический объект. По их словам, прежде чем надеть его на братьев, этим поясом проводили по идолу. Возможно, что в соответствии с обычаем Средневековья, тамплиеры прикасались к тому самому реликварию каким-то предметом, который всегда держали при себе, например, поясом, но этот жест говорил лишь о набожности, его можно наблюдать во всех местах паломничества.

К тому же можно привести свидетельство тамплиера Ги Дофена, который объяснил: «Я пользовался этими поясами, которые прикасались к белому камню, что можно видеть в Назарете в том самом месте, где ангел принес благовест преподобной Марии; они также прикладывались к мощам, принадлежавшим ордену за морем, мощам св. Поликарпа и св. Эуфимии».

Именно он и дает рационалистам прекрасный повод для рассуждений об амулетах. Ведь так легко приписать черной магии то, что относится к магии белой.

* * *

Большинство обвинений, выдвинутых против тамплиеров, присуще и всем судебным делам Средневековья, касающимся колдовства.

Тамплиерам вменялись в вину тысячи жестоких и садистских поступков: говорили, что они сжигали своих умерших, чтобы заставить новых приверженцев проглотить этот пепел, подмешивая его в еду и напитки. Также добавлялось, что они приглашали женщин на пиры, которые, когда гасили все огни, заканчивались всеобщими оргиями. При рождении детей, зачатых во время этих вакханалий, устраивался новый пир, по ходу которого новорожденных перебрасывали, словно мячи, из одних рук в другие, пока они не умирали. Тогда маленькие тельца жаривали, а их жиром смазывали бафомет.

Подобным обвинениям, как известно, подвергались и первые христиане.

Также капелланов ордена Храма упрекали в том, что, служа мессу, они опускали слова освящения гостии. Между тем тамплиеры питали такое уважение к таинству святого

причастия, что их капелланы всегда носили перчатки, чтобы по возможности избежать оксверняющего прикосновения к своим рукам, которые должны были касаться святых даров.

Точно так же невозможно вменить им в вину тот факт, что в момент возношения даров они опускали головы вместо того, чтобы смотреть прямо на них. Проявление благоговения при виде святых даров было очень распространено в то время, но, как и множество католиков в наши дни, тамплиеры могли посчитать, что в этот момент им следовало пасть ниц. В этом трудно увидеть знак пренебрежения.

Если бы нам надо было рассмотреть все так называемые прегрешения ордена Храма, мы бы не смогли остановиться. Например, они не могли ни крестить детей, ни входить в дом, где находилась роженица. Если по ошибке они все же входили туда, то выходить им следовало, пятясь задом наперед, «о чем отвратительно рассказывать», – говорит обвинительное заключение.

Непонятно, что здесь заслуживает порицания: обвинителям пришлось немало потрудиться, чтобы раздуть из мухи слона, чтобы придать безобидным действиям видимость проступков. По-видимому, их воображение расплялось, как в случае коллективной галлюцинации. Об этом можно судить по ханжескому тону, которым написано обвинительное заключение, отмечающее, что принятие в орден новых братьев происходил тайно, а это является «большим позором для церкви и очевидной опасностью для спасения душ».

Горе тем, на кого были нацелены эти иступленные речи, эта государственная пропаганда, и с кем тоталитарный режим стремится затеять «ссоры по пустякам», дабы избавиться от неудобных!

Не будем останавливаться на упреках, касающихся исповеди. Утверждалось, что великий магистр, несмотря на то что был мирянином, как будто выслушивал тайну исповеди: он даже отпускал грехи, которые не были исповеданы. Мы уже говорили, что самые простодушные путали исповедь с монашеским покаянием. Многие братья полагали, что отпущение грехов, данное капелланом в конце капитула, снимало с них вину за проступок, в котором они не признались.

* * *

Многие авторы значительно романтизировали вступление и пресловутое принятие новых рыцарей в орден Храма. В любопытном труде «*Великие Тамплиеры*» Джон Шарпентье проявляет недюжинный талант режиссера, описывая церемонию принятия в орден. Великий магистр Гильом Шартрский лично выслушивает клятву кандидата, некоего Ганса из Ингельхейма.

Первая выдуманная деталь: великий магистр говорит вступающему, что орден имеет право распоряжаться жизнью и смертью рыцарей. Но дадим слово автору:

– Моя жизнь принадлежит вам, – ответил Ганс.

– Прекрасно! – одобрил Гильом Шартрский. – Поклянитесь этими органами, которые свидетельствуют о вашей принадлежности к мужскому полу!

– Я клянусь! – торжественно провозгласил рыцарь, прикоснувшись левой рукой к паху и вытянув правую перед собой.

Мы не нашли ничего, что бы напоминало эту своеобразную клятву в документах, касающихся ордена Храма.

Затем следует настоящая фантазмагория, в которой участвуют Святое Распятие и Антихрист. Наконец Ганса вводят в тайную комнату, где находится окутанная покрывалом статуя. С бафомета (ибо речь идет именно о нем) снимают покров. «Посвящаемый в тайну», то есть новый рыцарь должен выбрать один из двух сосудов (кантаров Бахуса), в одном из которых заключалось вино истины, в другом – вино заблуждений.

Наконец посвящаемый должен поцеловать статую в семь мест, соответствующих различным нервным сплетениям, в том числе и в поясничное и в крестцовое сплетение...

Это весьма элегантный способ одновременно вспомнить и бафомет, и все «*oscula inhonestā*» (*постыдные поцелуи*). Но нет ли в этой милой фантазии доли истины? Не были ли похотливые развлечения, о которых мы говорили, связаны с некоей туманной космогонией, с обращением к древним тайнам? Утверждая подобное, мы даем чересчур большое преимущество оккультистам.

* * *

А вот, собственно говоря, и сатанизм.

По словам обвинителей ордена, тамплиеры якобы сохраняли демонические традиции, восходящие к героическому периоду в истории ордена, к временам, когда на двух братьев у них была лишь одна лошадь. Однажды ехавшим верхом двум тамплиерам внезапно стала угрожать большая опасность. Один из сидящих в седле рыцарей препоручил свою жизнь дьяволу, тогда как другой призывал Иисуса Христа. Первый вышел невредимым из опасного приключения и посоветовал другому, быть может, менее удачливому, всегда поручать свою жизнь дьяволу.

Совету стали следовать: этим можно было бы одновременно объяснить и необыкновенное богатство ордена, и его распушенность.

Любители совпадений соотносят эту дьявольскую легенду о двух рыцарях с двуликостью бородатого бафомета.

Будет утверждаться, что тамплиеры на капитулах поклонялись демону в обличье кота. Предполагалось, что этот кот вступал в беседу с помощниками, и таким образом они вызывали появление других демонических фигур, последние являлись в виде сладострастных женщин, с которыми каждый «поступал по своему усмотрению», как во всех случаях с суккубами.

Эти рассказы позволяют констатировать тот факт, что обвинения, обращенные к тамплиерам, напоминают упреки, выдвинутые против различных сект, которые подозревались в сношениях с демоном, например, против манихеев. Проявление манихейства усматривалось в том, что при возникновении ордена два рыцаря ездили на одной лошади, или же в том, что тамплиерам было предписано есть вдвоем из одной миски. Жюль Луазелер считает тамплиеров простыми последователями катаров и, следовательно, поклоняющимися злему началу. В связи с ними вспоминались Элевсинские мистерии.^[40]

С другой стороны, в отречении от Бога обвинялись альбигойцы и вальденсы, равно как и колдуны, которым также приписывались убийства детей, рожденных от кровосмесительных связей. Что касается непристойных поцелуев, отметим, что в процессах, связанных с колдовством, ведьмы обвинялись в поклонении козлу, «*osculantes ilium in ano suo*» (*поцелуях его в зад*).

Если оценивать все то, в чем упрекали тамплиеров, кажется, что враждебно настроенным хулителям ордена нужно было лишь пополнять свои обвинения из запаса тех ужасов, что приписывались в течение веков еретикам, колдунам, магам и всем тем, кто, как предполагалось, что-то замышлял против властей и разрушал мировой порядок.

Впрочем, в средние века еретик считался своего рода анархистом, точно так же как в эпоху Ренессанса протестант в политике принимали, главным образом, за революционера.

Если между тамплиерами и альбигойцами и существовали связи, то их изучение не входит в наши планы. Единственное, что установлено наверняка, – это то, что альбигойская ересь практически полностью исчезла в начале XIV в.

Во время судебного процесса против тамплиеров при здравом размышлении невозможно было представить себе духовную связь между рыцарями-тамплиерами и еретиками с юга

Франции, какими бы ни были сравнения, приводимые теми, кто их искал. Всегда легко связать доктрину, которую хотят осудить, с какой-нибудь исчезнувшей ересью. Именно это и сделали с тамплиерами, обвинив их в альбигойстве.

Возможно, в орден Храма проникли какие-то идеи учения катаров, оттого что катарам, которых принудили к раскаянию, иногда приходилось вступать в орден тамплиеров, чтобы искупить свою вину. В числе этих идей мы отметили страх альбигойцев перед беременной женщиной, запрет входить в дом, где находится женщина, мучимая родами. Но были еще и другие, и отречение от Христа являлось всего лишь логическим следствием вероисповедания, не признававшего божественного воплощения. Следовало бы отнести эти религиозные заблуждения к тем, что исповедовались богомилами, сатанистами и иоаннитами.

В связи с этими ересями достаточно вспомнить, что в начале XIII в. тамплиеры участвовали в крестовом походе против альбигойцев. Таким образом, они, по словам клеветников, якобы снова заключили сделку с врагом...

Неизвестно, принесло ли вмешательство тамплиеров свои плоды во время этого похода в Западной Европе. Они были обязаны нести военную службу королю только во время крестового похода, но их помощь не ограничилась только лишь военными действиями. В 1212 г. тамплиеры вошли в комиссию, созданную Симоном де Монфором^[41] с целью написать устав, известный под названием «*Статутов Памье*» и предназначенный для налаживания жизни в стране, отвоеванной у еретиков.

Если бы тамплиеры подозревались в поддержке альбигойской веры, Папа Иннокентий III, столь ловко избличавший ересь, не преминул бы это заметить.

Часть третья

Глава I

Аресты 13 октября 1307 г

Таким образом, король Филипп Красивый благосклонно отнесся к наговорам горожанина Безье Эске де Флуарана. А злые гении из его окружения, такие как печально известный Ногаре, спешили подтолкнуть монарха к конкретным действиям.

Король весьма был склонен прислушиваться к словам тех, кто советовал ему применить силу, но он знал, что ему необходимо заручиться поддержкой Папы. Орден Храма подчинялся непосредственно понтифику. Поэтому важно было проявить осторожность и осмотрительность.

Филипп Красивый приказал Ногаре начать расследование, предложив известить об этом Папу. Расследование будет долгим: оно будет вестись два года. Это указывает на то, что дело продвигалось на ощупь, что давало дорогу интригам и махинациям.

Основными информаторами короля стали бывшие тамплиеры, изгнанные из ордена за недостойное поведение. Также упоминаются двенадцать братьев, которые, выйдя из ордена, вновь возвратились туда, изобразив раскаяние, чтобы шпионить за делами и поступками тамплиеров. Эти мастера на все руки, не имеющие ни стыда ни совести, как кажется, сами специально совершили некоторые преступления, в которых обвиняли тамплиеров, чтобы создать напряженную обстановку и спровоцировать выявление новых фактов прегрешений ордена.

Наконец бывшие тамплиеры были задержаны, и их заключение в течение долгого времени держалось в секрете. В конце концов, Ногаре при поддержке великого инквизитора Франции Гильома Эмбера, получил от этих пленников обещания доказать, что в ордене тамплиеров совершались преступления.

Король основывал свои обвинения именно на этих подозрительных свидетельствах.

Ожидая, когда его тайное расследование даст первые результаты, король в письме известил об этом Папу.

Помимо этого вопрос о тамплиерах много раз будет затрагиваться в беседах, которые Филипп Красивый и Климент V будут вести до и во время празднеств, посвященных восшествию на трон Папы Римского, в Лионе 15 ноября 1305 г.

Поначалу Папа отказывался верить в обоснованность обвинений. Он добавил, что как только тамплиеры узнали о том, что замышляется против них, они сами объявили о своем подчинении решению Папы. Это означало, что они были уверены в себе и своей невиновности.

На протяжении всего 1306 г. между курией и двором шла бурная переписка. Папа медлил: он хотел выиграть время. Впрочем, он болел, и с августа по ноябрь не хотел никого принимать.

В июне того же 1306 г. вспыхнул мятеж, о котором мы говорили и во время которого король укрылся в резиденции Храма. Филиппу Красивому было нелегко бежать от народного преследования. Простолюдины захватили все выходы и заявляли, что хотят заморить голодом короля. Несмотря на верность и храброе поведение, которое тамплиеры проявили в данных обстоятельствах, их, как мы уже сказали, обвинили в подстрекательстве к мятежу.

В конце этого же года при дворе Франции состоялось тайное заседание совета, на котором присутствовали кардиналы Беренгар Фредоль и Этьен де Сюизи. На совете, по всей видимости, было решено возбудить судебное дело против тамплиеров.

* * *

На встрече между Папой и королем, которая произошла весной 1307 г. в Пуатье, встал вопрос о слиянии орденов тамплиеров и госпитальеров. Папа, встревоженный словами кардиналов Беренгара Фредоля и Этьена де Сюизи, конечно же, рассчитывал избежать предполагаемого процесса, присоединив тамплиеров к другому ордену, который не навлекал на себя столько упреков, как орден Храма.

Идея объединить тамплиеров и госпитальеров в один орден была не нова. Выдвинутая королем Людовиком Святым около 1265 г., она рассматривалась 7 мая 1274 г. на Вселенском Соборе в Лионе Папой Григорием X в присутствии двух представителей обоих орденов. План был отвергнут по причине возможных возражений со стороны королей Кастилии, которые боялись, что слияние орденов может нанести ущерб трем орденам их королевства: орденам Сантьяго, Калатраве и Алькантаре.

Карл II Анжуйский, король Неаполя и Сицилии, также находившийся в Пуатье,^[42] предложил в 1293 г. объединить в один новый орден все существовавшие военные ордены. Во главе его стал бы сын короля или какой-нибудь князь благородного происхождения, одновременно получивший бы и корону Иерусалима. Этот план, предложенный Папой Николаем IV христианским государям, был ранее одобрен на Страсбургском Соборе, но Папа вскоре умер.

Также можно привести план объединения, который предложил Раймунд Луллий:^[43] его план был сначала принят, а потом отвергнут Бонифацием VIII.

Наконец Дюбуа, «легист из Кутанса» и советник короля, защищал ту же самую идею в труде *«De recuperatione Terrae Sanctae»* (О возвращении Святой Земли). Он предлагал заставить тамплиеров и госпитальеров объединиться и жить за счет своих богатств в странах Востока. Должность великого магистра была бы передана королю Кипра. Поскольку у этого монарха не было детей, Дюбуа делал вывод, что этот сан перешел бы потом ко второму сыну Филиппа Красивого. Таким образом, французский принц унаследовал бы остров Кипр и высокое звание, что сделало бы его «одним из самых богатых и самых могущественных государей Леванта». Так можно было бы постепенно изъять все имущество орденов тамплиеров и госпитальеров в Европе, что принесло бы королевству 800 000 турецких ливров в год. Эта сумма могла бы быть направлена на покупку кораблей и провизии, чтобы дать

возможность отправиться в крестовый поход. В приоритетах и командорствах следовало бы основывать школы для девочек и мальчиков, усыновленных из благих намерений в ходе крестовых походов. Там им преподавались бы ремесла, медицина, астрономия и восточные языки.

Никто не принял всерьез этот абсурдный план. Отметим, однако, что труд Дюбуа не осуждал орден Храма: он только упрекал его в бесполезности. К тому же дело тамплиеров вписывалось в большой тоталитарный план, реализация которого должна была по замыслу его создателя навсегда закрепить всемогущество французской монархии. Ренан это прекрасно понимал: «Под предлогом крестового похода сделать короля Франции главой христианства, передать ему бенефиции папства, часть доходов Церкви и, в особенности, ценности орденов, посвятивших себя Священной войне, – таков был план, разработанный небольшой секретной школой, где Дюбуа играл роль утописта, а Ногаре – исполнителя».^[44]

Прецеденты случались и раньше: в 1229 г. Фридрих II изгнал тамплиеров с Сицилии и изъял их ценности.

* * *

Мы уже видели, что великий магистр ордена Храма, Жак де Моле, к которому Папа обратился с вопросом о слиянии орденов, высказал свое мнение по поводу существующего положения вещей.

Мало вероятно, чтобы Климент V обратил внимание на план, который неоднократно отвергался его предшественниками. Нужно было действовать быстрее. Обвинения, сфабрикованные королем, требовали тщательной проверки. Папа взял с короля обещание, что тот станет сообщать ему о результатах расследования, которое вел Ногаре. Что и будет сделано. Также в Пуатье поднимался вопрос о возобновлении процесса над Бонифацием VIII. В связи с этим была собрана комиссия кардиналов и они предложили компромисс: Папа отменит меры, принятые против Франции его предшественником,^[45] а король предоставит Клименту самому завершить процесс над Бонифацием VIII.

По мнению Лизерана, дело тамплиеров несколько не привлекло внимания Папы в Пуатье. Разговор между ним и королем на эту тему был весьма кратким: он продолжался столько времени, сколько нужно, чтобы пройти из папских апартаментов в зал публичных заседаний.

Впоследствии происходил обмен многочисленными письмами и посланниками. Поначалу наговоры Филиппа Красивого не смогли поколебать уверенность Климента V. Он с недоверием относился к интригам короля, тем более что великий магистр сам просил Святой Престол со своей стороны провести обстоятельное расследование. Климент V уступил желанию Жака де Моле и 24 августа 1307 г. приказал начать расследование или, скорее, судебное разбирательство, которое велось в соответствии с действующими правилами. Высокие сановники ордена Храма требовали оправдательного приговора, если бы их невиновность была установлена папскими судьями: в противоположном случае они согласны были принять наказание.

Чтобы внести некую ясность в это чрезвычайно запутанное дело, нам нужно отныне следовать строгой хронологии. Так как даты были перепутаны Дюбуа (нарочно, как утверждают некоторые), первым историком ордена Храма, не так-то просто проследить события день за днем.

Расследование Папы велось уже в течение трех недель, когда 14 ноября 1307 г. Филипп Красивый тайно отправил своим чиновникам в запечатанных письмах пространное послание, касающиеся тамплиеров. Эти служащие короны должны были распечатать их только в назначенный день. Письмо содержало обоснование четырех главных пунктов обвинения: отречение от Христа, принудительная содомия, опущение капелланами тамплиеров слов при

освящении гостии и, наконец, поклонение идолу. Королевское послание заканчивалось приказом чиновникам арестовать 13 октября всех тамплиеров, что находились в их бальяхах. Король опасался проволочек канонического судопроизводства. Он хотел действовать быстро, пока это дело не выскользнуло из его рук.

22 сентября в монастыре Мобюиссон Ногаре был назначен хранителем печати и главой канцелярии, сменив на этом посту Жилия Асцелина, архиепископа Нарбоннского. Последний, отнюдь не намереваясь наносить удар по ордену тамплиеров без согласия Папы, отказался скрепить печатью письма, в которых содержался приказ об аресте рыцарей-монахов.

В тот же день главный инквизитор Гильом де Пари направил послание инквизиторам Тулузы и Каркассона, приорам, помощникам приоров и причетникам ордена доминиканцев, чтобы приказать им начать допрос тамплиеров в связи с преступлениями, в которых обвиняла их молва. Но обвиняемые могли предстать перед судом инквизиции только после первого допроса, проведенного королевскими чиновниками. Инквизиторам было разрешено прибегать к пыткам, «если будет в том нужда». После признания обвиняемым были бы прощены грехи, и их бы выпустили; если бы они упорно все отрицали, они были бы приговорены к смерти. Такой была альтернатива, предлагаемая инквизицией своим жертвам. Как видно, все было подготовлено, ставки были сделаны еще даже раньше, чем начались сами аресты, о которых мы сейчас расскажем.

26 сентября Папа попросил короля предоставить ему новые сведения о проведении расследования. Он желал вновь взять это дело в свои руки. Его держали в неведении относительно готовящихся арестов. Ногаре был полон злобы на Папу за то, что тот отказался принять его в Пуатье и не стал снимать обвинения, выдвинутые Папой Бенедиктом XI против виновника нападения на Бонифация VIII в Ананьи.

12 октября ничто не предвещало неотвратимой развязки: Жак де Моле, великий магистр ордена Храма, присутствовал на похоронах принцессы Екатерины де Куртене, супруги Карла де Валуа и внучки Балдуина II, императора Константинополя. Великий магистр, стоя возле короля, держал один из шнуров покрывала на гробе.

На следующий день, 13 октября 1307 г. все тамплиеры королевства были арестованы в одно и то же время. Этот прием был известен: точно так же поступили в 1291 году с ломбардскими банкирами, а в 1306 – с евреями.

Приказ об аресте был выполнен в точности, как о том свидетельствует письмо, герцога Брабантского к королю: «Мы прекрасно поняли, как вы приказали поступить с делом тамплиеров. Мы схватили всех тамплиеров, находящихся на нашей земле, и они находятся в нашей власти, и их имущество находится под арестом, так как вы нам повелели».

Все детали операции были тщательно проработаны. Членам комиссии нужно было изобразить обыкновенную проверку, но за ними следом должны были следовать бальи, сенешали и вооруженная охрана. Нескольким тамплиерам удалось скрыться; некоторые, как говорили, повесились или бросились вниз с башен в своих поместьях.

Жак де Моле был арестован самим Ногаре в парижском Тампле. Едва он покинул его величественные стены, как туда приехал король. Он явился, чтобы обосноваться в этой гордой крепости, где несколько лет назад скрывался, преследуемый по пятам криками мятежников. Через порог ордена Храма переступил уже не испуганный правитель, а празднующий победу деспот, только что уничтоживший тех, кто внушал ему опасения, в их собственном жилище. Филипп отдал приказ перевезти в крепость, которая отныне будет принадлежать ему, его собственную казну и архивы Франции. Казну Храма он добавил к богатствам своего рода и государственной казне, доставленной из Лувра. Его казначеи вновь взяли в свои руки управление королевскими финансами, которыми до этого момента распоряжались тамплиеры.

Для короля башня Тампля являлась символом ненавистной власти, которой обладали его враги: король ненавидел эту башню с мальчишеским пылом. Переселяясь в новую резиденцию, он приказал выкопать останки строителя башни и развеять их по ветру, как будто речь шла о еретике. Этот поступок свидетельствует о злобной мелочности короля, которого его апологеты описывают как человека уравновешенного, вдумчивого и всегда владеющего собой.

Гильом де Ногаре поспешил оправдать в глазах народа неожиданные меры, принятые Филиппом Красивым. Он обратился к клирикам и народу с воззванием, дабы подчеркнуть тот факт, что король всего лишь подчинился воле Гильома Эмбера, главного инквизитора Франции. Ногаре не исполнял мнения Папы, но дает понять, что понтифик согласен с королем. Таким образом, он лгал, чтобы утихомирить первые всплески волнения, вызванного поступком, представлявшимся незаконным в глазах этих простых людей, которые, несмотря на свое предубеждение против ордена Храма, обладали чувством справедливости. «Государственные интересы», значение которых в это время понималось еще смутно, не могли возобладать над привилегиями, которыми пользовались люди Церкви.

Его послание отличалось особой напыщенностью. Оно начиналось со следующих слов: «Прискорбное дело, горестное дело, злодеяние, о котором ужасно подумать, и страшно услышать, отвратительное, гнусное, омерзительное и нечеловеческое достигло наших ушей, заставив нас содрогнуться от ужаса».

И Ногаре с очевидным удовольствием описывает все то, в чем упрекали тамплиеров, начиная с отречения от Христа, до опущения слов в ходе церемонии освящения гостии, не забывая о противоестественных преступлениях.

На следующий день 14 октября Ногаре призывал в зал капитула собора Парижской Богоматери магистров факультета теологии, каноников, прево Парижа и других королевских чиновников. Перед лицом этого собрания «проклятая душа» – Филипп Красивый изложил историю дела и пересмотрел различные обвинения против тамплиеров.

15 октября Ногаре обратился к толпе. Он воспользовался воскресным днем, чтобы собрать как можно большее количество людей в саду королевского дворца. На этом «митинге» доминиканские монахи и королевские чиновники одни за другими брали слово, чтобы попытаться оправдать поступки, всколыхнувшие общественное мнение. Пусть тамплиеры и не вызывали к себе уважения, однако всех возмутило то, что с ними обращались как с преступниками.

* * *

Во всем королевстве королевские чиновники допрашивали пленников и описывали имущество ордена тамплиеров, чтобы управлять им от имени короля.

Во время допросов применялись пытки, и это имело самое большое значение в свете того, что за ними последовало. Действительно, обвиняемые, признавшись в чем-либо под пытками, не смели отказаться от сказанного, ибо в сознании людей средневековья тот факт, что кто-то вновь отрицал проступок, в котором уже признался, был чрезвычайно важен. Это означало упорствовать в своем заблуждении, а «*perseverare diabolicum*» (упорствовать в дьявольском заблуждении) воспринималось в буквальном смысле слова. Запирающийся считался нераскаившимся еретиком, и его казнили без дальнейших судебных разбирательств. Таким образом, первоначальное признание, сделанное под пыткой, в дальнейшем постоянно влияло на поступки обвиняемых, какими бы ни были впоследствии судьбы и суды, перед которыми снова представляли обвиняемые.

Доказано, что действия чиновников короля отличались жестокостью. Это было началом государственной инквизиции.

Когда король испросил совета у теологов из числа своих приближенных, ему ответили, что светский судья не достаточно компетентен, чтобы разобраться в этом деле, поскольку речь идет о ереси. Король может вмешаться, только если об этом попросит церковь. Вследствие этого король не мог отобрать их имущество. В данном случае речь идет о лицах духовного звания, «не подчиняющихся судье-мирянину». Филипп Красивый согласился с мнением своих теологов и решил предать тамплиеров суду церковному. Отметим, что великий инквизитор был исповедником короля. Можно догадаться, что Гильому де Пари было нетрудно убедить своего подопечного. Паутина заговора плелась с точностью, которую вполне можно назвать дьявольской, поскольку король явным образом подчинился... демону алчности.

Поэтому именно инквизиция будет вести процесс против ордена. А Ногаре придется иметь дело с организацией, к которой он, должно быть, питал особую ненависть: действительно, как нам сообщает Ж. Гиро,^[46] «он принадлежал к семье катаров из окрестностей Каркассона; его дед был сожжен как еретик, и, если бы соблюдалось церковное и гражданское законодательство, ограничивающее детей и внуков еретиков в правах, он не мог бы исполнять те важные обязанности, которые у него были, а также те, которые король, оказывая доверие, вскоре на него возложит».

Этот внук еретика не имел ни малейших навыков, чтобы разобраться в деле, касающемся веры и нравственности.

* * *

С 19 октября по 24 ноября в нижнем зале парижского Тампля сто тридцать восемь тамплиеров предстали перед великим инквизитором Гильомом Эмбером, который действовал без законного на то основания.

Там было несколько монахов, советников короля, как, например, Симон де Монтиньи, секретари суда, палачи и простолюдины.

Хотя протокол об этом не упоминает, дело не обошлось без пыток; он них умерли двадцать пять тамплиеров. «Мы слышали, – говорит аббат Верто, – одни лишь крики и стоны тех, кого пытали раскаленными клещами, кому ломали и вырывали члены тела при пытке». Целый месяц обвиняемые сидели на хлебе и воде; они появлялись ослабевшими, измученными, изнемогающими. Неудивительно, что при том слабом физическом состоянии, в котором они находились, многие из них были вынуждены против своей воли признаться во всем, что от них требовали: в отречении от Христа, оскорблении креста, подстрекательстве к содомии, сатанинских ритуалах и пр. Несмотря на мучения многие братья отвергали обвинения, а трое отказались говорить.

Чтобы избежать пыток, большое число тамплиеров добровольно дали показания.

По словам Молла, из ста сорока обвиняемых только четверо заявили, что они невиновны. Все признались в богохульстве. Три четверти сознались в том, что совершали непристойные жесты при принятии в орден. Четвертая часть признала подстрекательство к мужеложству. Все яростно отрицали свою причастность к этому греху. Мы остановимся только на признаниях, вырванных под пытками у высших сановников.

Жак де Моле заявил, что тот, кто принял его в орден в Боне, приказал ему отречься от Христа и плюнуть на распятие. Якобы Моле против своей воли отрекся, «*ore sed non corde*» (устами, но не сердцем) и плюнул не на крест, а рядом с ним.

Гуго де Пейро, главный досмотрщик Франции, признался в том, что отрекся от Христа, даровал непристойные поцелуи, подстрекал к мужеложству и поклонялся идолу.

Жоффруа де Шарне заявил, что тот, кто принимал его, считал Христа «лжепророком», и что он сам трижды отрекся от Христа на словах, но не в сердце. Он слышал, как приор

Оверни, Жераре де Созе говорил, что «лучше братья совокупаются друг с другом, чем вступают в половую связь с женщинами».

Повторим еще раз, что все эти признания были вырваны под пыткой.

* * *

Прежде чем продолжить изучение судебного процесса, нам нужно изучить средства принуждения, которыми пользовались суды инквизиции. Дело тамплиеров станет понятнее, если вспомнить о жестокости пыток, применяемых для того, чтобы заставить обвиняемых сделать признание.

Вспомним, что поначалу пытка применялась исключительно светскими судами: отсюда она пришла в суды церковные.

Основными применяемыми методами были козлы, дыба, горящий факел или пылающие угли. Реже прибегали к пытке водой или испанским сапожком. Наконец, случалось, что к гениталиям осужденных привешивали груз.

Козлы представляли собой треугольную подставку, на которой находился распростертый и привязанный пытаемый человек. Домкрат позволял ослаблять или натягивать веревки, удерживающие руки и ноги жертвы, которые, в конце концов, отрывались.

Очевидно, что после таких ужасных пыток обвиняемые становились калеками.

При пытке на дыбе обвиняемый, руки которого были связаны за спиной, поднимался в воздух при помощи блока и лебедки на высоту кронштейна с креплением или просто до потолка комнаты пыток; затем его резко опускали почти до пола. Такое повторялось неоднократно. Жестокие палачи иногда привязывали груз к ногам пытаемого, чтобы увеличить силу падения.

Вот рассказ Вакандара,^[47] в деталях описывающего пытку огнем: «Разжигается жаркий огонь, затем закованного в цепи или кандалы пытаемого кладут навзничь, повернув его ногами к огню, мажут его ноги салом, жиром или другим возгораемым и хорошо пропитывающим веществом. Таким образом их чрезвычайно сильно нагревают. Время от времени между его ногами и печью ставится экран, это момент передышки, дающий возможность инквизитору вернуться к допросу».

Проблема инквизиторских пыток слишком сложна, чтобы мы продолжали ее исследовать на страницах этой книги. Неоспоримо то, что применение пыток было разрешено Папой, который одобрил сам их принцип, определив условия, при которых разрешалось пытать обвиняемого; впрочем, эти условия далеко не всегда соблюдались. Здесь можно согласиться с заключением Вакандара: «Церковь, забыв свою исконную традицию терпимости, позаимствовала у римского права, бывшего в почете у легистов, законы и методы, от которых пахнет варварством древних времен. Но как только этот уголовный кодекс был принят, она попыталась смягчить его суровость применения на практике».

Что касается дела тамплиеров, мы знаем, что инквизиторы широко пользовались данным им разрешением прибегать к пыткам.

Порой пытки будут так ужасны, что они повлекут за собой смерть жертв. Их жестокость попытались оправдать, сославшись на упорство тамплиеров, не желающих раскрывать тайны, которые они поклялись никогда не разглашать. Чтобы заставить заговорить этих «онемевших по приказу», следовало, как говорили, удвоить дозу. Но это не оправдывает чрезмерной суровости, которую Папа не преминул осудить.

Гонители ордена дойдут до того, что будут выкапывать погребенных тамплиеров, чтобы сжечь их останки, как часто поступали с еретиками.

Глава II

Климент V и Филипп Красивый

Первые шаги против ордена Храма были сделаны без ведома Папы Римского. Климент V узнал о массовом заключении тамплиеров под стражу только при аресте досмотрщика Франции Гуго де Пейро, который находился при папском дворе и был увезен в Лош. Папа был в отъезде, он спешно вернулся в свою резиденцию в Пуатье, сильно задетый действиями короля. Он осудил грубое обращение, которому подверглись люди Церкви: король фактически пренебрег тем, что тамплиеры подчинялись непосредственно Церкви.

17 октября была собрана консистория. Поскольку один из кардиналов был болен, Папа настоял, чтобы его принесли в постели, что свидетельствует о том, какое значение Папа Римский придавал этому собранию. На следующий день Климент принял прокуроров и казначеев ордена Храма, находившихся при его дворе. Он обещал им найти решение, чтобы спасти орден и попросил их не спасаться бегством. Прокуроры ответили, что за двести лет тамплиеры никогда не боялись смерти.

Со своей стороны, король посылал все больше писем иностранным правителям и прелатам и даже частным лицам, чтобы создать благоприятную для себя обстановку. Ему хотелось, чтобы тамплиеров преследовали повсюду. Полученные им ответы были весьма сдержанными и, должно быть, ему не понравились. Большинство адресатов короля – как, например, епископ Льежа – отвечали, что это дело должно находиться в ведении Папы, единственного человека, кто был вправе отдавать приказы в том, что касалось столь деликатной темы.

Все это должно было раздражать короля, тем более что Папа занял пассивную позицию: а это могло бы ободрить обвиняемых.

25 октября пять сановников ордена, среди которых был и великий магистр, предстали перед ассамблеей духовных лиц, докторов теологии и докторов Университета, собравшихся в Тампле. Все пятеро повторили показания, данные великому инквизитору. Моле признал, в частности, что вмененные им в вину преступления совершаются уже давно, в том числе и то, что они плюют на крест. После этого признания Жак де Моле умолял присутствующих испросить для него у Папы отпущение грехов, а у короля – прощение, говоря, что он примет то наказание, которое они захотят ему назначить.

После этой аудиенции Моле письменно призывал всех тамплиеров в королевстве признаться инквизиции или епископской власти в том, что им известно. В этом послании, скрепленном его подписью, великий магистр напоминал братьям о священной покорности. Этот документ должен был произвести большое впечатление во всех отделениях ордена во Франции; он должен был повлиять на всех тех, кто еще желал защищать орден Храма. Между тем то была фальшивка: данная бумага была сфабрикована в соответствии с нуждами дела. И это не единственный обман, вина за который лежит на чиновниках короля.

На следующий день 26 октября перед той же ассамблеей, что и накануне, тридцать два тамплиера повторили признания, которые они сделали ранее Гильому де Пари.

27 октября Папа написал королю, чтобы выразить свое удивление и боль:

«Любезный сын, мы с прискорбием признаем, о том, что, презрев все правила, пока мы находились вдали от вас, вы посягнули на личности и имущество тамплиеров, вы дошли до того, что заключили их в темницу и что прискорбней всего – вы не освободили их; более того, к мучению заключением вы добавили другую муку, о которой из нашей собственной стыдливости и из стыдливости Церкви мы считаем нужным ныне умолчать. (Речь идет, очевидно, о допросах, проводимых королевскими чиновниками с применением пыток.) Мы уведомили Ваше Величество в нашем письме, что мы взяли это дело в свои руки и желаем заняться тщательными поисками истины. В том же письме мы просили вас взять на себя заботу сообщать нам о том, что вы сумели обнаружить по этому поводу, пообещав вам тоже сообщать все, что нам самим станет известно. Несмотря на это, вы посягнули на личности и

имущество людей, которые подчиняются непосредственно нам и Римской церкви. В этом поспешном поступке все усматривают, и не без разумного основания, оскорбительное презрение по отношению к нам и к Римской церкви».

Заканчивая письмо, Папа объявил о том, что посылает кардиналов Беренгара Фредоля и Этьена де Сюизи. Он потребовал, чтобы обвиняемые были преданы суду этих двух кардиналов. Любопытно отметить, что Беренгар Фредоль, епископ Безье, был другом того самого Бернара Делисье, который несколькими годами ранее вел активную борьбу против инквизиции.^[48] Поэтому, казалось бы, кардинал должен был бы благожелательно относиться к жертвам инквизиторов. Тем не менее он, став на сторону короля, занял позицию, враждебную умершему Бонифацию VIII, и выступил защитником Ногаре, что отнюдь не делает ему чести.

Однако ему, так же как и его собрату Этьену де Сюизи, приписывают добрый поступок, который он совершил на ассамблее, состоявшейся, по словам Гиро, в начале 1308 г. Жак де Моле, представ перед обоими кардиналами в одной парижской церкви, при большом стечении народа, как будто продемонстрировал всем свои исхудавшие руки и ноги, с содранной кожей, истерзанные орудиями пыток, и обнажившимися костями. При виде столь красноречивого и жалкого зрелища оба кардинала, не произнеся ни слова, залились слезами и отказались осудить великого магистра.

* * *

Вернемся к письму Папы. Не защищая тамплиеров, он в письме напоминал, что эти люди и церковное имущество подсудны одной лишь церкви. Климент V особенно сожалел об оскорбительной поспешности короля. В его послании больше скорби, чем суровости.

Вместо ответа Филипп IV Красивый передал Папе протоколы первых допросов. «Королевские чиновники, почти повсеместно предвосхитив действия инквизиции и используя все возможные средства устрашения, получили ошеломляющие признания. Жесточайшие пытки сломили сопротивление. У пленников не оставалось иного выбора, как признаться во всех преступлениях, в которых их обвиняли, либо принять верную смерть».^[49]

Папа дрогнул и в конце концов одобрил меры, принятые королем; он даже предложил королю план всеобщего ареста, план, который будет изложен в его булле несколькими днями позднее. Также добавляют, что Папу убедили признания одного из его камерариев, Гильома Шантелу, бывшего тамплиера, который был принят в орден в возрасте одиннадцати лет. Этот камерарий как будто признался Клименту, что принятие в орден сопровождалось непристойными ритуалами.

22 ноября Климент V издал буллу «*Pastoralis praeeminentia*», приказывающую всем христианским государям арестовать и заключить в тюрьму тамплиеров, равно как и конфисковать все их имущество. Последнее будет им возвращено, если будет доказана невиновность ордена. В противном случае имущество должно было пойти на покрытие расходов в Святой Земле. Действуя таким образом Папа рассчитывал помешать другим правителям Европы использовать жестокие методы Филиппа IV Красивого. Несмотря на это тамплиеры испытают на себе злобу христианских князей. Помимо этого на госпитальеров и тевтонских рыцарей обрушится волна враждебности, вызванная папской буллой.

* * *

24 декабря 1307 г. король принял кардиналов Беренгара Фредоля и Этьена де Сюизи и согласился передать пленных тамплиеров Святому Престолу. По меньшей мере, он обещал это Папе, но на самом деле то был обманный маневр: тамплиеры не вышли из своего заточения, но попросту перешли в распоряжение кардиналов-легатов. К тому же король продолжал распоряжаться имуществом ордена Храма.

Тогда в поведении тамплиеров произошли резкие изменения. Как только они узнали, что они предстанут перед кардиналами, они заявили, что предыдущие признания были вырваны у них под пыткой. Жак де Моле и Гуго Пейро также изменили показания, обличив прежних судей. К ним вернулось присутствие духа.

К тому же великий магистр заклинал братьев отречься от того, в чем они признались. Он передал из камеры в камеру вощеную дощечку со следующим приказом: «Знайте, что король и кардиналы явятся завтра. Другие братья откажутся от своих показаний, откажитесь и вы, и верните это послание тому, кто его принес».

Шестьдесят тамплиеров последуют этим указаниям, что сильно раздосадует обоих кардиналов, преданных Филиппу Красивому. По убеждению многих авторов, кардиналы подговаривали обвиняемых отказаться от показаний. Как бы то ни было, озадаченные Беренгар Фредоль и Этьен де Сюизи были вынуждены обратиться к Папе Римскому.

Отказ тамплиеров от своих слов произвел сильное впечатление на Папу. Чувствуя, что король готов передать дело ему, в феврале 1308 г. он решил приостановить процесс, по крайней мере, во Франции. Климент лишил инквизиторов власти и взял дело в свои руки. Судебное разбирательство могло пойти иначе. Тамплиеры могли быть спасены.

К сожалению, Клименту V не хватило храбрости отстоять позицию, которая помогла бы избежать любых двусмысленностей и юридических ошибок. Он снова уступит требованиям короля.

Действительно, Филипп боялся, что Папа захочет замять дело. Он требовал, чтобы тамплиеры были осуждены и наказаны, и ради этого он проконсультировался со своими юристами и теологами. Король запросил Парижский университет о привилегиях тамплиеров, о результатах допросов, проведенных за границей и о судьбе имущества ордена.

Филипп получил ответ от Университета только 25 марта. В нем повторялось то, что ранее высказали богословы двора по поводу привилегий Церкви в связи с борьбой с ересью. Университетское послание обходило некоторые щекотливые вопросы; оно было путаным и не соответствовало требованиям короля.

Несмотря на то, что он распоряжался как жизнями, так и имуществом обвиняемых, Филипп IV Красивый не осмеливался отобрать дело у Папы, но он принялся косвенно оказывать на него давление, используя нечто вроде плебисцита или референдума. Он попытается настроить народ королевства против тамплиеров. Речь пойдет о том, чтобы побудить народ обратиться к правосудию Церкви.

В течение многих месяцев при дворе готовили удар, зондировали настроения, распространялись сплетни: «Гнусные памфлеты, вышедшие из-под искусного и язвительного пера Гильома де Ногаре и Пьера Дюбуа делали Папу мишенью народной ненависти. Все то, что некогда было сказано о Бонифации VIII, повторялось в адрес нового понтифика. Все подвергалось критике: nepотизм Климента, его репрессии против духовенства. Поскольку Папа не исполнял свой долг пастыря, именно король, ревнитель закона Божьего, должен срочно принять меры» (*Молла*).

В своей горячности Дюбуа доходит почти до проклятий: «Пусть Папа остережется! Он виновен в симонии, он из родственных чувств раздает бенефиции Святой Церкви своим близким родственникам; он еще хуже Бонифация, не совершившего стольких неблагоприятных поступков; нужно, чтобы этому положили конец!» В этом обличительном послании орден Храма называется «сектой дьявола». А ханжеский тон сменяется угрожающим: «Поразив тамплиеров, христианнейший король станет достоин того блаженства, которое Бог обещал устами своего пророка, сказав эти слова: „*Beau qui faciunt iudicium et justitiam in omni tempore*“ (*Благословенны ест те, кто творят правосудие и справедливость во веки веков*). Разве тамплиеры не убийцы, не подстрекатели к убийству и к вероотступничеству? Разве каноны святых отцов и св. Павла не вопиют о том, что им должно воздаться той же мерой?»

Существовал другой памфлет, написанный по-латыни и направленный против тамплиеров, которые обвинялись в убийстве. В памфлете автор напоминал о приказе Моисея «око за око»: «Пусть каждый возьмет меч и убьет ближнего своего».^[50] Под лукавым пером Дюбуа снова появляются библейские тексты.

Глава III

Тур и Пуатье

В конце марта 1308 г. король отправил письма – приглашения знати, прелатам и городам в связи с тем, что в Туре через три недели после Пасхи состоится ассамблея. В этих письмах перечислялись жалобы короля, а заканчивались они лицемерной проповедью, в стиле которой угадывается рука Ногаре: «Мы решили посовещаться с апостольским Святым Престолом, чтобы прекратить такое количество преступлений и прегрешений и способствовать непоколебимости веры и чести нашей Святой Матери Церкви; и мы желаем, чтобы вы приняли участие в этом деле, вы, разделяющие с нами веру в Иисуса Христа и являющиеся ее преданными ревнителями; мы призываем вас немедленно отправить в Тур, через три недели после грядущего праздника Пасхи, крепких в вере двух человек из каждого крупного города королевства, чтобы обсудить этот вопрос».

Пусть вас не удивляет набожный тон этого приглашения. Такой чрезвычайно ловкий человек, каким был Ногаре, знал, с какими именно словами он должен был обращаться к христианнейшему народу и как следовало скрывать тайные цели короля под маской самых благих намерений. Это приглашение носило экстраординарный характер, но это оправдывалось тем фактом, что «у всех принадлежащих к феодальному сословию имелись друзья среди обвиняемых». Действительно, духовенство давало ордену Храмов капелланов, а знать – рыцарей, общины – сержантов».^[51]

Множество сеньоров принесли свои извинения и не прибыли на ассамблею. Их уловки можно приписать тому, что значительное количество среди них имели родственников-тамплиеров, и тому, что они догадывались о стремлении короля к абсолютной власти.

Среди духовных лиц было меньше воздержавшихся. Как мы уже сказали, последним было из-за чего жаловаться на тамплиеров, которым они завидовали и которых обвиняли в расточительности.

В течение почти всего мая семьсот делегатов из разных городов – третье сословие – и множество представителей знати и духовенства находились в Туре, обсуждая судьбу тамплиеров. Меры, принятые королем, были единодушно одобрены; тамплиеры должны заплатить за свои преступления смертью.

Не следует приписывать слишком большое влияние этому бурно проходившему собранию простых людей, находящимся под впечатлением текстов какого-нибудь Дюбуа. Достаточно вспомнить о суматохе наших парламентов, чтобы не придавать никакого значения решениям этого демократического совета, находящегося в стадии зарождения. Отметим, что Фландрию в Туре представлял Людовик, старший сын графа Фландрского Роберта Бетюнского. Молодой граф тоже обвинял тамплиеров. Однако, как замечает Кервин де Леттенхов, рыцари-тамплиеры пользовались уважением в провинциях Роберта Бетюнского, тем более что они присоединились к фламандцам в день Куртре.^[52] Впрочем, именно на родине первых крестоносцев следует искать истоки ордена Храма. Готфрид де Сен-Омер и многие другие основатели ордена родились во Фландрии. Командорство, которое основал в Ипре Готфрид де Сен-Омер, стало колыбелью ордена Храма в Европе. А фламандский историк перечисляет некоторые привилегии, которыми пользовались тамплиеры в тех краях, а затем добавляет: «Их власть в наших провинциях была столь велика, что им в течение некоторого времени была поручена охрана графства Намюр. В то время, когда герцог Годфрид Брабантский предоставлял им половину, треть или четверть рельефов, которые платили ему его вассалы,^[53] Филипп Эльзасский передал десятину,

взимаемую со Слейпа, Леффинга и соседних деревень, магистру Фландрии Балдуину де Лиденгхейму. Ги де Дампьер^[54] принес другие дары брату Петру Нутензаке, *командору Фландрии из ордена рыцарства Храма*».

Не эти ли привилегии и этот престиж стали причиной того, что граф Фландрии выступил в Туре против тамплиеров?

* * *

В тот момент, когда ассамблея была распущена, становится известно, что один из высоких сановников ордена великий казначей, содержащийся при папской курии, бежал. Папа был весьма раздосадован. Он обещал 10 000 флоринов тому, кто раскроет ему, где скрывается беглец. Не станет ли этот побег поводом для того, чтобы лишить его права охранять заключенных? С другой стороны, сможет ли он обеспечить охрану двух-трех тысяч обвиняемых? На консистории он поведал о своих соображениях кардиналам. Те посоветовали тянуть дело до смерти короля, что могло бы спасти орден...

20 мая король покинул Тур с намерением присоединиться к Папе в Пуатье. Он прибыл в этот город 26 мая. Явившись к папскому двору, Филипп простерся перед понтификом, поцеловав ему ноги, и в знак мира поцеловал кардиналов. Иудины поцелуи...

Филипп Красивый и Климент V провели три дня в беседах.

В книге «*Жизнь Климента V*» Жан де Сен-Виктор утверждает, что Филипп Красивый держал Папу в заточении, а последний, желая скрыться в чужой одежде, был узан и возвращен в Пуатье. Беглеца обнаружили якобы благодаря множеству сопровождавших его мулов, на которых он перевозил свои вещи. Папа бежал, потому что опасался того, кто стал причиной смерти двух его предшественников. (Если установлено, что Бонифаций VIII умер из-за потрясения от нападения в Ананьи, ничто не дает возможность утверждать, что Филипп Красивый приказал отравить Бенедикта XI, в чем его обвиняли.)

Все это абсурдно. Климент V не настолько потерял голову, чтобы столь трусливым и бессмысленным образом уклоняться от настойчивых требований короля.

Используя методы шантажа, король потребовал эксгумации останков Бонифация VIII, чтобы развеять их по ветру. К тому же он предложил канонизировать Целестина V, мнимой жертвы Бонифация VIII.^[55] Чтобы выиграть время, Папа должен был пообещать в начале следующего года возобновить дело Бонифация.

29 мая король присутствовал на заседании консистории. Филипп Красивый явился туда с большой пышностью: его окружили принцы крови, бароны, епископы, депутаты и прокуроры Генеральных штатов в Туре.

Шантаж усиливался. Гильом де Плезиан, выступавший от имени короля, произнес длинную речь, в которой подражал слащавому и лживо-проникновенному тону Ногаре. В этой обличительной речи говорилось о «победе, чье истоки были страшны и наводили ужас, чьи последствия были отрадны и восхитительны, а завершение – общеизвестным и незабываемым», победе, одержанной над врагами Христа – тамплиерами. Адвокат монарха был действительно гением эпитетов. По ходу дела подчеркнем его стремление отвести от короля все упреки в алчности и корыстолюбии: «король передал управление имуществом ордена не своим чиновникам, а ведь по закону он мог бы и конфисковать его». Оба эти неточные, если не лживые утверждения, цель которых – оправдать короля, доказывают, что общественность была встревожена, и что уже в это время королю приписывали корыстные мотивы.

Затем Плезиан возвратился к упрекам в адрес тамплиеров, даже к тем, что упоминались реже всего или тем, что были самыми безобидными: например, к тому факту, что капитулы ордена проводились ночью, к предательству некоторых испанских тамплиеров, перешедших на сторону сарацинов, чтобы сражаться с ними против короля Арагонского, и особенно к

потере Святой Земли, потере, якобы произошедшей из-за беспечности и трусости тамплиеров.

Бывший хранитель печати Жиль Асцелин, архиепископ Нарбоннский, которого странно было видеть в этом собрании, произнес речь о ереси. Тамплиеры более порочны, чем мадианитяне и ариане. Епископ намекнул, что если Папа не обезвредил тамплиеров, он стал бы причастен к их заблуждениям.

В этих словах содержалась угроза смещения Папы.

Затем следовали различные выступления, например, Эджилио Колонны, архиепископа Буржа, делегатов нескольких городов с севера страны и одного делегата от городов юга. Потом слово взял Папа, дабы изложить всю историю дела тамплиеров. Выступление Климента было кратким, но он настаивал на том, что никогда не посылал писем с приказом арестовать тамплиеров. Ему не нравятся эти рыцари, если они таковы, какими их описывают, но он не может заявить, что они виновны, пока их преступления не будут доказаны. С другой стороны, он не смеет поверить, что королем движут иные мотивы, кроме заботы о благоденствии Церкви.

Если король хорошо слушал, то его должны были смутить следующие слова: «Что же до нас, то мы не верим, как никогда не верили, что королем Франции двигали корыстные желания. Мы полагаем бесспорным то, что он действовал только из ревностного служения вере. Он не имел намерения завладеть имуществом тамплиеров, но желал передать их в распоряжение Церкви для подготовки крестовых походов».

14 июня в присутствии короля состоялось новое публичное заседание. Плезиан упрекнул Папу в том, что он благоволил ордену; к тому же тамплиеры обладают неприкосновенностью, которую им дает покровительство Папы. Необходимо действовать быстро и вернуть инквизиторам все их полномочия.

В конце речь Плезиана звучит дерзко: «Святой Отец, Святой Отец, поспешите. Иначе король не сможет сдержаться, а если бы он и смог, то его бароны не смогли бы, а если бы и они смогли, то весь народ этого прославленного королевства не смог бы сдержаться, чтобы самому не отомстить за оскорбление Христа... Поэтому действуйте, действуйте. Иначе нам придется говорить с вами на другом языке».

Этот новый выпад не поколебал решимости Климента V, который спокойно ответил на возражения Плезиана. Он напомнил, что духовные лица могут быть осуждены только духовными лицами. Прежде чем будет принято какое-то решение, тамплиеры должны быть переданы в его руки. Затем он снова попросил о том, чтобы ему передали имущество ордена. Король, ссылаясь на то, что ему необходимо посоветоваться со своими советниками, отложил принятие этого решения.

Помимо этих собраний, где тяжущиеся стороны состязались в красноречии, если не в выпренности тона, существовали неофициальные сделки. Плезиан внес множество предложений, тщательно расписывая ведение судебного процесса. В целом король проявлял большую сговорчивость. Но Папа, со своей стороны, еще не был окончательно убежден в злом умысле и пагубной деятельности ордена тамплиеров.

27 июня 1308 г. Филипп Красивый решил передать Папе тамплиеров, за исключением великого магистра и высших сановников ордена, которые, по словам короля, из-за болезни оставались в темницах Шинона. Фактически в тот день перед Климентом V предстали восемь или девять тамплиеров.

С 28 июня по 1 июля семьдесят два обвиняемых были привезены в Пуатье, чтобы там их выслушал Папа Римский; аудиенция состоялась в присутствии большого числа кардиналов и папских чиновников.

На этот раз похоже, что пытки не применялись. Тамплиеры повторили свои признания; их показания, свидетельствующие против ордена, были надлежащим образом записаны. Но

эти семьдесят два человека, очевидно, были выбраны в основном из братьев-служителей, многие из которых не имели ни стыда, ни совести и были готовы приписать наихудшие злодеяния рыцарям, которым завидовали. Таким образом, свидетели были отобраны в соответствии с тем, что требовалось для дела. В большинстве случаев это были также перебежчики из ордена, невежды или продажные личности, которым предложили признаться в преступлениях, посулив различные блага.

Их заявления ошеломили Папу, который не подозревал, что перед ним находятся лжецы или, по меньшей мере, сомнительные свидетели. 2 июля во время заседания консистории Папа приказал перевести на вульгарный язык часть данных ранее показаний.

5 июля король присутствовал на новом открытом заседании консистории, в ходе которого потребовал осудить тамплиеров. Папа отклонил его просьбу.

Но 10 июля более пятидесяти тамплиеров привели к кардиналу Пьеру де ла Шапель; при этом также присутствовали кардиналы Беренгар Фредоль, Этьен де Сюизи и Ландольфо Бранкаччи. Эти тамплиеры отрекались от своих заблуждений, и их объявили вернувшимися в лоно церкви. Им даровали разрешение по-прежнему носить бороду и плащ.

Итак, Папа был вынужден пойти на значительные уступки королю. Гильому де Пари возвратили его полномочия, и началось новое судебное дело.

По решению Папы в каждом диоцезе тамплиеров должен был судить епископ, которому будут помогать два члена соборного капитула, два францисканца и два доминиканца. Инквизиторам разрешено вмешиваться в ведение процесса, но первостепенной роли они там больше не играли.

Таково было *епископское* расследование, направленное против тамплиеров, расследование, результаты которого будут рассматриваться на провинциальных соборах.

Параллельно этому понтифик начинал *папское* расследование против ордена тамплиеров. Его вели представители комиссий, назначенные Папой. Результаты расследования должны были представить на Вселенском соборе, который решили собрать в Вьенне 1 октября 1310 г. Это двойное расследование началось не сразу. Понадобилось несколько месяцев, чтобы механизм заработал. Очевидно, Папа тормозил роковое развитие дела.

Глава IV

Изменчивый судебный процесс

Климент V оставил за собой право судить сановников ордена. Он также дал указание принять меры для охраны конфискованного имущества. Внешне казалось, что все было в точности исполнено. На самом деле король продолжал распоряжаться имуществом ордена Храма и извлекать из него прибыль, при этом делая вид, что передал попечительство третьим лицам. В конечном счете имущество ордена Храма было разграблено и Папа будет жаловаться на это королю.

Охрана пленников доставляла Папе множество беспокойств. Поэтому он доверил обвиняемых кардиналу Пьеру де ла Шапель, который... передал их королю. Это позволит Филиппу Красивому оказать давление на развитие процесса.

Монарх все чаще обращался к Святому Престолу, требуя, чтобы Папа окончательно обосновался во Франции, чтобы он канонизировал Целестина V, соперника Бонифация VIII и пр.

Папа затягивал с ответом до 20 июля, дня, когда король покинул Пуатье.

12 августа Папа заявил, что собирается жить в Авиньоне, пока не начнется собор во Вьенне (этот город находится недалеко от Авиньона). Он уточнил, что собор займется реформой Церкви и делом тамплиеров. Климент также обещал вновь рассмотреть дело Бонифация VIII. Тем временем Папа распустил свой двор: общий сбор назначили на 1

декабря в Авиньоне. Он выбрал этот город потому, что тот принадлежал королям Неаполя, графам Прованса и вассалам Святого Престола. Понтифик на время отказывается от раздираемой анархией Италии.

17 августа в Шиноне сановники ордена (то есть великий магистр, приоры или досмотрщики Франции, Нормандии, Заморских земель, Пуату и Аквитании) были допрошены уже упомянутыми тремя кардиналами (Беренгаром Фридолом, Этьеном де Сюизи и Ландольфо Бранкаччи). Никто из них не стал отказываться от своих показаний, все снова признались в преступлениях против христианской веры.

Важно отметить, что допрос проходил в присутствии королевских чиновников, в частности, Гильома Ногаре и Плезиана. Сановники ордена, которые, быть может, действительно были больны, побоялись отказаться от своих слов, чтобы их не посчитали нераскаявшимися еретиками. Поэтому они подтвердили прежние показания и испросили прощения и отпущения грехов. При этом обвиняемые заявили, что признание было дано ими не под пыткой.

Великий магистр признал то, что он отрекся от Христа (на словах, но не в сердце) и плюнул рядом с крестом.

Кардиналы сообщили об этом королю и умоляли его простить руководителей тамплиеров.

Папа все дальше и дальше заходил в тупик: шли месяцы, но этот бесконечный и однообразный процесс не был отмечен ни одним выдающимся событием.

В ходе различных расследований появилось большое количество протестов, написанных тамплиерами, решившими защищать орден. Цитируем послание брата де Монреалея: «Тамплиеры с момента своего ареста подвергались светскими судьями допросам с пристрастием. Затем последние передали их в руки инквизиторов или глав епархий, что противоречит привилегиям, которыми пользуется орден, поскольку ни один тамплиер не может быть осужден светским или церковным судьей: он может предстать только перед Папой Римским. Вследствие этого братья требуют, чтобы те протоколы, где записаны ложные показания, Папа признал недействительными как полученные и данные вопреки привилегиям ордена».

* * *

В 1309 г. французские епископы собрались на собор, чтобы обсудить дело тамплиеров. Их удивляло, что Папа тратит время, поэтому они попросили его дать новые указания. Поведение епископов, без сомнения, было продиктовано желанием понравиться королю. Последний не знал, к каким мерам еще прибегнуть, чтобы оказать давление на Климента V. Он предупредил понтифика, что общественное мнение приписывало королю и Папе стремление завладеть имуществом ордена Храма. К тому же Филипп добавил, что медлительность Святого Отца побуждает многих тамплиеров отказываться от своих признаний.

Папа принес извинения и попытался успокоить короля. Именно тогда он решил допустить к работе суды диоцезов и папские комиссии. Шел май 1309 г. Вот уже около года, как новая судебная процедура была определена, но не применена на практике.

В каждом диоцезе людей должны были судить епархиальные суды, а папским комиссиям надлежало заняться сбором свидетельств против ордена, чтобы снабдить данными Вселенский собор, который назначили на следующий год.

В основном тамплиеры находились в провинциях Сана и Тур, именно с них и начали папские комиссии. Им было разрешено обосноваться в Париже и работать, никуда не переезжая.

Король попытался подчинить себе членов этих комиссий. Для этого он предоставил Папе списки инквизиторов, в которых был уверен, и потребовал отстранить тех, которым не доверял.

Провинциальные соборы получили разрешение выносить приговор тем обвиняемым, которых допрашивал Папа.

* * *

8 августа 1309 г. папская комиссия впервые собралась в бенедектинском монастыре св. Женевиевы в Париже. Дело ограничилось составлением вызовов тем членам ордена, которым следовало предстать перед судом.

Три месяца спустя, 12 ноября, состоялось новое собрание, но никто на него не явился. Отметим, что епископ Парижа мешал работе комиссии, препятствуя тому, чтобы тамплиеры предстали перед ней.

Допросы начинались только 22 ноября.

В первую очередь выслушали Жана де Мело, чья бессвязная речь не может быть принята во внимание. Долгое время этого простодушного человека путали с Жаком де Моле.

Затем перед комиссией появился Гуго де Пейро, пожелавший остаться при прежних показаниях.

Наконец, пришла очередь Жака де Моле. Он утверждал, что рассчитывает приложить все силы для защиты ордена, но он не знает грамоты. К тому же он должен был бы попросить совета, но для этого он располагает лишь смешной суммой в четыре денье. Ему ответили, что в делах, касающихся ереси, вмешательство адвокатов не допускается. И обвиняемым не было предоставлено ни одного адвоката.

Затем великому магистру зачитали признания, якобы сделанные им в Шиноне. Моле пришел в гнев, слыша то, что его *заставили сказать*. Чтобы подчеркнуть презрение к кардиналам, которые подделали его показания, он дважды осенил себя крестом и заявил, что судьям следовало бы внять примеру сарацинов и татар, которые наказывают лжецов и фальсификаторов, вспарывая им животы и отрубая головы. (Вероятно, секретарь суда, составлявший протокол в Шиноне, добавил к показаниям Моле некоторые отягчающие обстоятельства, дабы приписать великому магистру все преступления, в которых обвинялся орден в целом.)

Плезиан присутствовал при допросе и вступил в разговор. Моле попросил позволения переговорить с Плезианом наедине. Последний уверил его в своем глубочайшем уважении. Без сомнений, он побуждал его говорить. Великий магистр согласился, но попросил дать ему отсрочку на двенадцать дней.

По истечении этого срока Моле вновь предстал перед комиссией и заметил там Ногаре. При виде советника Филиппа Красивого великий магистр изменил свое решение: он заявил, что будет говорить только в присутствии Папы. Он пожелал, чтобы Святой Отец выслушал его как можно скорее, потому что только тогда «он расскажет по мере своих сил то, что послужит к чести Христа и Святой Церкви».

Папа так никогда его и не выслушал.

Прежде чем выйти из зала совета, Моле остановился и воскликнул, что в мире нет церквей, где имелось бы больше украшений и реликвий, чем церкви ордена Храма, и где бы с большим благоговением служили мессу. Он добавил, что ни один орден не подает более щедрой милостыни, чем тамплиеры. Наконец он отметил, что ни одно христианское войско не пролило столько крови ради триумфа веры, как тамплиеры.

Эти аргументы были достаточно существенны, но в целом подобное заявление доказывает, что Жак де Моле был весьма простым человеком, каким его и описывали. Он не

был неуравновешенным, но не мог составить четкую картину происходящего: его защитная речь не имеет никакого веса, никакого размаха. Тот, кто должен был стать первым защитником ордена Храма, явно растерялся.

Члены комиссии ответили, что все эти добрые дела без веры бессмысленны. Моле возразил, что тамплиеры твердо верят в то, чему учит Церковь. Поэтому они сражались против сарацинов, против турок и мавров.

В завершение он попросил позволения присутствовать на мессе, что было ему разрешено.

Другие сановники ордена проявили не больше отваги. Они также боялись пыток и смерти. Они прибегали к уверткам, тянули время, но не защищали орден.

Королевский клан скинул с плеч тяжкий груз. Если уж сам великий магистр отказывался от борьбы, не стоило опасаться какого-либо серьезного сопротивления со стороны других тамплиеров. Тиски сразу разжимались: тамплиеров, желавших защищать орден, теперь были готовы доставить в Париж.

Продолжение работы отложено комиссией до 3 февраля будущего года. В течение нескольких недель появилось такое большое число тамплиеров, желавших защищать орден, что члены комиссии не успевали всех выслушать.

28 марта они собрали пятьсот сорок шесть тамплиеров и предложили им назначить двух или трех делегатов, которые через несколько дней будут выступать от имени остальных. Вначале тамплиеры протестовали, говоря: «Почему не выслушать нас всех? Когда нас подвергали пыткам, нас не спрашивали, хотим ли мы, чтобы нас мучили?» Наконец они согласились и их выбор пал на двух братьев, Рено де Провена и Пьера де Болонья, прокурора ордена при папском дворе. Между тем нотариусы записали заявления узников, касающиеся плохого обращения, скудости дневного пайка, лишения их возможности причащаться, отсутствия одежды и пр. Какие только лишения не постигли гордых тамплиеров! Все эти бесхитростные люди были сбиты с толку; они ничего не понимали в приемах расследования. Они знали лишь одно: они хотели защищать орден, потому что он был невиновен.

7 апреля девять делегатов от тамплиеров явились к членам комиссии, чтобы объяснить им, что орден не мог назначить поверенных без одобрения великого магистра. Однако они хотели защищать свое братство.

На 2 мая уже набралось 573 тамплиера, решивших выступить на защиту ордена. Они происходили из самых разных областей. Кервин де Леттенхов приводит имена нескольких фламандских тамплиеров, назвавших себя защитниками ордена Храма: Гозвенн Брюггский, командор Фландрии, Жан де Фюрн, Жан де Слейп и Гобер де Маль.

Отметим среди самых интересных свидетельств то, что принадлежит Пьеру де Болонья, главному защитнику ордена, упрекавшего членов комиссии в применении пыток и других средств воздействия, используемых для того, чтобы вырвать признание у обвиняемых: «Это дело вдруг стало незаконным и несправедливым, – говорит он. – Это всего лишь жестокое заблуждение, непростительная ошибка. Большое число людей умерло в тюрьмах и под пытками, другие остались навеки искалеченными; многие были вынуждены оболгать самих себя и свой орден. Эти жестокости и мучения полностью лишили их возможности поступать по доброй воле... Чтобы подтолкнуть их ко лжи, к даче ложных показаний, им показывали письма, скрепленные печатью короля и обещавшие им сохранить в неприкосновенности их тело, их жизнь и свободу; им обещали полностью позаботиться о том, чтобы они были обеспечены на всю жизнь; впрочем, их убеждали, что орден окончательно обречен».

Пьер де Болонья предложил комиссии выслушать свидетельство Адама де Валленкура, тамплиера, некоторое время назад покинувшего орден с целью стать монахом-картезианцем. После недолгого пребывания в картезианском монастыре Валленкур вновь вернулся к тамплиерам. Если бы орден действительно был порочен, подобное возвращение в орден

Храма невозможно было бы объяснить, тем более что для возвращения туда картезианцу потребовалось пройти через процедуру покаяния. Ему пришлось предстать перед воротами ордена Храма в одной рубашке, и целый год есть с земли. Помимо этого по средам и пятницам он должен был поститься, питаясь только черствым хлебом и водой. Каждое воскресенье он получал несколько ударов бичом от священника, ведущего службу. Неужели он бы принял такое тяжелое наказание, если бы орден вел недостойную жизнь? Его горячее желание вернуться туда говорило в пользу ордена Храма. Итак, как говорил Пьер де Болонья, нужно было выслушать этого бывшего картезианца; в случае необходимости он бы сам объявил о невиновности ордена всему христианскому миру.

Как видно, языки развязывались, был дан толчок обоснованной и обстоятельной защите ордена. Но противник не дремал. Истина не могла быть раскрыта, свет не мог пролиться. Пьер де Болонья сам признавал это, когда говорил: «Мы находимся и всегда находились во власти тех, кто внушает ложные мысли сеньору королю. Каждый день то одни, то другие, в письмах или других посланиях убеждают нас не отказываться от ложных показаний, которые были даны из страха, что иначе мы пойдем на костер».

Подчеркнем важность этого заявления. Оно освещает весь судебный процесс. Оно выявляет весь тонкий механизм королевского вероломства. За приемами сфальсифицированного судебного дела маячат красноватые тени костров.

Необходимо было ускорить ход дела. Внимание короля и его приверженцев привлек тот факт, что между заявлениями, сделанными в епархиальных судах, и показаниями, записанными папскими комиссиями, неоднократно возникали противоречия.

Это происходило исключительно из-за того, что обвиняемые испытывали доверие к папским комиссиям, тогда как епархиальные суды внушали им обоснованные опасения. С одной стороны, была инквизиция, чрезвычайно сурово относившаяся к нераскаившимся еретикам, а с другой – скорее, благожелательно настроенный совет, который ни в коей мере не обладал пугающей строгостью суда, хотя его деятельности и мешало присутствие королевских чиновников.

Сейчас мы рассмотрим значение подобного положения вещей.

В Сансе архиепископ Гильом де Мариньи, брат королевского министра Ангеррана де Мариньи, хотел помешать папским комиссиям собирать показания в пользу ордена. Он созвал в Париже провинциальный собор, чтобы судить тамплиеров. (В это время Париж был всего лишь диоцезом, подчиняющимся Сансу. Он стал архиепископством только в XVII в.). Защитники ордена Храма стали немедленно протестовать против намечающегося шага.

Однако удар был, по-видимому, нанесен по правилам, поскольку Папа сам согласился на такой порядок судопроизводства. Однако не подвергается сомнению то, что провинциальный собор не мог вынести решение до окончания двойного расследования в диоцезе. Между тем в тот момент, когда епископ Санса стал ускорять ход дела, папская комиссия еще не закончила работу: она была в самом разгаре.

Поэтому вполне возможно, что король оказал давление на братьев Гильома и Ангеррана де Мариньи с целью спровоцировать неожиданную развязку, которая сумела бы помешать размеренной и спокойной работе папской комиссии. Последняя должна была бы немедленно выступить против обходного маневра епископа Санса. Но Жиль Асцелин, председатель папской комиссии в Париже, не был расположен спасать тамплиеров, упразднения ордена которых он требовал в Пуатье. Он избегал прямого ответа, пытался выгадать время, пока не произошло непоправимое. Среди его коллег по комиссии епископы Байе и Лиможа также были преданы королю. Только епископ Манда, Гильом Дюран, не поддержавший галликанских притязаний Филиппа Красивого в его борьбе против Бонифация VIII, был единственным прелатом, кто мог гарантировать некоторую беспристрастность суда; к тому же это был выдающийся знаток канонического права. Однако тамплиеры не могли

чувствовать себя уверенно, как это было при других папских комиссиях. Впрочем, Жиль Асцелин и другие прелаты обнаружили предвзятое отношение к своей задаче, позволяя чиновникам короля присутствовать на заседаниях.

Тамплиеры постарались помешать готовившейся интриге. Их отказывались слушать.

11 мая собор в Париже, по наущению Гильома де Мариньи, вынес различные приговоры. Обвиняемые были разделены на три категории в соответствии с тем, как они вели себя перед инквизицией диоцеза: те, кто признались в преступлениях, те, кто продолжали все отрицать, те, кто отказались от своих прежних слов. Первых отпустили, вторых приговорили к пожизненному заключению; что же до отказавшихся от показаний, то их в количестве пятидесяти четырех человек посчитали нераскаявшимися еретиками и приговорили к сожжению.

На следующий день, 12 мая, папская комиссия попыталась вмешаться, чтобы отменить приговор, но было уже слишком поздно. Зловещие ставки были сделаны. Пятьдесят четыре приговоренных были преданы светскому суду и сожжены за пределами Парижа, в предместье Сент-Антуан. Мученики заявляли, что они невиновны. Ни один из них не принял амнистии, которая была им обещана за то, что они изменят свое мнение.

Примеру Санса последовали остальные.

16 мая шестнадцать тамплиеров, приговоренных собором в Реймсе, были сожжены в Санлисе.

Тех, кто остался в живых, охватил ужас. Рыцарь Эмери де Вилье-ле-Дюк, увидев роковую телегу, воскликнул, что признался бы в том, что убил самого Господа, если бы его об этом спросили. Это свидетельствует о полном упадке духа, повсеместной потере способностей к критическому осмыслению, но также объясняет состояние оцепенения, в которое повергла большинство тамплиеров политика террора со стороны короля.

Нетрудно догадаться о результатах этой незаконной и скорой расправы: если 2 мая 573 брата были решительно настроены защищать орден, то костры, зажженные епископами Санса и Реймса, способствовали тому, что многие из добровольных защитников отступились.

Все это привело к росту пораженческих настроений в среде тамплиеров.

30 мая комиссия отложила работу до 3 ноября, но заседания начались только 17-го. Теперь показания будут не в пользу ордена: двести признаний против двенадцати отрицаний.

Те, кто отказались от своих слов, сослались на тот факт, что предыдущие признания были даны ими по принуждению и под пыткой.

Тамплиер Понсар де Жизи говорил, что за три месяца до того, как он предстал перед епископом Парижа, его поместили в яму с руками, так сильно связанными за спиной, что кровь стекала по пальцам. Он добавлял, что, если бы его снова подвергли пытке, он бы сказал все, что хотели от него услышать. Он был готов пострадать, лишь бы страдания были недолгими, например, обезглавливание, огонь или кипяток, но был не в состоянии терпеть долгие пытки, которые ему уже пришлось вынести, находясь в тюрьме в течение двух лет.

Другой тамплиер Бернар де Ге, утверждал: «Меня так пытали, меня так долго держали перед пылающим огнем, что мои ступни сгорели; от них отделились эти две кости, которые я вам показываю. Посмотрите, их недостает в моем теле».

* * *

Комиссия в Париже играла самую важную роль. Нам мало известно о результатах, полученных другими комиссиями. О них сообщили Папе, который приказал прелатам и богословам изучить их. В те месяцы, что предшествовали Собору в Вьенне, Папа настаивал на том, чтобы как можно быстрее получить эти результаты. Помимо этого он приказал

инквизиторам прибегнуть к пытке «как если бы первое впечатление, произведенное протоколами, не поддерживало обвинений, выдвинутых против ордена» (*Лизеран*), Это равнозначно признанию, что для того, чтобы получить интересные и соответствующие обвинения признания, существовала только пытка...

Глава V

Вьеннский собор

Первоначально Папа назначил открытие Собора во Вьенне на 1 октября 1310 г. Но последний начал свою работу только 16 октября 1311 г. Он был отложен, дабы позволить судебным следователям успешно завершить расследование.

В кафедральном соборе этого небольшого города собрались триста епископов, аббатов и приоров. Король явился только 20 марта следующего года в сопровождении своих братьев Карла и Людовика, своих трех сыновей и многочисленной вооруженной свиты. Перед небольшой комиссией, назначенной для того, чтобы определить план работы Собора, Папа предварительно приказал зачитать отчеты протоколов папских комиссий, затем он спросил каждого, нужно ли распустить орден Храма.

Поначалу он натолкнулся на категорический отказ. Общее впечатление складывалось в пользу ордена. Поскольку орден Храма не был обвинен перед церковным судом, невозможно было на законном основании вынести ему приговор. Все отцы церкви, кроме одного итальянского прелата, советовали соблюдать осмотрительность и сдержанность. Они решили, что с точки зрения здравого смысла необходимо выслушать тамплиеров: они должны защититься перед Собором. Это тем более необходимо, что результаты расследований неубедительны.

Король был недоволен. Он принялся оказывать давление на членов оппозиции и запугивать тех, кто сомневается.

Он угрожал Папе возобновить процесс против умершего Бонифация VIII. Столкнувшись с таким агрессивным отношением, Клименту попытался направить ход событий в другое русло. В течение нескольких месяцев будут рассматриваться различные вопросы, не имеющие никакого отношения к делу ордена тамплиеров. Именно в течение этих рабочих месяцев Климент V предпишет, в частности, ограниченное применение пыток. Тогда же он вынесет приговор беггардам и спиритуалам. По словам Леви-Мирепуа, ему даже пришлось разбирать «дело молодой, очень красивой девушки родом из Англии, которая называла себя воплощением Святого Духа, сошедшего ради спасения женщин, так же как Сын сошел ради спасения мужчин».

Во время этого перерыва девять тамплиеров явились на Собор, чтобы защищать орден. Они говорили, что их послало многочисленное братство из окрестностей Лиона. Папа испугался и приказал бросить их в темницу. Боялся ли он вооруженного нападения? На подобную мысль наводит письмо, которое он отправил Филиппу Красивому. Объявив своему корреспонденту об аресте девяти делегатов от ордена Храма, он добавляет: «С этого момента мы считаем необходимым принять особые меры ради собственной безопасности, и мы сообщаем об этих событиях Вашему Величеству для того, чтобы, сохраняя осторожность и бдительность, вы решили, что именно надлежит и следует сделать для охраны Вашей персоны».

Таким образом, до самого конца Папа будет проявлять малодушие. Он не только боялся короля и тамплиеров, но еще и опасался сопротивления со стороны Собора.

* * *

Между тем король со своей стороны методично продолжал заниматься подрывной деятельностью. 2 марта Филипп Красивый пишет Папе: «Ваше Святейшество знает: расследование обнаружило такое число ересей и злодеяний, в которых виновны тамплиеры,

что орден должен быть непременно уничтожен. По этой причине и потому, что нами движет священное рвение защитить правую веру, мы с мольбой и смирением просим, чтобы этот орден был упразднен: имущество, которым он владел, можно передать новому рыцарскому ордену».

Должно быть, настойчивость короля возобладала над нерешительностью Папы. 22 марта 1312 г. на тайном заседании консистории члены комиссии, занимающейся этим делом, подавляющим большинством проголосовали за упразднение ордена тамплиеров (четыре пятых голосов), при условии, что этот приговор будет оглашен одним лишь Папой. Собор желал переложить на него ответственность за уничтожение ордена. Гильом Дюран, епископ Манда, предложил прибегнуть к этой уловке, с чем все согласились. Если Собор не мог за отсутствием достаточных доказательств вынести канонический приговор ордену Храма, Папа мог ликвидировать орден, чтобы положить конец королевским интригам и уничтожить сам предмет раздора. *Таким образом, речь шла, скорее, о предупредительной мере, чем о карательном приговоре. Именно поэтому, в конце концов, все отдали за нее свои голоса.*

3 апреля на открытой консистории Папа зачитал буллу *«Vox in excelso»*, апостольской властью уничтожившую орден тамплиеров *упреждающим образом, а не путем осуждения*. Папа напомнил об упреках в адрес тамплиеров. Он подчеркнул бесполезность ордена, теперь, когда борьба за Святую Землю окончена. И снова речь идет о необходимой и своевременной мере, а не о судебном приговоре «из ненависти к Храму».

С самого начала заседания, дабы предупредить возражения отцов Собора, им под угрозой отлучения было предписано соблюдать полнейшую тишину.

По мнению некоторых, Климент V якобы сам объявил о ликвидации ордена тамплиеров и не позволил Совету осудить их для того, чтобы не раскрывать на общем обсуждении подрывные доктрины и тайные замыслы тамплиеров. Чистая гипотеза. Папа не пожелал выносить окончательный приговор ордену, чья вина не была доказана в полной мере. По этой причине формулировка приговора несколько расплывчата: «Хотя мы могли бы обвинить их по всем правовым нормам, мы распускаем их упреждающим образом апостольской властью, оставляя за нами и за Святой римской Церковью право распоряжаться их жизнями».

Выражение «упреждающим образом» дало почву для различных толкований. Утверждалось, что папский декрет, ликвидировавший орден Храма, носил всего лишь временный характер, речь шла только о роспуске на определенный срок, в связи со сложившимися обстоятельствами.

Непонятно, как орден мог вновь обрести смысл существования. Даже новый крестовый поход не восстановил бы его репутацию. Тамплиеры слишком основательно закрепились в Западной Европе, чтобы согласиться пойти на какие-либо преобразования, которые лишили бы их имущества и престижа.

Король присутствовал при всем этом и после пяти лет ожидания и коварных происков праздновал победу. Через месяц после вынесения приговора, 3 мая, издав буллу *«Ad providam»*, Папа решил передать имущество тамплиеров госпитальерам, которых начинали называть «рыцарями Родоса». В королевствах Арагонском, Кастильском, Португальском и на Майорке это имущество следовало передать местным военным орденам, которые еще сражались против сарацинов: орденам Алькантара, Сантьяго и Калатрава.

В связи с этим Папа открыто проявил свою власть. Отцам Церкви, которые выступали против намерения передать имущество тамплиеров госпитальерам, Климент V заявил: «Если вы согласитесь с передачей имущества ордену госпитальеров, я с радостью объявлю о согласии с вами, если же нет, я все равно сделаю это, по нраву это вам или нет».

Поскольку оппозиция упорствовала, Климент V пренебрег ею. Впрочем, передача имущества ордена тамплиеров госпитальерам полностью соответствовала принципам

церковного и феодального права: в общем, это был всего лишь переход имущества Церкви от одного ордена к другому.

Процесс против ордена окончился. Оставалось решить судьбу его руководителей. Дело против простых рыцарей было закрыто еще до открытия собора: все те, кто упорно продолжал отказываться от своих прежних показаний, были казнены как возвратившиеся к прежним прегрешениям.

Однако пока нельзя было поздравить себя с тем, что тамплиеры полностью уничтожены. Поэтому 6 мая Климент V в булле «*Considerantes dudum*» дает указания епархиальным судам и провинциальным соборам, чтобы они продолжили преследование тех, кому удалось избежать суда инквизиции.

Папа просил, чтобы с виновными обращались «со строгой справедливостью, смягченной немалой долей милосердия». Тем, кто подчинился бы Церкви, было бы назначено содержание из средств ордена.

* * *

Госпитальерам пришлось немало потрудиться, чтобы вырвать из рук короля и его жадных придворных казну и недвижимость ордена тамплиеров.

Филипп Красивый надеялся, что сможет удержать это имущество, а с момента ареста тамплиеров в 1307 г. он назначил выплаты в виде ренты с доходов от секвестрованного имущества. Он утверждал, что сначала должен был компенсировать себе судебные издержки («издержки на тюремное заключение и на пытки»), в размере 200 000 турецких ливров.

К тому же госпитальеры были вынуждены простить долги королю, королеве и принцам, которые еще не были выплачены тамплиерам к моменту конфискации имущества в 1307 г. Дабы законно обосновать погашение своих долгов, король ссылался на то, что по канонам запрещалось платить причитающееся еретикам.

Госпитальеры также должны были отказаться от доходов, полученных сборщиками налогов во время наложения секвестра. Эти долги, ликвидированные одним росчерком пера, составляли около 500 000 ливров. Отметим также, что казна ордена Храма в Париже уже на следующий день стала и королевской казной, при этом королевские чиновники не завершили финансовые операции, начатые последними бухгалтерами ордена Храма. Для Филиппа Красивого речь шла не столько об отправлении правосудия, сколько о ликвидации банковского счета, баланс которого был слишком благоприятен для тамплиеров.

Несмотря на полученную денежную прибыль, для Филиппа Красивого процесс по делу ордена тамплиеров представлял собой поражение. Орден не был осужден по закону, как рассчитывал король. Духовная власть Святого Престола взяла верх над неправомерными притязаниями королевского абсолютизма. Если верно то, что Филипп Красивый понемногу подчинил себе инквизицию, чтобы сделать из нее послушный инструмент, то эта тактика не была эффективной: в конечном счете монарх не смог добиться полной победы.

Некоторые также утверждают, что король продолжал испытывать денежные затруднения даже в те годы, когда он сам получал доходы с конфискованного имущества. Другие, наоборот, говорят, что после ареста тамплиеров финансовые проблемы с казной значительно уменьшились.

Доходы ордена Храма, полученные королем, как будто достигали двенадцати миллионов. Разумеется, эту цифру невозможно проверить. Среди поступков короля наиболее значимым явился тот факт, что, по словам Монтаньяка, арендуемые земли тамплиеров были выставлены на торги, при этом арендная плата была столь высока, что съемщики разорились, а король завладел их имуществом.

* * *

После Вьеннского Собора тамплиеров судили в соответствии с их личными поступками. Провинциальные соборы полновластно распоряжались их судьбами.

Тех, кто отказывался от своих предыдущих признаний, считали нераскаявшимися еретиками и приговаривали к сожжению или пожизненному заключению. Тем, кто подтверждал свои признания, давали содержание из средств ордена. Многие сумели избежать суда, занявшись простым ремеслом или, если они происходили из знатной семьи, поменяв имя.

Папа сохранил за собой право судить великого магистра и сановников ордена, но в конце 1312 г. под предлогом большой занятости он передал трем своим кардиналам: Николя де Фревилю, доминиканцу, который был исповедником и советником короля, Арно де Фаржу или Арно д'Ошу, племяннику Папы, и Арно Нувелю, монаху из Сито.

Кардиналы не станут вести новые допросы: они воспользуются данными ранее показаниями.

Три прелата отправились в Париж, но прежде чем судьба сановников будет решена, пройдут долгие месяцы.

Глава VI

Казнь руководителей ордена

18 марта 1314 г. три кардинала приговорили высших сановников тамплиеров к пожизненному заключению.

Приговор был оглашен в Париже, на паперти собора Парижской Богоматери, где воздвигли эшафот. Народу хотели доказать, что тамплиеры были действительно виновны. Поэтому один из легатов, Арно Нувель, велел тамплиерам прилюдно признаться в своих заблуждениях. Чтобы испугать их, был разожжен костер. Приоры Франции и Аквитании уступили угрозам и повторили признания. (Они закончат свои дни в темнице.)

Затем произошло неожиданное. Жак де Моле и Жоффруа де Шарне воскликнули: «Мы не виновны в тех преступлениях, в которых нас обвиняют, но мы виновны в том, что подло предали орден, чтобы спасти собственные жизни, чтобы избежать непомерных страданий пытки и умиловить тех, кто мучил нас. Орден невинен, он свят; обвинения нелепы, признания лживы».

Пребывавшие в замешательстве кардиналы перенесли вынесение решения на следующий день и передали Моле и Шарне в руки прево Парижа.

Король пришел в ярость и решил ускорить развязку: в тот же день королевский совет, на котором присутствовали только светские лица, приговорил «нераскаявшихся еретиков» к немедленной смерти.

Вечером на Камышовом острове был сложен костер, отблески которого освещали темные стены королевского дворца. Моле и Шарне умерли, сожженные на медленном огне, с взором, обращенным к собору Парижской Богоматери: «Они с такой стойкостью и твердостью приняли гибель в огне, – говорит хронист, – что толпа при виде их мужественной смерти и последнего отказа от признаний была охвачена восхищением и оцепенением».

Оба сановника не приняли бы смерть с такой твердостью и таким спокойствием, если бы орден, который они представляли, был виновен. Невозможно представить себе, что эти монахи солгали бы перед смертью, притом, что ложь влекла за собой казнь, а правда предполагала освобождение или, по меньшей мере, сохранение жизни.

Народ стал считать их мучениками и поспешил бережно собрать их пепел.

Часто приводят слова Боссюэ, сказанные в связи с гибелью тамплиеров на костре: «Они признались под пытками, они отреклись на эшафоте и в час смерти».

Легенда гласит, что великий магистр перед смертью проклял Папу и короля. Как бы то ни было, и тот и другой умерли вскоре после великого магистра, а их могилы были

осквернены: останки Филиппа Красивого были выкопаны пятьсот лет спустя жителями Парижа. Что касается праха Климента V, он был развеян по ветру в 1577 г., когда папский мавзолей был разграблен кальвинистами.

Отметим, что все те, кто сыграл роковую роль в деле ордена Храма, умерли насильственной смертью: Ангерран де Мариньи, Плезиан, два первых доносчика и т. д. Отметим странное стечение обстоятельств: пять веков спустя, в эпоху Террора, резиденция ордена Храма в Париже (Тампль) должен был стать убежищем, где прошли последние трагические дни королевской семьи из рода Филиппа Красивого.

Заключение

Что бы ни делалось, история тамплиеров всегда будет окутана туманом, сгущаемым по неким предвзятым соображениям. И если, заканчивая наше эссе, мы не можем прийти к формальным выводам, значит ли это, что наш труд был бесполезен? Мы полагаем, что благодаря тем крупным истинам, которые мы связали в единое целое, у большинства наших читателей сможет сложиться более полное представление об этом знаменитом процессе.

Сложные составляющие исторической и психологической проблемы, которая возникает каждый раз, когда разговор заходит о процессе ордена Храма, можно свести к следующим положениям.

Среди богатых и ничем не занятых тамплиеров, живших во Франции во времена Филиппа Красивого, очевидно, были и паршивые овцы, беспутные рыцари, монахи-отступники. Филипп Красивый и его приспешники воспользовались этими единичными случаями, чтобы обобщить их и повести пропагандистскую кампанию против ордена Храма. Речь шла о том, чтобы восстановить народ против аристократической касты духовенства и вызвать народную реакцию, направленную на этих крупных финансистов. Таким образом, они надеялись, что тамплиеров будут порицать так же, как, например, евреев.

Король, завидуя финансовой мощи ордена Храма, попытался осуществить свой тайный замысел – избавиться от ордена, чтобы завладеть его богатствами. Знать и духовенство, завидуя прерогативам тамплиеров, поддержали королевскую политику и постарались уничтожить организацию, которая внушала им опасения.

Папа Климент V, родом из Франции, будучи в долгу у короля, не посмел с должной твердостью выступить против грабительских намерений монарха.

Итак, судебная машина того времени была запущена, и ее слепой и безжалостный механизм скрыл истину.

Против тамплиеров были собраны все обвинения, которые в течение веков выдвигались против еретиков и колдунов. Под пытками из обвиняемых вырвали все, что желали от них услышать королевская солдатня и инквизиторский суд. Первые признания, полученные благодаря бесчеловечному насилию, определили в общих чертах отношение к обвиняемому на протяжении всего процесса. Если он отказывался от своих слов, его считали нераскающимся еретиком и после вынесения скорого приговора сжигали.

Именно такое стечение обстоятельств и сломило тамплиеров. Те, кто не погиб на костре, обязаны своей жизнью только признаниям, данным с единственной целью – «спасти свою шкуру».

Напрасно вести ученые споры, с понимающим видом вдаваться в подробности или придерживаться насмешливого скептицизма: следует всегда помнить о заключении великого Антуана Арно^[56] в книге «*Похвальное слово католикам*»: «Теперь нет почти никого, кто бы не считал, что тамплиеры были ложно обвинены в том, что заставляли всех рыцарей, принимаемых в орден, богохульствовать, поклоняться идолу и заниматься непристойностями; здравый смысл заставил рассудить, что десять человек, которые умирают, имея возможность не умереть, признавшись в преступлениях, в которых их обвиняют, заслуживают больше доверия, чем сто человек, которые признались и взамен на это признание получили жизнь».

* * *

Рассмотрим вкратце некоторые из наших положений. То, что единичные проявления малодушия имели место, неоспоримо. И если во всех религиозных орденах бывали случаи отступления от веры, то вполне естественно, что среди членов ордена Храма, который был больше военным, чем религиозным, существовали отступники.

Орден Храма в определенный момент стал чем-то вроде «иностранный легиона», объединявшего отлученных от церкви рыцарей и набирал новых членов из нежелательных лиц, что, как мы видели, радовало св. Бернара, видевшего в крестовом походе средство спасения для этих отвергнутых людей. Между тем тенденция принимать в орден продажных личностей и еретиков станет роковой для некоторых плохо управляемых командорств. Упразднение срока послушничества, учрежденного св. Бернаром, тот факт, что в последние годы новые братья просто покупали вступление в орден, – все это способствовало разложению ордена и благоприятствовало развитию вседозволенности. Однако никто не может утверждать, что *весь орден* был развален. Если бы дело обстояло именно так, то Вьеннский Собор осудил бы его из-за этого, в то время как орден Храма упразднил один только Папа из соображений необходимости. Это был не приговор, но упредительная мера. Таким же образом в 1773 г. Климент XIV уничтожил орден иезуитов.

Что касается корыстных целей Филиппа Красивого, то они очевидны.

В части *«Чистилище»*, которую он закончит через несколько месяцев после казни Жака де Моле, Данте порицает Филиппа Красивого: тот в Ананьи покушался на наместника Бога на земле, причем последний умер, окруженный двумя преступниками (Ногаре и Колонна); говоря о короле, он добавляет: *«Я вижу нового Пилата, не насытившегося этой казнью; он перенес на орден Храма свои корыстные желания»*.

Это мнение проницательного и знаменитого современника было одобрено последующими поколениями: «Если исход процесса, как нам известно, был печальным, то ответственность за это следует возлагать, в основном, на короля и его притязания» (*Вакандар*).

В общем, речь идет о деле, связанном с деньгами, и о судебной ошибке, произошедшей, как мы показали, вследствие отсутствия вещественных доказательств, противоречивости показаний и ложных признаний, полученных благодаря инквизиторским методам. Не следует недооценивать значение пыток, поскольку тридцать шесть обвиняемых умерли в Париже под пытками. И нужно было обладать большой физической выносливостью, как Жак де Моле, чтобы в течение многих лет заключения переносить моральные мучения, которые доставляло это оживленное судебное дело. Впрочем, нынешние судебные разбирательства бросают свет на эту печальную страницу прошлого.

Среди тех, кто признался в преступлениях, были также и такие, кто уступил то ли из страха перед наказанием, которым им угрожали, то ли перед обещаниями награды и получения каких-то льгот. Многие дали себя купить. Наконец, некоторые тамплиеры встали на путь признаний из-за невежества или в силу несознательности. Они не отдавали себе отчета, что от них требовали, они не осознавали значения вопросов, им не под силу было понять механизм начатого против них судебного процесса. Как говорит Лизеран, нужно было бы «вырвать тамплиеров из рук короля, обеспечить их безопасность, равно как и безопасность их прокуроров, допросить тех, кто покинул орден, постараться узнать, в чем исповедовались тамплиеры на смертном ложе, запретить светским лицам присутствовать при даче показаний, отделить тех, кто уже свидетельствовал, от тех, кто только собирался это сделать, держать все показания в тайне».

Ничего этого сделано не было. Все будет окончательно искажено. Вплоть до сегодняшнего дня историческая достоверность смогла приподнять лишь край завесы,

распростертой над этим таинственным делом. Установлено, что весь орден как таковой не был виновен ни в ереси, ни в богохульстве, ни в сатанизме, ни в идолопоклонстве, ни во всеобщем распутстве. Проступки носили локальный и единичный характер, как это было во все века в других религиозных орденах. Приписывать целому сообществу заблуждения одного или нескольких его членов – это чрезмерно упрощенный, несправедливый и бесчестный прием.

Предполагалось, что существовали две категории тамплиеров: посвященные и непосвященные. Посвященные якобы совершали свои таинства и подозрительные сделки, прикрываясь праведностью, за спиной у непосвященных. Такая гипотеза могла бы объяснить признания одних и отрицание всего другими. Этот момент, как и множество других, останется неясным, поскольку не существует ни одного подлинного документа, рассказывающего о посвящении в учение тамплиеров.

Если от этих монахов, которыми несмотря ни на что были тамплиеры, и исходили ересь и богохульство, это не бросает тень на Церковь. Последняя находилась в состоянии борьбы в течение двадцати веков и сталкивалась с гораздо более серьезными затруднениями. Ее возглавлял некий Родриго Борджиа (Александр VI), кардиналы-развратники, епископы-сластолюбцы, ее терзали расколы, подрывали ереси, но тем не менее она прошла сквозь века, сохранив в неприкосновенности то, что было унаследовано ею от Христа. И если, несмотря на внутренних врагов, которые были гораздо опаснее врагов внешних, Церкви удалось остаться тем, чем она является, это произошло потому, что она основывается на непреходящих ценностях. Она сожалеет об этих проявлениях слабодушия, которые разрушили бы любой другой социальный институт, созданный человеком, она по мере своих сил старается заглаживать их, но ее целостность от этого не страдает.

Почему дело тамплиеров имело такое сильное влияние на все последующие столетия? Существует множество причин, которые следует выделить. Во-первых, это произошло потому, что это дело выявило несправедливость инквизиторских приемов: «Быть может, никогда, – говорит Вакандар, – суды инквизиции не проявляли большей суровости и жестокости, чем в деле тамплиеров».

Затем, по злому умыслу тех, кто желал избавиться от тамплиеров, их процесс стал в один ряд с крупными еретическими течениями первых веков. К тому же франкмасонство, признавая тамплиеров своими предками и искусственно привязывая орден Храма к своей Ложе, посеяло во многих умах смятение.

Наконец, процесс тамплиеров происходил в самом «сердце» Средневековья, в те века, когда живую воду веры часто мутили импульсы суеверий. Шпили соборов устремлялись высоко в небеса, а в лесах еще звучало последнее эхо язычества. Паломники исходили весь Восток и Запад, устремляясь к бесчисленным святым местам христианства, но прямо под крылом у Церкви колдовство пускало свои ядовитые побеги. Нам ничего не понятно в крестовых походах в целом и в истории ордена Храма в частности, если мы не пытаемся связать между собой явно противоречивые исторические факты.

К тому же проблема тамплиеров связана с проблемой политических, интеллектуальных, социальных и торговых отношений, сложившихся в средние века между Востоком и Западом.

Крестоносцы пересекли моря и земли, чтобы освободить гроб Христа, но они принесли в наши туманные края жар Востока, некую изнеженность и немного миражей из стран Ислама.

Как и все паломники Святой Земли, тамплиеры простерлись ниц перед Гробом Господним, искупались в Иордане и посетили дом в Назарете, но они также побывали в тех горах Ливана, где повелитель ассасинов одурманивал своих фидаев, давая им волшебную траву.

Стоит ли удивляться тому, что многие тамплиеры уступили соблазнам Востока? Если плоть свободней расцветала в тиши залитых солнцем земель, если порок подстерегал ее с

еще большей силой, нельзя не признать, что разум также находится в опасном состоянии помутнения. Ближний Восток – это перекресток трех основных религий – христианства, ислама и иудаизма. Он разрывается между истиной и заблуждением. И само христианство там дробится на множество «церквей» или литургических групп: марониты, копты, мелкиты, сирио-халдеи, армяне и т. д. К этому многообразию христианских обрядов следует добавить бесчисленные мусульманские и языческие секты, которые, как во времена крестовых походов, так и сегодня, соседствуют в Леванте. Именно поэтому возможно, что некоторые рыцари подверглись влиянию секты исмаилитов. Помимо этого близость стран ислама могла легко поколебать веру некоторых тамплиеров, тем более что чаще всего это были либо горячие головы, либо отлученные от церкви, которые должны были бы восстановить свою репутацию крестовым походом, но из-за окружающей обстановки вновь впали в заблуждение.

Для людей сумасбродных и искателей приключений соприкосновение с исламом могло стать пагубным. Для примера возьмем Фридриха II, который стал мусульманином «по какому-то тайному влечению», и двор его состоял наполовину из людей Востока. Как нам говорит Жебар, его жизнь представляла собой «тревожное подражание политике халифов, абсолютно мусульманскую концепцию правления».^[57] Папа Григорий IX сравнивал его с мусульманским пиратом. Говорили, будто в своем еретическом исступлении Фридрих II дошел до того, что стал считать себя богом.

В предыдущей работе^[58] мы также упоминали случай с Балдуином I, королем Иерусалима, ведущим жизнь подобно христианскому султану. Но брат Готфрида Бульонского не отошел от веры, в чем можно упрекнуть Фридриха II.

В целом крестоносцы оказали слабое сопротивление соблазнам восточного климата и коварной лени, царившей на левантских берегах Средиземноморья. В частности, можно привести пример «пуленов»,^[59] которые, несмотря на свои европейские корни, казалось, не сохранили ничего от христианской цивилизации, выходцами которой являлись. В книге «Франция времен крестовых походов» Воблан нам описывает их одетыми в мягкие ткани и предающимися наслаждениям. Они покидали лагерь ради зланных мест: «Изнеженные создания, они ходили с длинными рукавами, застегнутыми на пряжки, с дорогими поясами на талии и в узких туниках без единой складки, их шеи украшали драгоценные камни, на головах были цветочные венки, а в руках – кубки, ибо их руки разучились держать меч. Их ночи проходили в празднествах; опьянение приводило их в дома разврата, двери которых они сокрушали с ужасающими проклятиями».

Можно было бы назвать еще много примеров вырождения христианства, соприкоснувшегося с мусульманами. Всем известно, что западная мораль очень быстро исчезает в зное пустыни, как показал Лоуренс в труде «Семь столпов мудрости».

Дабы восстановить некое равновесие, божественный порядок иногда прибегает к самым жестоким способам излечения и не пренебрегает китайской пыткой огнем: тамплиеры, мученически принявшие смерть в пламени костров, быть может, поплатились за тот духовный и плотский пыл, который обуревал многих их братьев на выжженных равнинах Леванта.

Библиография

Что касается, в частности, крестовых походов, мы отсылаем читателя к библиографии нашего труда Готфрид Бульонский. Брюссель, 1943 г

•
AEGERTER (Emmanuel), – Les hérésies du moyen âge. Paris, 1939.

ALBON. – Cartulaire général de l'ordre du Temple. Paris, 1913.

AMBROISE (G.). – Les moines du moyen âge. Paris, 1942.

- ABQUILLIÈRE (H. X.). – *L'Eglise au moyen âge*. Paris, 1939.
- BELPERRON (Pierre). – *La croisade contre les Albigeois et l'union du Languedoc à la France*. Paris, 1942.
- BERNARD (Saint). – «*De laude novae militiae ad milites Templi*», dans Migne, *Patrologia latina*, t. 182. Paris, 1879.
- BOUTARIC. – *La France sous Philippe le Bel*. Paris, 1861.
- BOUTHOU. – *Le grand maître des Assassins*. Paris, 1936.
- CAILLET (Albert-L.). – *Manuel bibliographique des sciences psychiques*. Paris, 1912.
- CARRIÈRE (Victor). – *Histoire et cartulaire des Templiers de Provins*. Avec une introduction sur les débuts du Temple en France. Paris, 1919.
- CARTON (D¹). – *La science occulte et les sciences occultes*. Brévanne, 1935. CAUZONS (Th. de). – *La magie et la sorcellerie en France*. Paris, s. d. – *Histoire de l'Inquisition en France*. Paris, 1909–1912.
- CHARPENTIER (John). – *Les grands Templiers*. Paris, 1935. – *Ordre des Templiers*. Paris, 1945.
- CHATEAUBBIANT (A. de). – *La réponse du Seigneur*. Paris, 1933. CHRISTIAN (Paul). – *Histoire de la magie*. Paris, 1886.
- COLLIN DE PLANCY. – *Dictionnaire infernal*. Paris, 1853.
- CURZON (H. de). – *Introduction à la Règle du Temple*. Paris, 1886.
- DANIEL-ROPS. – *Saint Bernard et son message*. Paris, 1943.
- DANSAERT (G.). – *Histoire de l'Ordre souverain et militaire de Saint-Jean de Jérusalem, dit de Rhodes ou de Malte, en Belgique*. Bruxelles, 1932.
- DELAVILLE LE ROULX. – *Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre*. Paris, 1904.
- DESSUBBRÉ. – *Bibliographie de l'ordre des Templiers*. Paris, 1928.
- DUPUY (Pierre). – *Histoire de l'Ordre militaire des Templiers*. Bruxelles, 1751.
- FAWTIER (Robert). – *Histoire du moyen âge. L'Europe occidentale de 1279 à 1328*. Paris, 1940.
- FRAISSINET (Edouard). – *Essai sur l'histoire de l'ordre des Templiers*. Bruxelles, 1846.
- GEBHART. – *L'Italie mystique*. Paris, 1904.
- GODARD (André). – *La piété antique*. Paris, 1925.
- GRIFFET. – *De l'abolition et du procès des Templiers*. Coll. Des meilleurs dissertations, notices et traités relatifs à l'histoire de France. Paris, 1838.
- GIRAUD (Jean). – Art. «*Inquisition*», dans *Dictionnaire apologétique de la foi catholique*, t. II. Paris, 1911. – *L'Inquisition médiévale*. Paris, 1928. – *Histoire de l'Inquisition au moyen âge*. T. I.
- HELIOT. – *Dictionnaire des ordres religieux*. Paris, 1859.
- Histoire des ordres militaires*. Amsterdam, 1721.
- Histoire littéraire de la France*, passim et notamment G. Paris. – *Le Roman de Fauvel*. T. 32, p. 108–153. Paris, 1898. JOUVE (Marguerite). – *Ces dames de la Tour de Nesle*. Paris, 1952.
- KERVYN DE LETTENHOVE. – *Histoire de Flandre*. Bruges, 1853.
- LANGFORS. – *Le Roman de Fauvel par Gervais du Bus*, publiée d'après toutes les manuscrits connus. Paris, 1914–1919.
- LAVOCAT. – *Procès des frères de l'Ordre du Temple*. Paris, 1888.
- LEA (H. Ch.). – *Histoire de l'Inquisition au moyen âge*. Paris, 1900–1902.
- LÉVIS-MIREPOIX (duc de). – *Philippe le Bel*. Paris, 1936.

LIZERAND (Georges). – *Clément V et Philippe le Bel*. Paris, 1911. – *Le dossier de l'Affaire des Templiers*. Paris, 1923.

LOISELEUR (Jules). – *La doctrine secrète des Templiers*. Paris, 1872.

MAILLARD DE CHAMBURE. – *Régie et statuts secrets des Templiers*. Paris, 1840.

MANDONNET (R. P.). – *Dante le théologien*. Paris, 1935. *Manuel des chevaliers de l'ordre du Temple*. Paris, 1817.

MARQUÉS-RIVIÈRE (Jean). – *Les rituels secrets de la Franc-Maçonnerie*. Paris, 1941.

Mémoires historiques sur les Templiers. Paris, 1805.

MELVILLE (Marion). – *La vie des Templiers*. Paris, 1951.

MICHELET. – *Histoire de France*. Paris, 1835–1844.

MOLLAT. – *Les papes d'Avignon*. Paris, 1924. – Art. «Templiers», dans *Dictionnaire apologétique de la foi catholique*, t. IV. Paris, 1922.

MONTAGNAC. – *Histoire des chevaliers templiers et de leurs prétendus successeurs*. Paris, 1864.

NERVAL (Gérard de). – *Voyage en Orient*. Paris, 1867.

PIQUET (Jules). – *Des banquiers au moyen âge: les Templiers*. Paris, 1939.

PIRENNE. – *Histoire de l'Europe des Invasions au XVIe siècle*. Bruxelles 1939.

PISSARD. – *La guerre sainte en pays chrétien*. Paris, 1912. *Procès des Templiers*, publié par Michelet. Paris, 1841–1851.

RAPETTL – Art. *Molay* dans *Nouvelle biographie générale*. Paris, 1861.

RASTOUL. – *Les Templiers*. Paris, 1905.

RAYNOUARD. – *Les Templiers*. Paris, 1905.

RENAN (Ernest). – *Jacques de Molay*, dans *l'Histoire littéraire de la France*, t. 27. Paris, 1877.

REY (Emm. Guil.). – *Les colonies franques de Syrie aux XIIe et XIIIe siècles*. Paris, 1823.

RIVIÈRE (Jean). – *Le problème de l'église et de l'État au temps de Philippe le Bel*. Louvain, 1926. roy. – *Histoire des Templiers*. Tours, 1853.

SCHLUMBERGER (Gustave). – *Récits de Byzance et des croisades*. Paris, 1932. schoonebeek. – *Histoire de tous les ordres militaires ou de chevalerie*. Amsterdam, 1699.

STEENACKERS. – *Histoire des ordres de chevalerie*. Paris, 1867.

TIRON. – *Histoire et costumes des ordres religieux, civils et militaires*. Bruxelles, 1845.

UNDSET (Sigrid). – *Catherine de Sienne*. Paris, 1952.

VACANDARD (E.). – *L'inquisition*. Paris, 1907 – *Vie de saint Bernard*. Paris, 1910. – Art. «*Inquisition*», dans *Dictionnaire pratique des connaissances religieuses*, t. II. Paris, 1926 et dans *Dictionnaire de théologie catholique*, t. VII, 1. Paris, 1922.

VAUBLANC. – *La France au temps des croisades*. Paris, 1847.

VERTOT. – *Histoire des chevaliers hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem*. Paris, 1859.

VILLEY (Michel). – *La croisade*. Paris, 1942.

ZACCONE. – *Histoire des Sociétés secrètes, politiques et religieuses*. Paris, 1877.

Приложения

Приложение 1

Список великих магистров ордена Храма

1. *Гуго де Пейен*, основатель ордена, о котором известно немного (1119–1136 гг.).
2. *Пьер де Краон*, или Робер Бургундский (1136–1149 гг.), который получил буллу «*Omne datum*», фиксирующую привилегии ордена.

3. *Эврар де Бар* (1149–1151 гг.), который спас Людовика VII в крестовом походе. Ушел из ордена, чтобы стать цистерцианцем.

4. *Бернар де Тремеле*, погиб при осаде Аскалона.

5. *Андре де Монбар* – родственник св. Бернара. Он также покинул орден, чтобы поступить в Клерво.

6. *Бертран де Бланфор*, тулузец (1156–1169 гг.).

7. *Филипп де Мильи*, сеньор Наблуса (1169–1171 гг.). Еще один магистр, который вышел из ордена.

8. *Одон, или Эд де Сент-Аман* (1171–1180 гг.). Захвачен в плен Саладином возле брода Иакова и казнен.

9. *Арно де ла Тур Руж*, или Торрож (1180–1184 гг.), испанец, умерший в Вероне во время путешествия.

10. *Жирар де Ридфор* (1184–1189 гг.), фламандец, захваченный Саладином и освобожденный на подозрительных условиях, вновь захвачен под Акрой и казнен как клятвопреступник.

11. *Робер де Сабле* (1191–1193 гг.), ставленник Ричарда Львиное Сердце, избранный после 18 месяцев вакантности поста великого магистра.

12. *Жильбер Эраль* (1192–1201 гг.).

13. *Филипп де Плессье* (1201–1209 гг.).

14. *Гильом де Шартр* (1209–1217 гг.), умер от чумы в Дамьетте.

15. *Пере де Монтегаудо* (1217–1232 гг.), испанец. Конфликтовал с императором Фридрихом II.

16. *Арман де Перигор* (1232–1244 гг.), убит монголами.

17. *Гильом де Соннак* (1245–1250 гг.), убит в битве при Мансуре.

18. *Рено де Вишье* (1250–1256 гг.), унижен Людовиком Святым.

19. *Тома Берар* (1256–1272 гг.), прозванный дурным магистром.

20. *Гильом де Боже* (1273–1291 гг.), погиб в Акре.

21. *Тибо Годен* (1291–1295 гг.), перевел главную резиденцию ордена в Париж.

22. *Жак де Моле* (1295–1314 гг.).

Приложение 2

Вольные каменщики и тамплиеры

Исторически, если не считать легенд, которые окружают движение вольных каменщиков, оно было основано в Англии в день св. Иоанна 1717 г. В 1723 г. пастор Джеймс Андерсон дал ему «Конституцию», в которой были собраны (или придуманы) рассказы и легенды, касающиеся его происхождения. По некоторым из них, Бог мог бы считаться первым масоном, потому что он создал свет. По другим, Адам мог считаться первым масоном, получившим знания от Бога по ритуалу на востоке рая. Но, если быть точнее, данный институт восходит к *Хираму* из Тира, архитектору, который построил храм в Иерусалиме для царя Соломона: вот почему большинство символов относятся к храму и к архитектуре. Затем, довольно туманно, пытаются через римских коллег плотников показать связь с сообществами строителей средневековья. Здесь не место говорить о чисто символическом характере такой связи. Заметим, что нигде речь не шла о тамплиерах.

Французские франкмасоны происходят не от английской, а от шотландской традиции. Независимо от тайных обществ, которые в XVII в. работали во имя реставрации династии Стюартов, первая ложа была основана в Париже в 1726 г. под патронажем св. Томаса Кентерберийского: именно из нее, после многочисленных потрясений и переделов,

произошла ложа Великого Востока. Никогда и здесь не было никакого упоминания о тамплиерах.

Но в 1756 г. барон Хант создает группу раскольников в шотландской традиции, создав «исправленный» или «ортодоксальный» ритуал. Движение приживется в основном в Германии, где оно будет иметь честь иметь в своих рядах таких людей как Гете, Лессинг и Моцарт. Именно барону Ханту, первому, придет идея установить связь между тамплиерами и масонством.

Чтобы подтвердить свою теорию, он рассказывал, что после роспуска ордена Храма, магистр провинции Овернь, Пьер д'Омон, смог сбежать с двумя приорами и пятью рыцарями, переодетыми каменщиками. Они, якобы, нашли убежище в Шотландии, где с великим командором Хамптонкуром и многими местными братьями они создали новый тайный орден, великим магистром которого был выбран Омон. Ни тени доказательств, естественно, в поддержку подобных утверждений.

Мне кажется, что легенда может не приниматься всерьез по двум причинам. Прежде всего, из-за даты основания этого секретного ордена: июнь 1312 г. Безусловно, орден только что распустил Папа, но так как Жак де Моле был еще жив, было совершенно невозможно избрать его преемника. Однако, кажется, Хант полагал, что Моле уже умер, как будто бы он был сожжен в Вьенне! В другом месте нам рассказывают, что беглецы, переодетые каменщиками, именно по этой причине, выработали ритуал «масонства», назвавшись «свободными и принявшими масонами», потому, что они выбрали свободу и приняли новый устав. Но мы знаем, что символика храма и строителей имеют другое происхождение. Она была принята в 1717 г. по совершенно другим причинам. Итак, кажется, Хант пытался использовать тамплиеров только для того, чтобы оправдать свое раскольничество.

Надо ли добавлять, что не существует следов ни этого тайного ордена, ни тайных братств, которые были бы связаны со строителями соборов? Но, так как эти две версии происхождения несовместимы, они остаются немного размытыми, и Жака де Моле продолжают почитать в ложах, как мученика свободной мысли, жертву нетерпимости, предшественника доктрины истинного братства. Это никому не может повредить, но исторически ничто не позволяет удостаивать такими почестями последнего великого магистра Храма, который был бы сильно удивлен тем идеям, которые ему приписывают, если вообще он был способен в них что-нибудь понять.

Можно всегда сказать, что основатель ордена Храма Гуго де Пейен не случайно обосновался с разрешения короля Бодуэна II на том месте, где находился храм Соломона, и усматривать в этом некое оккультное влияние. Это значило бы приписывать великое предвидение этому Пейену о будущей роли скромного ордена (в начале тамплиеров было всего девять), который он создавал для защиты паломников и который разросся только благодаря поддержке св. Бернара. У истоков возникновения ордена ни что не предвещало его падения.

Масонский «храм» – это храм Соломона, а не ордена, чье название происходит от этого храма.

Приложение 3

Сокровища тамплиеров

К религиозной и философской загадке Храма, для любителей тайн, прибавляется еще и тайна сокровищ. До сих пор существуют те, кто с помощью лозы, оккультных приемов, спиритизма или просто с помощью дедукции пытаются найти казну тамплиеров. Я не хотел бы разрушать их иллюзии, но найти знаменитые сокровища весьма проблематично.

Вероятно, сокровища Храма все же существуют, к тому же это слово может подразумевать как архивы, так и коллекцию ценных предметов или сундуки, заполненные золотом. Учитывая богатство ордена и, даже принимая во внимание, привычные в этой

области преувеличения, имущество, захваченное Филиппом Красивым, не может представлять собой все запасы Храма: добрую их часть, безусловно, спасли от конфискации.

Я уже говорил, что если тамплиеры и не поняли в нужный момент серьезность угрозы, нависшей над ними, они, все-таки, могли быть проинформированы об опасности. Решение об аресте было принято на королевском Совете 14 сентября 1307 г., а выполнено лишь 13 октября: в этот промежуток времени неизбежно должна была быть утечка информации. Мы знаем, что Жак де Моле приказал уничтожить экземпляры устава, то есть он предчувствовал удар со стороны короля и было бы странно, если бы он не приказал скрыть хотя бы самые ценные предметы.

О составе скрытого имущества можно только строить гипотезы. Прежде всего, надо вспомнить, что большая часть имущества, хранившегося в ордене, ему не принадлежала, но была передана ему на хранение, – также как суммы на счетах клиентов и содержание сейфов не принадлежит сегодня банкирам. Нам мало что известно о процедурах возврата, которые начались, но можно полагать, что вклады были возвращены. Остаток собственного имущества ордена состоял из даров, трофеев и процентов прибыли, вложенных в золото или ценные предметы: все это должно было представлять большой запас. Конечно, золото было редкостью в Средние века, но его было гораздо больше на Востоке, а большая часть имущества Храма наверняка была возвращена на родину из Палестины, так как надвигающуюся опасность предвидели заранее: битва под стенами Акры ни в чем не походила на взятие Константинополя.

Часть этих сокровищ осталась на Кипре, где она долгое время служила защите острова. Что касается ценностей, привезенных в Европу, мы не знаем, были ли они сконцентрированы в Париже или вообще во Франции, или разделены между провинциями и учреждениями ордена. Таким образом, могло существовать несколько хранилищ.

Безусловно, парижская казна была самой важной, так как именно в этом городе находилась «штаб-квартира», под руководством Гуго де Пейро, досмотрщика Франции. Если допустить, что она была эвакуирована, куда могли ее направить? Логично, что если опасность крылась во Франции, то в соседнюю страну, и, возможно, именно в Англию, которая была самой близкой и самой надежной страной. У ордена были свои корабли, и сокровища могли отправиться вниз по течению Сены, и, в таком случае, естественным направлением могла быть только Англия. Это рассуждение, мне кажется, должно заставить поразмыслить тех, кто ищет главную казну во Франции.

По мнению Жерара де Седа^[60] эту гипотезу может подтвердить заявление тамплиера из Немура, некоего Жана де Шалона, которое фигурировало (или вроде бы фигурировало) в архивах Ватикана.^[61] Этот брат видел на закате солнца накануне ареста, как из храма в Париже выехали три телеги с соломой, под которой были спрятаны сундуки. Свидетель добавляет (но откуда он мог это знать?), что эти сундуки содержали сокровища Гуго де Пейро, которые должны были быть отправлены за границу на кораблях ордена.

Из этого заявления, вроде бы, должно следовать, если ему можно верить, что не все сокровища были эвакуированы сразу. Эти три повозки, безусловно, представляли последнюю поездку, и каждый хранитель должен был эвакуировать часть, доверенную ему. Другие части общей казны, таким образом, могли быть спрятаны во Франции, посланы в Испанию или в Прованс, а то и переправлены на Кипр. Итак, еще есть надежда у тех, кто думает, что сокровища были спрятаны в Живоре,^[62] в Аржини на Роне,^[63] в Валькрозе в Варе,^[64] в Инд्रे-и-Луаре и т. д.

Парижская казна, напротив, возможно, попала в Англию. Что с ней стало? В этой стране тамплиеров не преследовали, и у них было достаточно времени, чтобы свободно и как можно лучше распорядиться ей в своих интересах. Однако меня удивляет, что в Англии искателей сокровищ меньше.

Безусловно, можно вообразить – разве это не более соблазнительно? – что корабли не смогли покинуть Францию из-за погоды или потому, что побережье было под наблюдением, и что их ценный груз был спрятан в склепе, где и покоится до сих пор. Жалко, что Морис Леблан, когда писал «Полую стрелку», не добавил эту находку к прочим находкам Арсена Люпена.

Я добавлю личную гипотезу, о которой, мне кажется, никто не думал, поскольку она была бы слишком разочаровывающей. Допустим, что Климент V получил некую конфиденциальную информацию, позволяющую ему получить часть богатств? Он не стал этим хвастаться, хотя бы для того, чтобы скрыть их от алчности короля Франции. Климент V тоже нуждался в деньгах: расходы на Церковь, его семья, его врачи стоили ему слишком дорого, – уж не говоря о его любовнице, прекрасной Брюнесенде, графине де ла Марш, о которой современники говорили, что она стоит Церкви дороже, чем Святая земля.

Приложение 4

Тамплиеры и художественный вымысел

История тамплиеров всегда будила воображение. Наряду с историческими исследованиями, существует целый пласт литературы, посвященной делу Храма, которая основывается больше на искусстве культивировать тайну, чем на критических рассуждениях и анализе текстов.

Я не осуждаю художественный вымысел при условии, если эти произведения честно представляются тем, чем являются на самом деле, то есть романами.

Конечно, историки тоже могут формулировать гипотезы по поводу какой-либо тайны. И они не лишили себя этого удовольствия в истории о тамплиерах. Но гипотезы историка всегда ограничиваются содержанием документов или общими знаниями, которыми мы обладаем по каждой эпохе. Когда свысока смотрят на эти ограничения, жонглируют хронологией или говорят об оккультизме, то получают шанс иметь максимальный успех у мало информированной и жадной до сенсаций публики. Произведение, основанное на домыслах, более соблазнительно, чем объективное исследование; вымысел побеждает правду. Также и, несмотря на то, что специалисты указывают, что это было невозможно, многие еще предпочитают верить, что человек в железной маске был братом близнецом Людовика XIV, а загадка Людовика XVII более известна из «Виконта де Бражелона», чем по кропотливым исследованиям мэтра Мориса Гарсона.^[65]

Было бы сложно перечислить все художественные произведения, которые вдохновило дело тамплиеров. Я ограничусь упоминанием трех книг, появившихся недавно, которые достаточно хорошо излагают все то, что может быть придумано на эту тему, если не брать на себя труд прочитать буллы Климента V и протоколы допросов.

Но дело тамплиеров породило не только романы, но и один из самых грубых «розыгрышей» истории в середине XIX в. Чтобы рассеять все неясности, сначала я перескажу эту забавную историю.

1) Папа нового Храма

Климент V упразднил орден Храма и Церковь никогда больше не возвращалась к этому приговору. Но любители тайн не могли остановиться на этом и очень часто пытались приписать тамплиерам дальнейшее подпольное существование. Среди сект, которые претендовали на то, что получили оккультной передачей секреты Жака де Моле, самой удивительной является та, которой удалось добиться того, что сам Наполеон воспринимал ее серьезно, удалось провести известных людей и продержаться до 1870 г.

Однако ее основателем был сомнительный человек и успех этой мистификации мог бы удивить, если бы мы не знали сотни других примеров удачи некоторых шарлатанов. Так как Бернар-Раймон Фабре-Палапра, родившийся в Корде 29 мая 1773 года, возможно был

медиком; но гораздо более ловко он пользовался доверчивостью современников, чем практиковал свое мастерство терапевта.

В эпоху Консулата он являлся всего лишь президентом гастрономического кружка, называемого «клуб филяя»: вот где была колыбель нового Храма, может быть потому, что формула «пить как тамплиер» была там в чести. Всегда случается, что однажды, – совсем как в наши дни, один почтальон в Монфаве провозгласил себя Христом и смог убедить в этом своих сограждан – Фабре-Палапра вдруг провозгласил себя преемником Жака де Моле и преобразил «клуб филяя» в секту тамплиеров, чьим великим магистром он, безусловно, и стал.

Для того, чтобы подтвердить свои претензии, он показывал «сокровища», состоящие из шлема Моле и нескольких костей, якобы собранных в пепле костра, где сгорел мученик. Так как этого было не достаточно, он сфабриковал для себя документ, написанный готическими буквами, «Левитикон», который показывал преемственность великих магистров Храма... от Иисуса Христа! На нем можно было увидеть подписи таких знаменитых людей как Байяр, Монморанси, Кольбер, Монтескье (жаль, что не было подписи Иисуса Христа). Довольно удачной уловкой было использование подлинного списка великих магистров масонов^[66] с момента регентства до герцога Коссе-Бриссака, известного тем, что он стал преемником Людовика XV в любовной связи с экс-фавориткой дю Барри. К несчастью, Бриссак, командир швейцарских гвардейцев, был убит, в своей тюрьме, в сентябре 1792 г. и его голова была брошена к ногам его любовницы. Так как его не было там, чтобы разоблачить эту ложь, начиная с этой даты, у нас нет никаких фактов кроме слов Фабре-Палапра. Хотя, ничего подобного нет в завещании Бриссака, написанном в тюрьме, Фабре-Палапра утверждал, что герцог передал власть некоему Радиксу де Шевилону, который, в свою очередь, передал тайный факел Фабре-Палапра, предусмотрительно дождавшемся смерти Шевилона, чтобы воспользоваться этим священным наследием.

Ни один серьезный историк, кроме несчастного аббата Грегуара, никогда не верил в подлинность «Левитикона». Позже, некий виконт д'Асфельд, порвав с Палапра, подтвердил, однако, что документ является фальшивкой.

Тем временем, махинация пользовалась колоссальным успехом и приносила тому, кто ее придумал, целое состояние. Воскресший в 1804 г. новый орден Храма обогатится, как и настоящий, но средствами гораздо более простыми, в которых не было ничего магического. Он продавал простофилям фальшивые аристократические титулы, награды, знаки отличия, церемониальную одежду и прочие безделушки. Всегда полезно играть на зависти: все те, кто не мог получить от Наполеона титулы новой аристократии, набросились на благородные звания, щедро раздаваемые великим магистром Палапра.

Самое забавное, что, кажется, сам Наполеон поверил в этот маскарад. 28 марта 1808 г., когда новые рыцари проводили церемонию в память Моле, император предоставил им свою гвардию. 16 октября 1810 г. их собрание удостоилось чести присутствия принца. Архиканцлера, герцога Пармского, проще говоря, личного присутствия Камбасереса. Надеялся ли Наполеон найти, на этом собрании клоунов, серьезную поддержку в конфликте с Папой?

Также удивительным кажется соучастие в этом некоторых прелатов. Так как, надо полагать, что воспоминания о тамплиерах вдохновляли на ересь: Палапра не удовлетворился титулом великого магистра и, в конце концов, провозгласил себя... Папой! Разрывая с Римом, и став предтечей экуменизма (он охотно принимал в свои ряды англиканцев и протестантов), он присвоил себе звание «*Суверенный понтифик Церкви, патриарх и прямой преемник Иисуса Христа, герез орден Иоанна*». Не меньше. Рим хранил молчание, а священники служили на мессах ордена.

Вопреки всем ожиданиям, новый Храм пережил падение империи и продолжал процветать во времена Реставрации. Еще в 1833 г. он организует празднование и большую церемонию во Дворе чудес (все было указано), на которой молятся за государя и едва одетые монастырские послушницы собирают деньги. Это был апофеоз Палапра, у которого стали проявляться признаки психического расстройства. Он умер в 1838 г. и был заменен английским адмиралом, адмиралом Смитом, который, не колеблясь, воспользуется завоеванием Алжира и отправится туда, чтобы возобновить борьбу с «неверными», однако весьма безуспешную.

Смит отказался от мало ортодоксальных притязаний своего предшественника, но Рим продолжал остерегаться. Когда в 1845 г. принц Шиме испросил у Папы Григория XVI отмены приговора Климента V и признания тамплиеров, святой отец с юмором ответил, что ставит при этом единственное условие: восстановление обета послушания Папе. Будучи хорошо осведомленным, он знал, что это требование будет неприемлемым для не католических членов. Попытка не удалась, к тому же Церковь никогда не выказывала ни малейшего намерения пересматривать приговор Климента V.

Несмотря на свои успехи, орден пережил несколько расколов: в 1812 г., возглавляемый графом Лепелетье д'Онэ, затем раскол виконта д'Асфельда (в действительности авантюриста по имени Латапи), которому пришла очень приятная идея ввести в орден женщин.

К 1845 г. орден насчитывал 78 приорств, 154 бальяжей и 274 командорства. Он распространен не только во Франции, но и в Англии, Германии, Швеции, Швейцарии, Испании, Португалии, Италии и Греции. Он потерпел только одну неудачу на Гаити, где президент Доминиканской республики потребовал доказательств, прежде чем дать «занять» у себя 4000 ливров: так как доказательства не были предоставлены, он выгнал так называемых тамплиеров. Ни один монарх, кажется, не предпринял тех же мер предосторожности: в 1844 г. король Швеции, чуть было не согласился быть избранным великим магистром, но он вовремя умер и избежал этого позора, а его сын Оскар I отклонил эту честь. Странный король Георг IV был более наивен и принял звание великого магистра для своего государства.

Однако, всякая мистификация имеет свои пределы и орден быстро пришел в упадок при Наполеоне III. Он разделился на национальные объединения и, загадочным образом, исчез. Последнему великому магистру осталось только передать «сокровища» в государственные архивы. Стоит ли уточнять, что там невозможно найти никаких подлинных документов, никакого завещания Моле, никаких останков архивов Храма?

Однако, идея была очень плодотворной. Мы увидим попытки ее воскрешения в Брюсселе в 1932 г., затем в Париже в 1945 г. в виде «французской ассоциации рыцарей независимого и воинствующего ордена Храма Иерусалимского», регулярно публиковавшейся в «Журналь офисьель». Но не все с этим были согласны, так например, в 1963 г. маркиз де Во называет себя *«нынешним, законным и неоспоримым Суверенным Великим Магистром тамплиеров во всем мире»*.^[67] Но он тоже не знает, где находятся архивы Храма.

И, наконец, 24 июня 1967 г. было создано еще одно новое братство тамплиеров.^[68] Их было всего лишь трое, но кто может быть уверен, что у них не будет последователей?

Однако, никто, кажется, сегодня не имеет ни размаха, ни наглости Фабре-Палапра, которому удалось надуть Наполеона, трех королей Франции, несколько зарубежных монархов и многих людей, претендовавших на принадлежность к элите, просто продавая титулы, придуманные гербы и регалии. Но, некий Врен-Люка, разве не продал Академии Наук письма Клеопатры, Марии Магдалины и Верцингеториг... на старо-французском и на бумаге с королевскими лилиями?^[69]

2) Романы о деле тамплиеров

Gerard de Se de. «Les Templiers sont parmi nous», éd. Juillard, 1962.

Жерар де Сед. «Тамплиеры среди нас». Paris, 1962.

Аннотация этой книги утверждает, что она соединила «строгий смысл исторического исследования с настоящим полицейским расследованием». Я воздержусь от комментариев по поводу строгости исследования, но я без колебания отнесу эту книгу к хорошим полицейским романам. Здесь есть старинный замок с подземельями, склеп с саркофагами, знаменитое сокровище, немного алхимии, немного криптографии. Все это увлекательно и, в конце концов, почти сожалеешь, что это неправда. К тому же, можно сожалеть, что автор излишне грешит... уточнениями. Так как, в конце концов, этот подземный зал замка Жизор, чье местонахождение и размеры даны с такой точностью, должен был бы быть найден при раскопках. То, что раскопок никогда не было, заставляет читателя, который «клюнул», остаться немного неудовлетворенным. Это почти как ловушка Бельфегора в музее Лувра, остается сожалеть, что на месте никаких ее следов не найдено.

В этой книге историк также узнает много нового, во что он вряд ли поверит. Например, много говорили плохого о непостоянстве Алиеноры Аквитанской, но и часто старались ее реабилитировать; но никто не сможет больше простить ей то, что она выдала Генриху Плантагенету секреты тамплиеров. И это уже в 1152 г., даты его второй женитьбы, в то время как орден Храма получил свой официальный статус только в 1128 г. и должен был быть, на тот момент, еще совсем не богатым, когда Людовик VII неосторожно расстался с женщиной, столько знавшей! То, что Папа Каликст II приехал во Францию в 1119 г. только для того, чтобы заняться таинственным замком Жизор (р. 210), является весьма оригинальным объяснением. Мыто думали до сих пор, что он уже был во Франции в качестве епископа Баланса до момента его избрания, которое произошло в Клуни, где нашел убежище его предшественник, изгнанный из Рима императором Генрихом V. Сколько секретов, о которых мы не знали, открыл нам господин де Сед!

То, что замок Жизор сориентирован по сторонам света, возможно, но, что все в нем с самого начала строительства было задумано «в зависимости от состояния небесных светил в данном месте на 24 декабря» (р. 229), также как в замке Монсегюр, по мнению других, кажется нам маловероятным, несмотря на графики. А то, что эта загадочная архитектура, посвящена культуре Изиды, кажется еще более удивительным, несмотря на криптографическую загадку, заставившую потерпеть поражение Шарля Нодье (которого мы вовсе не ожидали встретить в этом деле).

Я готов согласиться, что собор Парижской Богоматери был сооружен на месте древнего языческого храма. Так было со многими церквями. Но то, что это демонстрирует связь между аргонавтами и парижскими перевозчиками, очень плохо объясняется латинской надписью... с двумя орфографическими ошибками (р. 187). И, наконец, если действительно тамплиеры отреклись от Иисуса Христа во имя служения Изиде, им надо поставить это в заслугу, так как языческие культы, запрещенные в 392 г. императором Феодосием, могли быть известны в Средние века лишь чрезвычайно редким эрудитам. А сам автор – верит ли в то, что он нам рассказывает? Иногда, чувствуется как проскальзывает сомнение или ирония, например, по поводу этого призрака загадочной королевы Бланки (р. 223), очень хорошо вписывающийся в латинскую фразу, использованную и объясненную... Арсеном Люпенем в «Графине Калиостро».

Я разрушу последнюю иллюзию: безусловно, тамплиеры никогда не «считались мастерами в искусстве криптографии» (р. 147). Эта наука оставалась очень примитивной вплоть до XVI в., когда ее первые методики были усовершенствованы венецианцами и математиками Генриха IV.

Но не слишком требуйте от автора предоставить вам доказательства: он черпал свои данные в книге, которую «невозможно найти в публичных библиотеках» (р. 163), и он сам добавляет: «конечно».

Louis Charpentier. «Les mystères templiers», (éd. Robert Laffont, 1967).

Луи Шерпантье. «Тайны тамплиеров», (изд. Робер Лаффон, 1967).

Если вы любите тайны, вот они! Много романов уже было написано о секретах Храма, связанных со всеми видами оккультизма. Но, в области вымысла, господин Шерпантье намного опередил всех своих предшественников. Он, не колеблясь, переписал всю историю западного мира с XVI в., с даты создания ордена св. Бенедикта, который, якобы, позволил спасти от «варварства» загадочные античные секреты.

Св. Бернар, тайный диктатор христианского мира, передал эти секреты тамплиерам, но ему не хватало главного элемента, скрижалей законов царя Соломона.

Если вы хотите узнать: как св. Бернар послал рыцарей в Палестину, чтобы найти эти скрижали, зарытые в руинах храма; как сногшибательные секреты, записанные на этих скрижалях, позволили спасти цивилизацию; как, получив то, чего добивался, св. Бернар уклонился от второго крестового похода, к которому он, однако, призывал, и как орден Храма перестал интересоваться гробницей Христа; как тамплиеры открыли Америку задолго до Колумба, и поддерживали отношения с индейцами с длинными ушами и привезли оттуда тонны серебра, которое было использовано при строительстве соборов; как тамплиеры изготавливали золото, открыв источник энергии, более мощный, чем деление атома, но биологического происхождения, до сих пор не известные ученым XX в.; как орден тамплиеров почти установил мировое господство, но злобные доминиканцы, завидуя его могуществу и, наслушавшись советов Рима, сумели убедить Филиппа Красивого (чьим духовником был доминиканец, что очень опасно) уничтожить своих конкурентов; и, как, все-таки, орден выжил (так как Жанна д'Арк была тамплиершей), а Христофор Колумб узнал от португальских тамплиеров путь в Америку; как один тамплиер заранее написал предсказания, которые потом были опубликованы под именем Нострадамуса... и здесь я пасую. Читайте, все-таки, книгу. Это более увлекательно, чем Александр Дюма и превосходит все шпионские романы.

Но, все-таки, нужно сказать о религиозном процессе, который занимает весьма мало места в этой книге. По мнению господина Шерпантье, тамплиеры, конечно, отрекались от Иисуса и плевали на распятие; но тот от кого они отрекались, был Иисус, приговоренный Пилатом, а вовсе не Христос. Так как, за много веков до появления современного толкования Библии, тамплиеры проникли в секрет Евангелия, благодаря документам, найденным во время их раскопок в храме: может быть они обладали не исправленной книгой Иосифа Флавия (жалко, что они нам ее не передали, она бы нам очень пригодилась). В любом случае, они знали, что Евангелия соединили два рассказа, имевших различное происхождение: один, касающийся иудейского агитатора враждебного римлянам, вождя вооруженной банды (меч Петра), который, как раз и был приговорен и распят Пилатом, и который не заслуживает ничего кроме плевков; другой рассказ, касающийся учения истинного Христа, Учителя, который, возможно, был учителем справедливости ессеев. Тамплиеры знали все благодаря посвящению, данному им св. Бернаром, обладателем тайных знаний фараонов, создателем готического искусства, и также бывшим еретиком, по мнению Рима (!). Они знали, что земля круглая и измерили ее размеры. Если бы они одержали победу, Францию ждал бы золотой век.

Но Церковь не могла позволить расти силе, угрожающей ее собственному господству и догмам, даже если столь ужасные секреты были переданы всего нескольким посвященным на

тайных ночных церемониях. Итак, мы видим, как против Храма объединились злобный Папа Климент V, злой король Франции и чудовищные доминиканцы, творцы инквизиции. Цивилизация тамплиеров была разрушена и, поэтому, Европа познала снова голод, Столетнюю войну, страшную чуму 1348 г. Но Храм не умер, выжившие хранили и тайно передавали знания. Когда английские короли, потомки Филиппа Красивого, захотели править Францией, они вдохновили Жанну д'Арк и она открыла великий секрет Карлу VII, именно в Шиноне, где высшие руководители Храма томились когда-то в заточении. За это, она была сожжена как Моле. Но месть Храма, осуществленная оккультными средствами, благодаря способности шипа защищать розу, оставалась всегда ужасной: именно, чтобы отомстить за Моле, Людовик XVI^[70] был заточен в Тампль (Храм) и обезглавлен, и т. д.

Если этот роман вас притягивает, вы не соскучитесь. Вы узнаете из него, что Моле умер без страданий, так как владел секретом бонз, которые сжигали себя без боли (хотел бы я в это поверить ради них). Вы также узнаете в книге, где находятся сокровища (опять!) и скрижали Соломона; все это захоронено под одним из прудов, которыми испещрен лес на востоке Шампани.

После всех этих волнующих откровений, разве имеет значение, что автор немножко путает хронологию расследования и процесса? Однако господин Шерпантье испытывает некоторые сложности, пытаясь объяснить признания, полученные не под пыткой и жалкое поведение де Моле в течение семи лет. Ценой таких жертв, скажет он нам, Храм смог сохранить свои секреты. Но почему надо было молчать о стольких, полезных для человечества вещах? Почему, например, когда все было потеряно, не открыть путь в Америку или приемы, которые могли позволить увеличить урожаи? Безусловно, потому, что больше не было бы тайн, а значит и книг подобного рода.

Robert Ambelain. «Jésus, ou le mortel secret des Templiers» (éd. Robert Laffont, 1970).

Робер Амбелен. «Иисус, или смертельный секрет тамплиеров» (изд. Робер Лаффон, 1970).

Из всех объяснений тайны Храма эта, безусловно, самая неблагоприятная для несчастных тамплиеров, так как допускает, что они действительно отрекались от Христа и сознательно плевали на крест.

Все это потому, что на Востоке они узнали «смертельный секрет», а именно, что исторический Иисус не тот, что описан в Евангелиях, а просто вождь разбойников, справедливо приговоренный Пилатом с двумя своими сообщниками.

Идея об Иисусе не нова и автор ограничивается вышиванием по канве, придуманной Даниэлем Массе. Я не буду особо останавливаться на этом аспекте книги, хотя именно это является в ней главным, но задержусь на том, что касается тамплиеров.

Автор не говорит нам, каким образом великие магистры Храма открыли этот «смертельный секрет»: предположительно, все доказательства этого были уничтожены, а христианские тексты «перелицованы». Итак, больше не существует доказательств, что очень удобно позволяет воображению блуждать как угодно. Но, при этом условии, нам не объясняют, как тамплиеры могли получить это невероятное объяснение личности Иисуса.

Положим, они нашли какую-либо рукопись на эту тему (с тех пор, конечно, исчезнувшую); объясните тогда, как они поверили в то, что там написано? Очень вероятно, что христиане XII или XIII в., открыв для себя подобное повествование, отбросили бы его с возмущением и продолжали бы верить в евангельские рассказы.

Надо ли добавить, что в процессе над тамплиерами нет ничего, что содержало бы хоть намек на эту тему? Даже высшие руководители называли себя добрыми христианами,

просили разрешить участвовать в мессе, выказывали глубокое почитание Деве Марии. Приписывать мученикам Храма такое отречение от их веры, это, все-таки, безосновательно оскорблять их память. Не ответили ли на него заранее узники, которые в Домме, в Перигоре начертали на стенах своего узилища эти поучительные надписи: повсюду кресты и следующие слова: «*Ecce lignum crucis, credo*» (вот дерево креста, я в это верю)?^[71]

Не может воображение заменить внимательного изучения документов для описания истории.

Примечания

1

Филипп Красивый – французский король в 1285–1314 гг. (*Примеч. ред.*)

2

Латино-Иерусалимское королевство – королевство, основанное на Ближнем Востоке крестоносцами. (*Примеч. ред.*)

3

В предыдущей работе: *Godefroid de Bouillon*. Bruxelles, 1943. (*Примеч. авт.*)

4

В 1099 г. Крестоносцы разгромили при Аскалоне армию, посланную египетским халифом из династии Фатимидов, чтобы отвоевать Иерусалим. (*Примеч. ред.*)

5

Арабская династия Фатимидов правила в Египте с начала X в. (*Примеч. авт.*)

6

Меченосцы – военно-монашеский орден, основанный в 1202 г. для захвата и крещения Восточной Пруссии. В 1237 г., после разгрома в битве с литовцами меченосцы слились с Тевтонским орденом, образовав Ливонский орден. (*Примеч. ред.*)

7

На эту тему см. работу Дансера: *Dansaert. Histoire de l'ordre souverain et militaire de saint Jean de Jerusalem, dit de Rhodes ou de Malte, en Belgique*. Bruxelles, 1932. (*Примеч. авт.*)

8

Орден рыцарей-меченосцев был создан в 1204 г. в Дюнамюнде (Ливония) Альбером Апельдорнским, епископом Ливонским. Поначалу в их полномочия входила защита христианских миссионеров, но мало-помалу они были вовлечены в завоевание территорий, населенных язычниками-славянами. Они заняли Эстонию и часть Ливонии. В 1237 г. слились с орденом тевтонских рыцарей. (*Примеч. авт.*)

9

Замок Вье Жон в Рижковене, в бельгийском Лимбурге являлся резиденцией командора тевтонских рыцарей. (*Примеч. авт.*)

10

Автор имеет в виду конфликты за главенство в сфере торговли с Ближним Востоком, которые развернулись в городах Латино-Иерусалимского королевства после его основания (особенно кровопролитными ставшие в XII в.) между купцами трех крупных и независимых торговых республик – Пизы, Генуи и Венеции. Иногда столкновения меж ними были столь сильны, что фактически парализовывали всю жизнь крестоносных государств на Востоке. (*Примеч. ред.*)

11

Балдуин II – иерусалимский король в 1118–1131 гг. Двоюродный брат основателя королевства Готфрида Бульонского. (*Примеч. ред.*)

12

А св. Бернар, как упоминалось выше, принадлежал как раз к ордену цистерцианцев. (Примеч. ред.)

13

Этот плащ напоминал рясу с капюшоном, которую носили цистерцианцы. И иногда речь заходила о «цистерцианском ордене Храма». (Примеч. авт.)

14

Как нам известно, эти «отченаши» (patenotres) вменяются в обязанность братьям-мирянам в большинстве религиозных орденов. С другой стороны, следует отметить, что альбигойцы довольствовались однократным прочтением *Отге наш*; далее же мы увидим, что тамплиеров обвиняли в альбигойстве. (Примеч. авт.)

15

Этому слову близко валлонское «escorée», означавшее кнут. (Примеч. авт.)

16

Небольшие фермы, отдаваемые в аренду и находящиеся в зависимости от командорства. (Примеч. авт.)

17

Оммаж – церемония подчинения вассала сеньору в эпоху феодализма: будущий вассал становился на колени, и вкладывал свои руки в руки сеньора, принося клятву верности, взамен получал поцелуй мира и какой-либо предмет (меч, стяг, пояс, шапку и т. д.), олицетворявший передачу феода – земельного владения или денежной ренты. (Примеч. ред.)

18

Бальи – сеньориальный чиновник; во французском королевстве бальи был судебным и административным представителем короля в особом округе, бальяже. (Примеч. ред.)

19

Слово «ассасин» происходит по убеждению некоторых от слова «гашишин» (употребляющий гашиш) или от персидского *hassissin*, означающего острый кинжал. (Примеч. авт.)

20

Сунниты и шииты – два направления ислама. Сунниты избирали халифов из всей мусульманской общины, шииты – из потомков Али и дочери Мухаммеда. (Примеч. ред.)

21

Раймунд Сен-Жильский – граф Тулузский в 1045–1105 гг., один из предводителей первого крестового похода. Во время похода неоднократно ссорился с другими баронами из-за власти над захваченными в Святой Земле городами. (Примеч. ред.)

22

У мусульман долго существовало нечто вроде культа св. Георгия. В Ливане турки возвели мечеть на том месте, где, по их мнению, св. Георгий победил змея, который должен был проглотить дочь князя Бейрута. (Примеч. авт.)

23

Ги де Лузиньян – иерусалимский король в 1186–1187 гг., потерпел поражение в битве с египетским султаном Саладином (1187 г.), после которой почти все Иерусалимское королевство было захвачено мусульманами. (Примеч. ред.)

24

Бейбарс, четвертый мамлюкский султан Египта. (Ум. 1151 г.) (Примеч. авт.)

25

Сугерий – аббат монастыря Сен-Дени, советник французских королей Людовика VI и Людовика VII. *(Примеч. ред.)*

26

Петр Отшельник (ум. 1116 г.) – странствующий проповедник, один из вдохновителей Первого крестового похода. *(Примеч. ред.)*

27

Фульк из Нейи (ум. 1202 г.) – кюре Нейи-сюр-Марн, известный проповедник, которому Папа Римский Иннокентий III поручил проповедовать крестовый поход. *(Примеч. ред.)*

28

В 1303 г. противники Папы Римского Бонифация VIII (1294–1303 гг.) во главе с посланником французского короля Филиппа IV Красивого Гильомом Ногаре ворвались в итальянский городок Ананьи и захватили понтифика в плен. Эта акция была одним из этапов борьбы Бонифация VIII и Филиппа IV, начавшейся из-за непомерных притязаний Папы, видевшего себя единственным главой христианского мира. Филипп обвинил Бонифация в ряде преступлений, несовместимых с папским саном (в том числе и убийстве предыдущего Папы, Целестина V). Целью захватившего Папу Ногаре было привести его на заседание Вселенского Собора и лишить папской тиары. Вскоре Ногаре и его сторонники были вынуждены отпустить Папу, но от потрясения Бонифаций VIII скончался спустя некоторое время. Даже после смерти Бонифация Филипп IV требовал от его преемников продолжить обвинительный процесс против умершего и лишить его христианского погребения. *(Примеч. ред.)*

29

Непотизм – раздача выгодных должностей и привилегий родственникам. *(Примеч. ред.)*

30

Fawtier R. Histoire de L'Europe. Paris, 1940. T. VI.

31

Это нынешний квартал Марэ или квартал Тампль. *(Примеч. авт.)*

32

Имеется в виду Вселенский собор, который Филипп IV Красивый хотел созвать для суда над Папой Бонифацием VIII. *(Примеч. ред.)*

33

Безье в истории того времени окружен мрачным ореолом. За сто лет до этого в июле 1209 г. во время крестового похода против альбигойцев город стал свидетелем знаменитой резни. Именно в Безье в 1297 г. инквизиция обвинила королевских чиновников в ереси. *(Примеч. авт.)*

34

Уже тогда существовало выражение «пить как тамплиер», а в Германии слово *Tempelhaus* означало публичный дом. *(Примеч. авт.)*

35

Ногаре, Гильом (ок. 1270–1313) – легист и приближенный французского короля Филиппа IV. Играл значительную роль в конфликте короля с Папой Бонифацием VIII и процессе тамплиеров; Дюбуа, Пьер (ок. 1250 – после 1321) – лицензиат канонического права, королевский адвокат в бальяже Кутанса. Автор многочисленных трактатов, где он ратовал за увеличение королевских прерогатив на территории всего королевства и мечтал об установлении гегемонии французского короля Филиппа IV над всем христианским миром. *(Примеч. ред.)*

36

Ангерран, сеньор Мариньи (ум. 1315) – камергер Филиппа IV Красивого и его приближенный советник, в 1311–1314 гг. осуществлял руководство внешней политикой королевства, а в 1314 г. – контролировал финансовую политику государства. *(Примеч. ред.)*

37

Речь идет о конфликте неаполитанских королей из Анжуйской династии и арагонских королей, с 1282 г. оспаривавших друг у друга власть над Сицилией. Французские короли, которым правители Анжуйской династии приходились близкими родственниками, поддерживали их в борьбе против арагонцев. *(Примеч. ред.)*

38

Так, например, марсельский поэт Ростан Беренгьер сочинил сатирические куплеты против тамплиеров. Однако следует заметить, что трубадуры, так любящие обличать в своих *сирвентах* духовенство и сеньоров, никогда не делали тамплиеров своей мишенью. Это неоспоримо свидетельствует в пользу ордена. Стоит ли говорить о «пропаганде в прессе», проводимой по согласованию с высшими кругами? Как утверждалось, Франсуа де Рю, преемник Жана де Мена, написал по приказу Филиппа Красивого сатирический роман *о Фовеле*, высмеивающий тамплиеров, но также и Папу Римского, и нищенствующие ордены. Слово «*фовель*» якобы означало «*бафомет*», о котором мы расскажем далее. Это одно из многочисленных утверждений, которые не были проверены комментаторами процесса. Фовель – это лошадь рыжей масти, как свидетельствует выражения, употребляемые в XIII в.: «оседлать, чистить скребницей, вытирать фовель», означавшие «подло поступить, обнадежить и обмануть».

«*Роман о Фовеле*» состоит из двух книг, довольно сильно разнящихся по стилю. Первая датируется 1310 г., вторая – 1314. Автор второй, без сомнения, Жерве дю Бю. По словам Гастона Пари, похоже, что первую книгу написал другой автор. Она содержит четырнадцать шестистрочных строф, посвященных тамплиерам, десять из них, как кажется, были вставлены в первоначальный текст. Автор первой книги – это некий клирик, сильно заботящийся о привилегиях Церкви, не расположенный оправдывать Филиппа Красивого и Папу Климента V, тогда как тот человек, что делал вставки в его текст (между 1310 и 1314 гг.), всецело защищал интересы Филиппа Красивого. Этот тезис не имеет ничего общего с тезисом Лангфора, издавшего «*Роман о Фовеле*» и склонного приписывать авторство обеих книг одному человеку. Если та часть, где говорится о тамплиерах, является добавлением в текст – хотя ничто этого не доказывает, – это могло бы быть делом рук «человека ограниченного, который, как и многие другие, верил обвинениям, выдвинутому против тамплиеров». В любом случае «*Роман о Фовеле*» не может считаться памфлетом, инспирированным Филиппом Красивым: он не является частью «пропаганды в прессе», которая, по слухам, была организована приспешниками короля. *(Примеч. авт.)*

39

Легист – знаток гражданского права, получивший образование в университетах Тулузы, Монпелье или Орлеана. С конца XIII в. легисты играли важную роль в окружении французских королей (особенно Филиппа IV). *(Примеч. ред.)*

40

Элевсинские мистерии – в античной Греции ежегодные празднества в честь богинь Деметры и Персефоны. *(Примеч. ред.)*

41

Симон де Монфор (ок. 1160–1218) – мелкий французский сеньор, возглавил крестовый поход против еретиков-альбигойцев Южной Франции; захватил герцогство Нарбоннское и графство Тулузское. *(Примеч. ред.)*

42

Среди множества людей, приехавших к королю в Пуатье, отметим еще и графа Фландрского, Роберта Бетюнского, который явился, чтобы просить о пересмотре мирного договора, заключенного в Атис-сюр-Орж. Его сопровождало большое число депутатов, среди которых был Жан Брейдель. *(Примеч. авт.)*

43

Раймунд Луллий, называемый «ученым-ясновидцем», был одновременно солдатом, миссионером и философом. Он умер мученической смертью, желая обратить арабов в другую веру. *(Примеч. авт.)*

44

Histoire littéraire de la France, т. XXVI. *(Примеч. авт.)*

45

Имеется в виду политика Бонифация VIII, враждебная Филиппу IV Красивому. *(Примеч. ред.)*

46

Guiraud J. L'inquisition médiévale. Paris, 1928. *(Примеч. авт.)*

47

Vacandard. L'Inquisition. Paris, 1907. Рекомендуются для прочтения тем, кто хочет создать полную картину деятельности инквизиции. *(Примеч. авт.)*

48

Бернар Делисье (ум. ок. 1320) – монах, францисканец, непримиримый недруг ордена доминиканцев и инквизиции. Выступал с яркими проповедями во Франции и Италии, привлек на свою сторону многих знатных лиц и простой народ. В 1296 г. стал душой восстания в Каркассоне против инквизиции. Прибыв к королевскому двору с целью ходатайствовать перед королем за альбигойцев, открыто обвинил инквизицию. В 1303 г. Бернар присоединился к заговору, цель которого – организовать в Лангедоке мятеж против Филиппа IV Красивого. Был арестован и выдан Клименту V в 1307 г. *(Примеч. ред.)*

49

Mollat. Templiers//Dictionnaire apologétique de la foi catholique. Paris, 1922. Т. IV.

50

Моисей наказал сынов Израиля за поклонение золотому тельцу, повелев каждому взять меч и убить ближнего своего. *(Примеч. ред.)*

51

Levis-Mirepoix, duc de. Philippe le Bel. Paris, 1936.

52

Битва при Куртре (8 июля 1302 г.) – сражение, в котором французские рыцари Филиппа IV потерпели полное поражение от городского ополчения Фландрии. *(Примеч. ред.)*

53

Рельеф – денежная сумма, которую наследник умершего вассала выплачивал сеньору за право владеть фьефом. *(Примеч. ред.)*

54

Ги де Дампьер – граф Фландрии в 1251–1305 гг.

55

Целестин V (Пьетро дель Морроне) – итальянский монах-отшельник, известный своей святостью. В 1294 г. избран Папой Римским. Сознвая несоответствие папского сана с принципами отшельнической жизни, отрекся от папской тиары в том же 1294 г. Умер в

заточении в неаполитанской крепости, куда его поместил его бывший советник и новый Папа, Бонифаций VIII, спустя восемнадцать месяцев после отречения. Бонифация VIII обвинили в том, что он его отравил. *(Примеч. ред.)*

56

Антуан Арно (1612–1664) – французский богослов, доктор Сорбонны, защищал янсенистов от преследовавших иезуитов. *(Примеч. ред.)*

57

Gebhart. L'Italie mystique. Paris, 1904.

58

Godefroid de Bouillon. Bruxelles, 1943.

59

Пулены (доел, жеребчики) – презрительное прозвище потомков крестоносцев, живших в христианских государствах Святой Земли. *(Примеч. ред.)*

60

Gérard de Se de: «Les Templiers sont parmi nous», Paris, 1963. *(Примеч. авт.)*

61

Жерар де Сед дает их исходные данные и даже приводит фоторепродукцию, те есть это не является государственным секретом. *(Примеч. авт.)*

62

Gérard de Se de. Op. cit. *(Примеч. авт.)*

63

Robert Charroux. Trésors du monde. Paris, 1962. *(Примеч. авт.)*

64

Robert Charroux. Op. cit. *(Примеч. авт.)*

65

Le procès Louis XVII, éd. Amiot-Dumont. Paris, 1955; Maurice Garçon. Louis XVII ou la fausse énigme. Paris, 1968.

66

Регент до 1723 г., затем герцог дю Мэн (1723–1736), Луи-Анри де Бурбон-Конде (1736–1740), Луи-Фердинанд де Бурбон-Контти (1741–1776), и, наконец, Луи Эркуль Тимолеон де Коссе-Бриссак, который был губернатором Парижа и командующим швейцарской гвардией при Людовике XVI. *(Примеч. авт.)*

67

Le miroir de l'histoire, 1963, p. 401.

68

L'événement, n. de juin 1967, p. 84.

69

Cf. Jacques Franju: «Le grand canular», éd. Seghers, 1963.

70

Однако он являлся, пусть косвенным, потомком Филиппа Красивого: все упорно и называли его Капетом. *(Примеч. авт.)*

71

Сравните исследования этих граффити, сделанные Теннелье в журнале «Archeologia», № 33 и 38. *(Примеч. ред.)*.